

**СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

АРКАДИЙ АДАМОВ

**ИНСПЕКТОР
ЛОСЕВ**

**КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

Коллекционное иллюстрированное издание

Аркадий Адамов
Инспектор Лосев

«Алисторус»

1975, 1981

УДК 82-31
ББК 83.3

Адамов А. Г.

Инспектор Лосев / А. Г. Адамов — «Алисторус»,
1975,1981 — (Коллекционное иллюстрированное издание)

ISBN 978-5-907332-07-2

В 1956 году была издана повесть Аркадия Адамова «Дело «Пестрых»» — первый советский детектив, благодаря которому возродился этот жанр в СССР. Одноименный фильм был одним из первых советских кинодетективов. При написании более 30 произведений о сотрудниках МУРа писатель не ограничился беседами с сотрудниками уголовного розыска. Он часами вместе с ними сидел в засадах, выезжал на задержания и обыски, присутствовал на совещаниях. Главные герои его произведений Федор Цветков и его ученик — Виталий Лосев. Впервые в одном томе повесть «Дело пестрых» и трилогия «Инспектор Лосев». Книга снабжена подробной биографией автора и иллюстрированной историей Московского уголовного розыска.

УДК 82-31

ББК 83.3

ISBN 978-5-907332-07-2

© Адамов А. Г., 1975,1981

© Алисторус, 1975,1981

Содержание

Об авторе	6
Злым ветром	14
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	53
Глава 5	70
Часть вторая	91
Глава 1	91
Глава 2	95
Глава 3	102
Глава 4	111
Глава 5	124
Глава 6	139
Глава 7	154
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Аркадий Адамов Инспектор Лосев

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

© Адамов А.Г.

© ООО «Алисторус», 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Об авторе

Жанр детектива не столь древен, как эпические оды или народные сказки, но его зачатки появились почти также давно, как преступления и люди, выясняющие обстоятельства их совершения. В древнегреческих трагедиях нередко можно встретить интригующие расследования, которые ведут цари, их жены и придворные. И чем дальше, тем все чаще в художественных произведениях появлялись загадочные происшествия и герои, их расследующие.

Самый знаменитый сыщик в литературном мире – Шерлок Холмс, созданный воображением английского писателя Артура Конан Дойла. В русской литературе этот жанр был развит слабо, преступники зачастую изображались одновременно и сыщиками (Ванька Каин). Успешными были лишь воспоминания о работе петербургской и московской уголовной полиции (Иван Путилин «Сорок лет среди грабителей и убийц», Аркадий Кошко «Очерки уголовного мира царской России»). Но мемуары – это не детективная литература, которая основана на интриге раскрытия преступления.

Про убийства и преступников в России было написано немало художественных произведений. Но у них отсутствовал главный признак детективного жанра – жуткая тайна и ее расследование.

Максим Горький с трибуны первого советского съезда писателей в 1934 году заклеил детективный литературный жанр исключительно как проявление буржуазной культуры: «Детективный роман до сего дня служит любимейшей духовной пищей сытых людей Европы, а проникая в среду полуголодного рабочего, этот роман служит одной из причин медленного роста классового сознания, вызывая симпатию к ловким вора, волю к воровству... способствует росту убийств и других преступлений против личности».

Отечественный детектив зародился еще в 1920-х годах, хотя и прятался под названием «приключенческая литература». Но это были ремесленные поделки, перепев зарубежных авторов.

А читателям хотелось высокого художественного уровня. Для этого нужен был настоящий писатель, а не халтурщик. И он появился...

Аркадий Адамов родился 13 июля 1920 года в семье писателя-фантаста Григория Адамова, автора популярного в 1930-х годах приключенческого романа «Тайна двух океанов». Окончив среднюю школу в 1937 году, поступил в Московский авиационный институт.

В 1941 году с четвертого курса студенческой скамьи Аркадий ушел добровольцем на фронт. Он вспоминал: «Тогда у нас воевал каждый, кто мог, в этой святой и грозной войне воевал там, куда занес его огневой вихрь событий. Я служил в легендарной ОМСБОН – отдельной мотострелковой бригаде особого назначения, гордость и счастье моей военной службы. И тут – первое соприкосновение с оперативной работой. А потом – Ленинградская военно-воздушная академия, куда меня, бывшего студента Авиационного института, перевели с группой других бывших студентов чуть не насильно, в тыловую, занесенную снегом Йошкар-Олу. Практика на фронтовых аэродромах. А душа рвалась назад, к друзьям в ОМСБОН...»

Аркадий Адамов – участник Московской битвы ноября 1941 – марта 1942 годов, других операций Западного фронта. Был ранен в 1943 году и вскоре уволен в запас по болезни.

После демобилизации поступил на исторический факультет Московского государственного университета, который окончил в 1948 году. Начал литературную деятельность как автор приключенческих повестей о русских путешественниках, первооткрывателях новых земель: «Шелехов на Кадьяке» (1948), «Первые русские исследователи Аляски» (1950). Первый сборник рассказов Адамова «По неизведанным путям» (1950) был посвящен русскими путешественникам, исследователям Аляски и Калифорнии: А.А. Баранову, К.Т. Хлебникову, А.Ф. Кошеварову и Л.А. Загоскину. Затем выходит в свет историческая повесть «Василий

Пятов» (1952) – о русском изобретателе, который в 1859 году открыл новый способ изготовления корабельной брони.

Избрав профессию журналиста, Аркадий Адамов мотается по командировкам из конца в конец советской страны, пишет очерки и статьи. И вдруг в одной из газет он наткнулся на заметку, в которой сухо сообщалось, что сотрудники уголовного розыска разоблачили шайку преступников: «Совсем маленькая, торопливая, я бы даже сказал, стыдливая заметка, так, мимоходом тиснутая почему-то, запрятанная в ворохе других, ярких, броских, куда более важных и злободневных сообщений, – вспоминал Аркадий Георгиевич. – А у меня вдруг как-то неожиданно загорается душа, словно сам я что-то нашел, на что-то неожиданно наткнулся...»

Адамов в 1952 году получает доступ к архивным материалам Московского уголовного розыска и разрешение на встречи с сотрудниками МУРа.

Комментатор книг Адамова Евгений Рысс вспоминал: «Писатель мог ограничиться беседами со следователями, оперативными работниками и специалистами научно-технического отдела. Но может быть, А. Адамов понимал, что написать хорошую книгу после таких бесед невозможно, а может быть, просто его увлекли специфика розыскной работы, сочетание логики и риска, объективных данных науки и смелых логических построений. Так или иначе, А. Адамов, к счастью, не ограничился беседами. Он ходил на операции, участвовал в обысках и засадах, дежурил по ночам в МУРе и выезжал с оперативными группами на место преступления. Короче говоря, он знает дело не по рассказам. Он пережил, как и его герои, напряженные часы в засаде, когда нельзя ни кашлянуть, ни закурить, ни пошевелиться. Сидел на оперативных совещаниях. Участвовал в обысках, когда точно известно, что крупный преступник скрывается здесь, в этой комнате или в этой квартире, а найти его не удастся».

Повесть Адамова «Дело “пёстрых”», увидевшая свет в 1956 году в журнале «Юность» и в этом же году выпущенная отдельной книгой, стала первым советским популярным детективом. В повести рассказывается о шайке преступников, совершивших множество жестоких тяжелых преступлений и об упорной борьбе с ними сотрудников Московского уголовного розыска во главе с оперативным работником Сергеем Коршуновым.

Два года спустя по этой книге режиссер Николай Досталь поставил одноименный фильм. Он стал первым советским боевиком, и зритель валом валил на остросюжетную картину. Тем более, что роли исполняли сплошь звезды советского кинематографа: Всеволод Сафонов, Алексей Грибов, Владимир Кенигсон, Евгений Матвеев, Иван Переверзев, Олег Табаков, Михаил Пуговкин, Наталья Фатеева.

Популярность требовала от Адамова продолжения труда в детективном жанре. Следующая книга Адамова «Черная моль» (1958) – продолжение предыдущей повести, теперь оперативник Сергей Коршунов расследует хищения на меховой фабрике.

Автор избирает профессию своеобразного художественного хроникера работы советской милиции. В последующие тридцать лет выходит множество новых детективных произведений писателя.

Главным героем цикла произведений об уголовном розыске стал инспектор Виталий Лосев: «След лисицы» (1965), «Круги по воде» (1968), дилогия «Злым ветром» и «Гастролер» (1972), «Квадрат сложности» (1973), «Петля» (1975), «Час ночи» (1977), «На свободном месте» (1981), «Вечерний круг» (1982), «Идет розыск» (1985), «Болотная трава» (1989).

Распутывая невероятно сложные дела, собирая по крупицам нужную информацию, часто рискуя собственной жизнью, Лосев неизменно отыскивает преступников, и они предстают перед законом.

Для писателя важно не только раскрытие краж, мошенничества, убийств, но и важные вопросы о причинах преступлений и возможности их предотвращения. Писатель хочет направить человеческую душу на лучший путь, на добро, на активную защиту человеческой жизни. Он предостерегает: «Самое страшное в человеке – позиция “моя хата с краю”, равнодушие к

чужой беде, к чужой жизни, порой очень близкой, соседней... Главное – совесть и гражданская позиция».

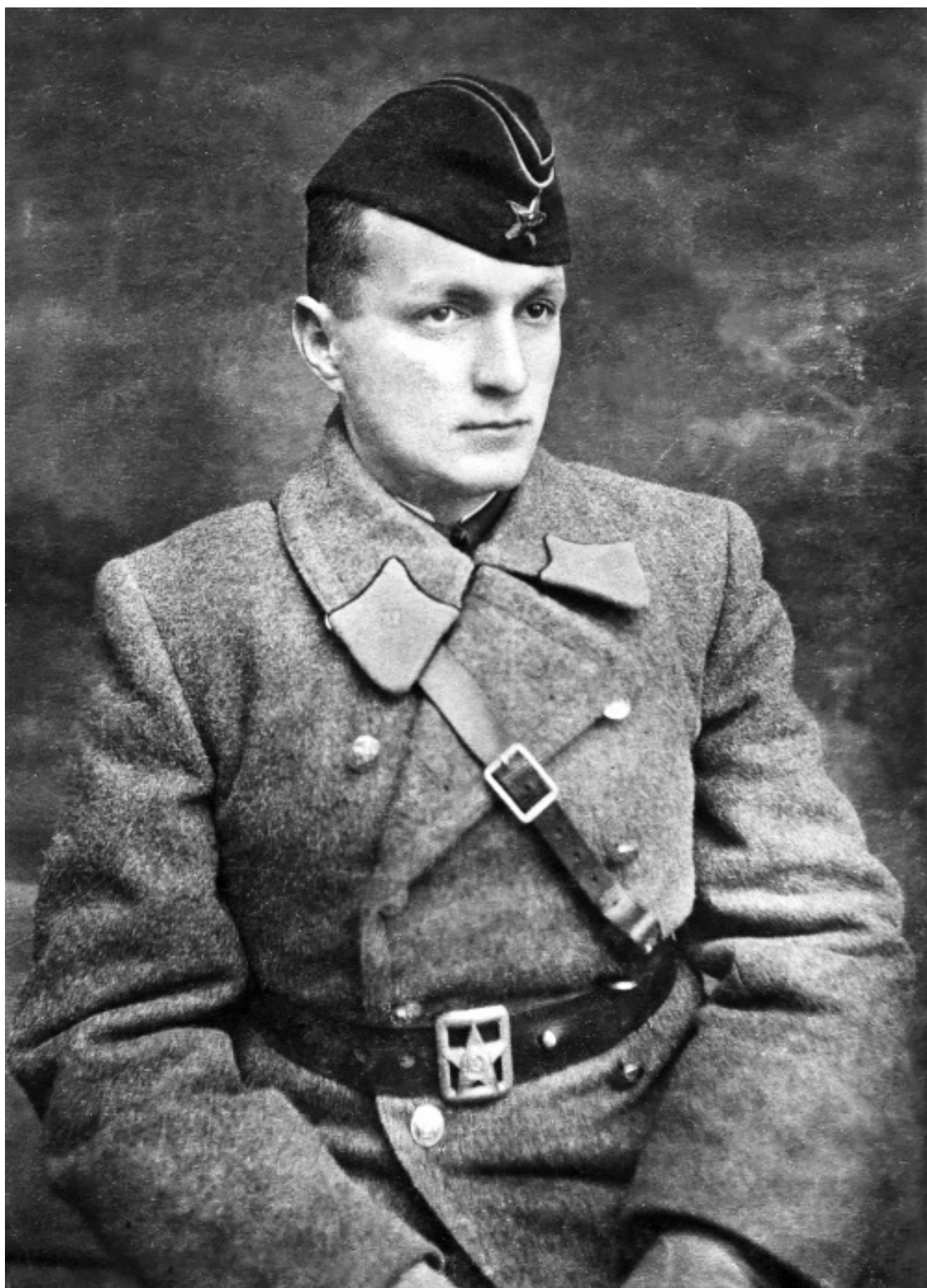
Адамов умеет изобразить не только работу следователя, эксперта в криминалистической лаборатории, но и создать достоверный образ преступника, он проходит по всему жизненному пути негодяя, потерявшего уважение к чужой человеческой жизни, поставившего целью своего пребывания на земле исключительно стремление к богатству и власти, которых он добывает с помощью предательства и преступления.

В 1980 году Адамов опубликовал автобиографические записки, в заголовке которых уже указал на свое творческое кредо: «Мой любимый жанр – детектив». Он рассказал о пионерах увлекательного и жутковатого детективного сюжета в мировой литературе: Эдгаре По, Гильберте Честертоне, Артуре Конан Дойле, о советских писателях приключенческого жанра, пытавшихся подражать им. Адамов попытался объяснить секрет успеха детективного жанра у читателей: «Я полагаю, что причина заключается, во-первых, в тайне, неизменно лежащей в сердцевине сюжета детективного романа. Человеку во все времена свойственно жгучее любопытство, волнующее, непреодолимое стремление к разгадке тайны, всего непонятного, загадочного, что встречается на его пути. И чем эта тайна значительнее, опаснее или ценнее, тем острее желание разгадать ее. Но почему же в детективном романе, как правило, эта тайна убийства? Ведь это, казалось бы, примитивный способ заинтересовать читателя. Да, но и наиболее верный. Ибо любые тайны природы, науки, карьеры, даже любовные – меркнут перед тайной неожиданного, непонятного, зловещего убийства. Жить или умереть – это главное для каждого. И человек, подло и несправедливо похищающий жизнь другого, – это в глазах всех самый опасный, самый страшный враг. Найти его, обезвредить и наказать – нет более желанной, более волнующей цели. И потому поиск убийцы, все неожиданные повороты и таинственные изгибы сюжета, весь риск, все опасности на этом пути наполняются для читателя особым эмоциональным накалом».

Адамов скончался 26 июня 1991 года. Прошло почти два десятилетия со времени его кончины, число авторов, пишущих и публикующих в нашей стране свои детективы стало неизмеримо больше. Но планки высокого художественного мастерства Адамова в этом жанре так никто и не достиг.

Вострышев. М. И.

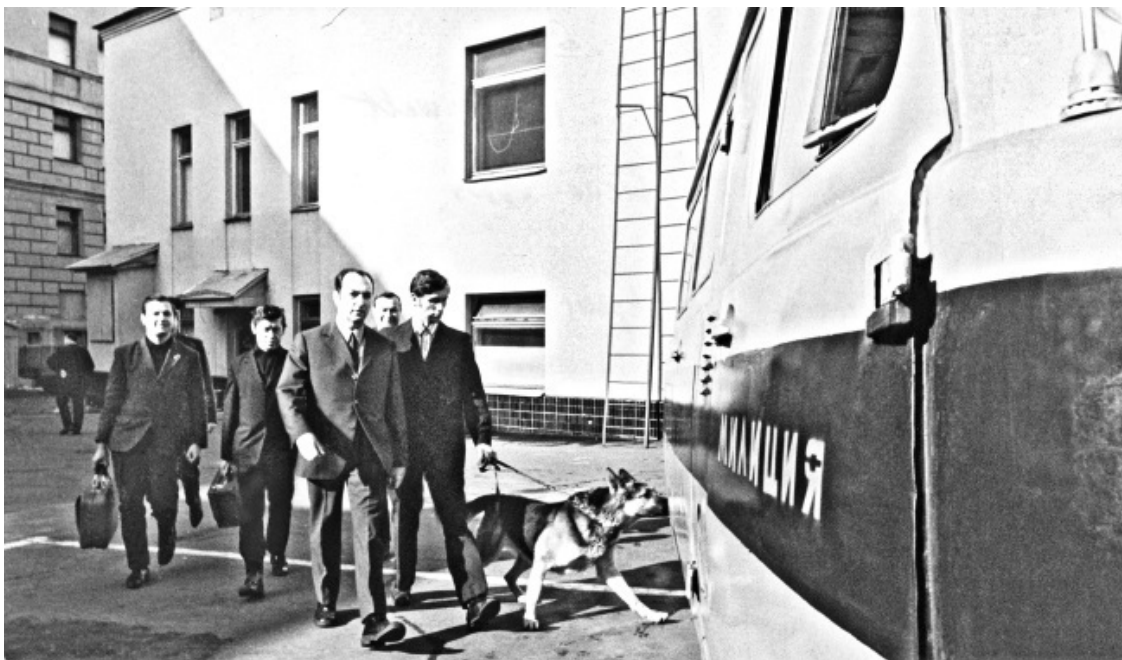

Аркадий Адамов. 1942 год. Из личного архива Е. А. Адамова

Аркадий Григорьевич Адамов. Из личного архива Е. А. Адамова

*Выезд на место происшествия. МУР. В центре – А. Адамов. 1973 года.
Из личного архива Е. А. Адамова*

*В НТО ГУВД Москвы. Второй слева – А. Адамов. 1973 год.
Из личного архива Е. А. Адамова*

*На съёмках «Дела пёстрых». Справа налево: А. Адамов, режиссер Н. Досталь, н-к МУРА
И. Парфентьев, актёр В. Сафонов.
Из личного архива Е. А. Адамова*

*На съёмках «Дела пёстрых». Справа налево: режиссер Н. Досталь, актёр В. Сафонов,
н-к МУРА И. Парфентьев, А. Адамов.*

Из личного архива Е. А. Адамова

Злым ветром

Часть первая «Гастролер»

Глава 1 Самая банальная завязка

Случилось это восемнадцатого сентября, под вечер. Неожиданно вызывает меня Кузьмич. Я, признаться, на это никак не рассчитывал и все дела на сегодня уже закруглил. Мы со Светкой собрались вечером на концерт, югославский ансамбль какой-то приехал. Она с ума сходит по этим ансамблям.

И вдруг на тебе. Часов в шесть звонок по внутреннему телефону. Кузьмич. «Лосев, зайди ко мне». Я уже по тону его догадался: задание, не иначе.

Прихожу. «Такое дело, – говорит. – Кража в гостинице». И называет, какая гостиница. «Там, – говорит, – из отделения работники уже есть. Будешь за старшего. Разберись как следует, – потом мельком взглянул на меня и добавляет. – Ничего не поделаешь, Лосев. Театр отложи. Светлана свой человек, сознательный, работу нашу знает». Конечно, физиономия моя в этот момент восторга не выражала, а костюм я с утра новый надел и галстук соответствующий. Словом, догадаться нетрудно. Я, понятно, молчу. Возражать в таких случаях бесполезно. Про себя только думаю, что эту паршивую кражонку ребята из отделения и сами прекрасно размотают. Вовсе не обязательно, чтобы еще из отдела нашего приезжали. А тут в третий раз концерт летит. Меня он, конечно, не так уж и волнует. Но Светка... Что ж это за личная жизнь получается?

Тем не менее, через двадцать минут я был уже в гостинице.

Действительно, из триста девятнадцатого номера на третьем этаже утанули все вещи. Номер «полулюкс», две комнаты. Ребята там уже работают. В одной комнате допрашивают горничную – молоденькая девчонка, зареванная, тушь с глаз течет. В другой комнате беседуют с пострадавшим. Солидный человек, инженер, из Киева. Невысокий, полный, седой венчик вокруг лысины, очки. Красный сидит, разгневанный. Понять его, конечно, можно. Унесли выходной костюм, новое пальто, какой-то необыкновенный транзистор, импортный. И вообще все унесли. В чемодане одни носовые платки остались. Словом, понятно. Человек в Москву приехал, все лучшее с собой взял. Ребята, конечно, каждую украденную вещь записывают.

«Где, – спрашиваю, – дежурная по этажу?» – «Сейчас, – говорят, – придет. Ищут ее». Ладно, думаю, займусь с ней сам. А пока слушаю горничную. Она ревет в три ручья. Пожалуй, ребята слишком официально, даже враждебно с ней говорят. Особенно Авдеенко. Здоровущий медведь, просто рыкает, а не говорит. Словно ему уже ясно, что эту кражу совершила она.

Не могу видеть, когда женщина плачет, не притворно, конечно, а искренне. Мне ее жалко. Даже когда плачет от раскаяния, от страха перед ответственностью, если совершила что-то незаконное, я стараюсь, чтобы она не плакала, а думала. Все должно быть справедливо, и она должна это понять. Как и всякий человек, впрочем, с кем мы имеем дело.

– Погодите, – говорю. – Ты, Авдеенко, спустись вниз, потолкуй со швейцаром, кто заходил, кого заметил. У него борода длинная, он плакать не будет. А ты, – говорю другому сотруднику, – садись вон за тот столик, будешь записывать.

Говорю я все это нарочито спокойно, властно, и девчонка перестает плакать. Глаза ее, подведенные, с черными потеками краски, смотрят на меня беспокойно и настороженно: что, мол, сулит ей этот длинный франтоватый парень, то есть я. Авдеенко, хмурясь, уходит. Яша Фролов пересаживается к столу. Я спрашиваю девушку:

– Вас как зовут?

– Волшина...

У нее еще дрожат губы.

– А зовут как?

– Катя...

– Ну вот, Катя, – говорю я таким довольным тоном, словно теперь, когда она сказала, как ее зовут, все будет в порядке, и самое неприятное для нее позади.

И у нас начинается разговор. Честное слово, совсем неплохой разговор, нормальный. Катя успокаивается, сосредоточивается, хмурит свои тоненькие брови и начинает вспоминать. И не что она делала и где была, а кого видела в этом коридоре приблизительно с двух часов дня, когда гражданин Попийвода ушел из своего номера по делам, и до шести, когда вернулся и обнаружил кражу.

Катя вспоминает женщину с мужчиной, которые пришли к своему знакомому из Воронежа, проживающему в триста семнадцатом. Катя видела, как они туда зашли, а вот когда вышли, не видела. И я выразительно смотрю на Яшу Фролова, и тот начинает записывать. Потом Катя вспоминает еще одну женщину, та искала четыреста двадцать пятый номер, и Катя ей сказала, что это на четвертом этаже. А женщина почему-то пошла дальше по коридору, и Катя ее вернула. Я вижу, как Фролов продолжает записывать. А Катя довольно толково дает приметы женщины. Потом вспоминает какого-то невысокого шуплого мужчину с большим портфелем. И другого, усатого, в шляпе...

Когда в номер заходит дежурная по этажу, я уже спокойно могу оставить с Катей Яшу Фролова. А дежурная по этажу оказывается женщиной немолодой, со вкусом одетой, очень уверенной и спокойной. Конечно, она тоже взволнована происшедшим, но это выражается у нее только в особой сдержанности и строгости. Что ж, волноваться у вас есть все основания, мадам. Именно у вас больше, чем у кого-нибудь другого. Где же вы пропадали? Почему вас не могли найти? Вы, в свою очередь, что-то искали, не так ли? Я даже догадываюсь, что именно. Ведь я обратил внимание на дверь номера, когда вошел.

Мы садимся в сторонке, у столика. Я кладу перед собой бланк допроса, достаю шариковую ручку. Тут никаких подходов не требуется. Женщина деловая, и разговор будет прямой. Задаю стандартные, анкетные вопросы. Она спокойно отвечает. Руки со сцепленными пальцами лежат на столе, не дрогнут. И только на шее проступили красные пятна.

– Что ж, Маргарита Павловна, – говорю я. – Расскажите, как это все случилось.

Я сознательно не ставлю вопросы в лоб, хочу посмотреть, какую она займет позицию. А отсюда – и какой у нее характер. Этому я научился у Кузьмича. И не скрываю, кстати. Ого, как он меня грел, когда я высказывал раньше времени со своими вопросами! И ведь в учебниках и всяких других умнейших работах и инструкциях я все это читал, все понимал, соглашался, запоминал. А вот по-настоящему научил меня только Кузьмич. Вернее, приучил.

Маргарита Павловна, плотно поджав губы, некоторое время молчит, ни один мускул не дрогнет на худощавом лице. Потом медленно цедит, не поднимая на меня глаз:

– За персонал я ручаюсь. Это кто-то посторонний.

– А из ваших жильцов с этажа никто за это время не уходил, не выносил какие-нибудь свертки? – спрашиваю я на всякий случай, нутром чуя, что никто и ничего не выносил.

– Нет, никто, – твердо отвечает она, впервые подняв на меня глаза.

– Почему вы так уверены? Разве вы за это время никуда не отлучались? – спрашиваю я таким тоном, словно это для меня сейчас самое главное – убедиться, что жильцы этажа ничего не выносили.

Она чуть медлит с ответом. Соображает, что выгодней ответить. Да, да, не помогает мне, не говорит все, что думает, а ищет выгодный ответ. Я уже понял ее позицию и отчасти характер.

Нехорошая позиция, и характер тоже. Слава богу, что я не выскочил со своими вопросами в лоб. Хорош бы я был.

– Именно в это время, – наконец говорит она, – после обеда и до шести часов, я никуда не отлучалась.

Так. Смело вы ведете себя, мадам.

– А вообще, когда вы отлучаетесь, вас кто-нибудь заменяет там, у столика, при входе на этаж? – сосредоточенно, даже пытливо спрашиваю я.

Нет, лицо ее осталось таким же строгим, но глаза как бы смягчились. Она уловила, конечно, что я ухожу в сторону от главного, и обрадовалась.

– Конечно, – отвечает. – Вот утром, например, за меня осталась Катя. И в обед тоже.

Она мельком взглянула через открытую дверь в соседнюю комнату, где находилась девушка. Впрочем, она ее заметила сразу, когда вошла в номер. Заметила, как та спокойно беседовала со мной. Что ж, теперь можно поближе подступить к главному.

– Значит, вы полагаете, что кражу совершил посторонний человек, – говорю я. – Как же он, по-вашему, проник в номер?

Она пожимает плечами, сдержанно говорит:

– Как бы он ни проник, мы несем ответственность. Я это прекрасно понимаю.

– Нам этого мало, Маргарита Павловна, – вежливо возражаю я. – Нам надо понять, как он открыл номер.

– Откуда я могу знать, – устало отвечает она. – Для нас это уже значения не имеет.

– Маргарита Павловна, – говорю я, теряя терпение, – а не мог ли он открыть номер ключом? Это ведь самое простое.

– Откуда же у него может быть ключ? – Она снова безразлично пожимает плечами, давая понять, что мои заботы ей совершенно чужды.

– Тогда, выходит, отмычкой или чужим, подобранным ключом, – продолжаю я. – Что ж, мы вынем из двери замок и отправим на трассологическую экспертизу. Но стоит ли беспокоить людей, Маргарита Павловна?

– Вам виднее, – отвечает.

И ведь глазом не моргнет. Но тут у меня вдруг мелькает новая мысль. Значит, она никуда в эти часы не отлучалась? Прекрасно. Тогда как же она могла все проморгать? С ее-то опытом, с ее строгостью? А может, опыт у нее богаче, чем я думаю? И вор был, конечно, мужчина. Такие стареющие дамочки, случается...

Я извиняюсь и, подождав одного из сотрудников, шепчу ему кое-что на ухо. Сотрудник уходит. А я снова возвращаюсь к допросу. Спешить сейчас не стоит, надо подождать, когда вернется Котов. Вдруг ему повезет.

– Да, – говорю, – вы правы: мне виднее. И мы еще вернемся к этой теме. А пока скажите, кого из посторонних вы видели за это время у себя на этаже?

Она снова медлит с ответом. Не вспоминает, а соображает, это я точно вижу. И еще вижу, что она начинает меня опасаться. Небось сначала решила: какой-то молодой пижон тут распоряжается и строит из себя Шерлока Холмса. А теперь опасается. С одной стороны, это мне приносит некоторое удовлетворение, конечно. Я даже испытываю легкое злорадство. Но в то же время я понимаю, что это усложняет работу. Было бы лучше, если бы она меня еще некоторое время за дурака считала. Для дела лучше. Выходит, я где-то допустил промах.

Вот Кузьмич наш тут безупречно точен, это я сколько раз наблюдал. Такое, знаете, простодушие в нем вдруг появляется, такая безобидная недалекость, что смех разбирает, как иной раз кое-кто на это клюет. И совсем неглупые люди попадают. Начинают с Кузьмичом говорить эдак снисходительно, со скрытой насмешкой, покровительственно даже. И он, представьте, терпит, он не дрогнет. Словно и вовсе самолюбия человек лишен. Зато потом... Ведь они же следить за собой перестают, контроль притупляется. Элементарное дело, казалось бы. И

умом, безусловно, это понимаешь. Особенно вот так, как я вам рассказываю. Но в тот момент человек мыслить абстрактно не способен, он стремится быстрее оценить данного, конкретного своего противника. Для него это важнейшее дело сейчас. И если этот противник работает так, как наш Кузьмич, нет вопроса, и нет сомнения. Вот ведь штука какая. Все тут от таланта зависит. Я это слово не боюсь к Кузьмичу применить. Вы мне скажете, притворство это, обман, вот и все. А я скажу – хитрость, находчивость, мастерство. Чувствуете оттенки? И без этого оперативная работа вообще ноль.

Так вот, Кузьмич наш – великий мастер, в частности, и на такие разговоры, как у меня сейчас. Уверяю вас, это очень трудно. Вот ведь какой-то промах я в этом разговоре допустил. Скорей всего, самолюбие меня подвело. Выдержки не хватило. Что ж, еще один урок, еще одна зарубочка. А моя Маргарита Павловна между тем, собравшись с мыслями и про себя все, конечно, прикинув, начинает вспоминать, кого она из посторонних людей видела в эти часы на своем этаже.

Но вот наконец появляется Котов. Вид у него все такой же невозмутимый, и понять, удалось ему что-нибудь узнать или нет, невозможно. Что и требуется, конечно. Потому что Маргарита Павловна очень пытливо на него взглянула. Котов отзывает меня в сторону и торопливо докладывает. Я спокойно киваю ему в ответ и возвращаюсь на свое место. Но я чувствую на себе чужой, настороженный взгляд.

– Что ж, продолжим, – говорю я. – Когда вы сегодня пришли на работу, Маргарита Павловна?

– В семь часов, – отвечает.

– А куда вы отлучались в течение дня?

Она привычно пожимает плечами и по-прежнему не смотрит на меня.

– Обедать ходила. В дирекцию меня вызывали, в бельевую. Да мало ли куда...

– Понятно. А из гостиницы вы куда-нибудь выходили?

– Из гостиницы? Нет, никуда не выходила.

Мой вопрос ей явно не понравился, она что-то заподозрила в нем, хотя наверняка не поняла, для чего я его задал. Ну что ж, сейчас поймете, уважаемая Маргарита Павловна.

– Так. Значит, из гостиницы вы в течение дня не выходили, – говорю я. – Когда шли на работу, магазины были еще закрыты. Кто же вам подарил коробочку конфет, Маргарита Павловна, которая в столе у вас лежит рядом с ключами от номеров? В буфетах и ресторане гостиницы таких конфет сегодня не было, мы проверили.

И тут, просто на глазах, снова проступили на ее щеке красные пятна, напряглись сцепленные пальцы. Но тонкое лицо с морщинками около глаз и в уголках рта не дрогнуло, словно окаменело. Она плотно сжимает губы, на секунду задумывается и говорит:

– Не помню. Кто-то из жильцов. Конфеты ведь совсем недорогие.

– Конечно, – охотно соглашаюсь я. – Дорого внимание. Но хотелось бы знать, кто его проявил. Мы опросим жильцов, – и, помедлив, спрашиваю. – Что тогда?

– Тогда... кто-то другой.

О, я прекрасно вижу, какая борьба идет в ней. Положение-то ведь глупейшее. Ясно, что она не может не помнить, кто подарил конфеты. Запирательство только ухудшает дело, усиливает подозрения. Но, с другой стороны, назвать того человека тоже радости мало, я же понимаю.

– Ладно, Маргарита Павловна, – говорю я. – Подумайте. Может быть, вспомните. А пока вернемся к этой злополучной двери. Точнее, к тому, как ее открыли. Ключ-то ведь торчит сейчас в замке, если не ошибаюсь?

– Да... – еле слышно отвечает она, не поднимая глаз.

Я прошу Котова принести ключ и показываю его Маргарите Павловне.

– Этот самый?

– Да...

Ей уже все ясно, я же вижу. И пора все рассказать как есть, пора кончить эту глупую игру. Но она молчит. И тогда последнюю точку ставлю я сам. Мне это уже надоело, и потом впереди еще много работы, главной работы.

– Почему на этом ключе нет бирки с номером комнаты, Маргарита Павловна?

Она молча пожимает плечами.

– А потому, – резко говорю я, – что это запасной ключ. Тот ключ у вас украли. Не сами же вы его отдали? Так, я полагаю?

– Никому я ключ не отдавала, – неожиданно твердо произносит она и поднимает на меня глаза.

– А конфеты? – спрашиваю. – Насчет конфет вы ничего не вспомнили?

– Нет, – тем же тоном отвечает она. – Кто-то положил и ушел. Не помню, кто.

– Ну а кто мог украсть у вас ключ, вы не догадываетесь?

– Нет, не догадываюсь.

Она ничем не хочет помочь нам и, конечно, ничем не собирается ухудшить свое и без того плохое положение. Все это понятно.

Я заканчиваю протокол допроса, даю ей подписать каждую страницу и отпускаю.

Мы продолжаем работать. Допрашиваем вторую горничную, третью. Беседуем с жильцами на этаже. Возвращается Авдеенко. Он повидался с швейцаром, с лифтерами. Я уже не смотрю на часы. Часы напоминают мне то, что должно было состояться и не состоялось. И еще всякие грустные последствия этого. Так что лучше на них не смотреть, на часы. За окном уже темно. Поздно, конечно. Мы давно перешли работать в кабинет администратора. И вообще порядком уже вымотались.

Наконец я объявляю, что на сегодня хватит. Кажется, сделали все, что возможно, все сведения, какие возможно, добыты. Договариваемся, что завтра утром я приеду к ребятам, проанализируем все данные, наметим план. Это дело вести им. В общем, не бог весть какое дело.

Честное слово, я первый раз смотрю на часы, только когда сажусь в троллейбус. Что касается домашних, то мое возвращение в половине первого ночи их несколько не удивит. Тем более, мама знает, что я на концерт пошел. Ох уж мне этот концерт! Все-таки по отношению к Светке это хамство, честное слово. В третий раз ведь! В конце концов, почему она должна страдать из-за меня! Был бы у нее кто-нибудь другой, она бы уже на всех концертах перебивала. Но при мысли о «другом» мне становится не по себе. Нет, надо жениться на Светке, пока не поздно. И баста. Мы, правда, условились, что сделаем это перед Новым годом. Но так долго ждать опасно. За это время, знаете, всякое может случиться. Вот поженимся, и тогда все. Я буду спокоен. Спокоен? Он, видите, будет спокоен! Он не читает газет, он не знает, что у нас на сто браков сорок два развода. Вполне достаточно, чтобы включить мой случай. В один прекрасный день я умчусь в командировку, не успев попрощаться, как это не раз бывало. И Светка подумает: есть, в конце концов, у нее муж или нет? А я в это время буду сидеть вечером где-то в чужом городе один в гостинице...

Но тут мои мысли делают вдруг странный зигзаг. Один в гостинице вечером... Вот так, один, сейчас сидит бедный Тарас Семенович Попийвода, кем-то обкраденный, без единой вещи, и мало того, кем-то глубоко оскорбленный, униженный. И между прочим, от меня немало зависит, чтобы это исправить. К тому же зацепочка, совсем маленькая зацепочка, все-таки, как мне кажется, проглядывает...

Утром я прежде всего докладываю обо всем нашему Кузьмичу. Но про зацепочку пока молчу. Надо все это еще раз продумать.

– Ты долго не задерживайся там, – ворчит Кузьмич. – Пусть дело сами ведут. За тобой вон магазин еще. Помни. И Колька Бык тоже не унялся. Вокруг этой компании работать надо. Если они что сотворят, ты в ответе, так и знай. И потом, чего ты тянешь со справкой по автобазе?

Я бодро заявляю, что все будет в порядке.

Мой оптимизм приводит к тому, что Кузьмич окончательно заводится. Он звонит в отделение и предупреждает, что я не приеду, и чтобы ребята работали сами, а дело будет у него на контроле. Все Кузьмича знают и возражать, естественно, не решаются. Я тоже.

Молча отправляюсь к себе и по дороге обдумываю, как быстрее закруглить эту проклятую справку о раскрытой краже на автобазе.

И еще я прикидываю, как бы все-таки в течение дня выкроить часок и заскочить к ребятам в отделение. Кузьмич, конечно, об этом догадался, когда я молча вышел из его кабинета, и проводил меня весьма подозрительным взглядом.

Если бы Кузьмич знал, что нас ждет по этому делу с гостиницей, он бы меня пулей послал в отделение.

Подземный толчок происходит вечером, когда мы с Игорем приползаем наконец к себе в отдел и устало покуриваем на нашем продавленном диване. Раздается звонок. Я машинально смотрю на часы. Маленькая стрелка приближается к шести. Звонит Кузьмич.

– Это ты? – спрашивает он. Голос у Кузьмича странный. – А ну быстренько ко мне, – приказывает он.

Игорь провожает меня сочувственным взглядом.

Когда я вхожу, Кузьмич стоит у окна, и его плечистая, грузная фигура в несколько, правда, старомодном костюме выглядит, тем не менее, весьма внушительно на фоне темнеющего, фиолетового неба. Он энергично потирает ладонью свой седоватый ежик на макушке, что безошибочно свидетельствует о его настроении, весьма как будто неважном. При звуке открываемой двери Кузьмич оборачивается и, хмурясь, отрывисто спрашивает:

– Был сегодня в том отделении?

– Не был, – с чистой совестью отвечаю я.

– Ну так вот. На их территории снова кража в гостинице, – сухо сообщает он. – В другой, конечно. Но, кажется, тем же способом, – он называет гостиницу и прибавляет. – Отправляйся. Чтобы одна нога тут, другая там. Живо.

Секунду я, не двигаясь, соображаю, что к чему. Реакция у меня, вообще-то говоря, кажется, неплохая. Но на этот раз я все же не могу сразу переварить эту неожиданность. Потом довольно глупо спрашиваю:

– Опять, значит?

– Да, опять, – отвечает Кузьмич и не без сарказма, в свою очередь, спрашивает. – Надеюсь, сегодня ты в театр не собрался?

– Мне скоро вообще будет не с кем собираться, – сердито отвечаю я.

– Ну, ну, мы это как-нибудь поправим, – неожиданно смягчившись, обещает Кузьмич, как будто речь идет о незначительном недоразумении по службе.

– Буду весьма обязан, – не очень остроумно отвечаю я.

Что поделаешь, в такой момент не всякий на моем месте нашел бы, что ответить поумнее.

– Ладно. Ты пока двигай, – примирительно говорит Кузьмич. – А то этот парень что-то уж слишком разошелся.

Тут я наконец понимаю, что главное чувство, которое мною сейчас владеет, – это злость.

И вот я снова в гостинице. Авдеенко, Яша Фролов и другие ребята приехали сюда чуть раньше. Я уже по привычке – до чего же быстро, между прочим, вырабатываются эти привычки! – смотрю на дверь злополучного номера. Так и есть, она открыта запасным ключом. Кузьмич прав, почерк один и тот же. Даже номер такой же, как и вчера, «полулюкс». И тоже разгневанный и одновременно какой-то потерянный человек в нем. Тоже командированный.

Он моложе и энергичнее Попийводы и весь кипит от негодования. Собственно, это совсем молодой бородатый парень, жилистый, загорелый. Буйная его бородаща словно компенсирует недостаток волос на голове, там уже светится солидная лысина. Видимо, сообразив, что главный тут я, он смотрит на меня злыми глазами и угрожающим тоном говорит:

– Имейте в виду, урон, нанесенный этой кражей, денежному выражению не поддается. И пусть они, – он небрежно кивает на моих ребят, – ерундой не занимаются. Переписывают, понимаете, каждую украденную пуговицу. Да дьявол с ним, с бараклом! Украдены бесценные экспонаты, ясно вам?

– Не совсем, – осторожно отвечаю я.

– Совсем ясно не будет, не рассчитывайте. Но в первом приближении. Я, между прочим, палеонтолог. В последние годы Иртыш обнажил новые уникальные четвертичные отложения. И вот нами собран богатейший научный материал. Это, надеюсь, понятно? Так вот. Мне предстоит сделать первое сообщение о наших находках. И я прихватил с собой несколько образцов окаменелостей, самых ярких, самых сохранившихся... Ну, словом, древних ракушек, что ли. Внешне весьма даже забавных. Они были у меня в коробке такой, а крышка из стекла. И вот этот дикарь, этот... – он захлебнулся от ярости, – польстился, понимаете.

– В первом приближении, – говорю, – все понятно. Постараемся найти ваши окаменелости. Но чтобы вам была ясна наша работа, тоже, конечно, в первом приближении, имейте в виду: бывает так, что именно мелочь приводит нас к цели. Нам приходится самим все обнажать, никакой Иртыш нам тут не помощник.

Я не могу удержаться от иронии. Мне не нравится его пренебрежительный тон.

Но отчаяние этого парня так глубоко, что он ничего не замечает. Стиснув зубы, он стонет, как от сильной зубной боли, машет рукой и отходит к темному окну. И я тут же забываю о своей обиде, во мне снова вспыхивает злость. «Ну погоди же, – мысленно обращаюсь я к неведомому вору, – все тебе отольется, все».

Я оглядываюсь. Заплаканные, напуганные горничные тоже здесь. И дежурная по этажу. Но это уже совсем другой случай, чем вчера. Увидя меня, она почему-то обрадовалась. Просто засветилась вся.

– Вы здесь главный? – спрашивает.

– А в чем дело?

– Я хочу с вами поговорить без свидетелей.

– Пожалуйста, – отвечаю.

Мы переходим с ней в кабинет администратора на том же этаже. Красива она, между прочим, чертовски. Костюм облегает ее формы так, что я стараюсь глядеть ей только в глаза. Но и в глазах этих можно запросто утонуть. И улыбается она мне так, что я вспоминаю знаменитую новеллу, где герой все искал веревку от колокола, чтобы прогнать беса. Татьяна Ивановна, она просит называть ее Таня, умоляюще складывает на груди розовые ручки с длинными перламутровыми ногтями и говорит:

– Ради бога, спасите меня. Вы такой милый, такой интеллигентный. И вы все можете, я знаю... Я... я вам буду...

Она уже готова броситься мне на шею или что-то в этом роде. В общем, вся эта песня мне знакома. Расчет тут детски наивен и в то же время удивительно нахален. Вот такое сочетание. Всякое мне уже предлагали, почему-то полагая, что я непременно должен дрогнуть и послать ко всем чертям свои принципы, не говоря уже о служебном долге.

Я говорю с подчеркнутым дружелюбием:

– Татьяна Ивановна, давайте прежде всего разберемся в происшедшем, – и поскольку в общих чертах ситуация мне уже ясна, напрямик спрашиваю. – В котором примерно часу он появился, этот человек?

Она, слегка опешив, испуганно смотрит на меня, закусив нижнюю губку, и даже слезинки в уголках ее глаз как-то незаметно высыхают. Потом неуверенно говорит:

– Часа в три...

Я уже не даю ей опомниться:

– Коробочка шоколадных конфет?

– Изюм... в шоколаде.

– Большой портфель в руках, да?

– Да, красивый такой, черный...

– В коричневом плаще, в летней коричневой шляпе?

– Да...

– Compliments вашей внешности, шутки. Человек он живой, остроумный, так ведь?

– Ах, надоели мне эти комплименты, – не очень искренне вздыхает она.

– Но он себя вел именно так? – уточняю я.

– Ну конечно. Все мужчины себя так ведут.

Разговор постепенно приобретает иной, нужный мне характер. Я ее незаметно втягиваю в такой разговор. Она уже кое-что забывает и кое-что вспоминает о себе. И прекрасно. Нельзя только сбиться с этого тона. Она легко может снова вспомнить, что забыла, и забыть, что вспомнила.

Однажды у меня был уже такой случай. Та женщина тоже попросила поговорить наедине. А потом разорвала на себе кофточку и еще что-то и объявила, что сейчас начнет кричать, если я не сделаю то, что она просит. И у меня будут большие неприятности, потому что я, мол, пытался использовать свое служебное положение. Это была уже почти истерика. Честно вам скажу, я тогда просто опешил. Как я затем нашелся, до сих пор не пойму. Никогда еще со мной такого не случалось. Я спокойно улыбнулся и сказал, чтобы она кричала погромче, потому что всем будет интересно на нее посмотреть. Впрочем, некоторым будет и противно, но смотреть будут. Я это так сказал, что она вдруг расплакалась, конечно, от досады, от злости, но кричать, представьте себе, не стала.

Поэтому сейчас я очень внимательно слежу, чтобы такого сбоя не случилось, и деловито, требовательно говорю:

– Опишите его внешность. Подробнее только.

И она вспоминает внешность этого человека, одновременно наполняясь естественным негодованием против него и все больше забывая роль, которую она собиралась сыграть в разговоре со мной. Она еще не стыдится ее, нет, она просто ее забывает. Я же, в свою очередь, испытываю немалое облегчение от всего этого, а главное, убеждаюсь, что она описывает того же самого человека с портфелем, о котором не пожелала вспомнить вчера малосимпатичная Маргарита Павловна, но которого вспомнили и швейцар, и одна из горничных.

Так вот каков этот прохвост! Он просто стоит у меня перед глазами, невысокий, худощавый, изящно одетый, густые черные с проседью волосы зачесаны назад, брови почти сошлись на переносице, тонкий прямой нос, яркие губы и огромные выразительные глаза, перед которыми, как и перед его обволакивающими манерами, некоторые женщины просто не в силах устоять. Словом, я теперь вижу этого человека и знаю его метод. Это уже немало, совсем немало.

Домой я возвращаюсь опять около часа ночи.

На следующий день я еду в отделение. Правда, Кузьмич меня не гонит, но и не очень возражает. Хотя видно и невооруженным глазом, что дело по краже из магазина, которое он с меня не снял, и подозрительные действия Кольки Быка, разобраться в которых тоже осталось за мной и Игорем, беспокоят Кузьмича куда больше, чем эти две кражи в гостиницах.

Тем не менее, мы с ребятами добросовестно штудлируем все добытые данные, обсуждаем возможные версии о том, кто мог быть этим неизвестным преступником, и где его надо искать. Надо прямо сказать, что мы не очень-то серьезно относимся к этому делу и двигаемся вперед

как бы на первой, ну, в крайнем случае на второй передаче. И не только потому, что у каждого из нас это дело далеко не единственное, и от всех остальных никто нас освобождать не собирается. Мы просто полагаем – это мнение разделяет, видимо, и начальство, – что кражи из гостиниц раскроем довольно быстро. Приемы тут известны, пути тоже, и хоть один из них должен дать результат. Никуда этот тип от нас не денется. Надо только раскачать и двинуть вперед громоздкую и мощную машину розыска.

Я возвращаюсь к себе в отдел часа в два, и мы с Игорем даже благополучно успеваем пообедать в соседней диетической столовой. А в конце дня я уезжаю в магазин, где произошла кража, чтобы еще раз осмотреть подсобное помещение. И вот тут-то...

Словом, звонит Игорь прямо в магазин и говорит таким ликующим голосом, что у меня замирает дух.

– Виталий, – спрашивает, – это ты?

– Я, – отвечаю.

– Ну, поздравляю. От всей души.

Черт возьми, думаю, уж не присвоили ли мне наконец очередное звание? Ходили ведь такие слухи после того, как мы вернулись с Игорем из Окладинска. А что? Вполне вероятно.

– В чем дело-то? – спрашиваю как можно спокойнее.

Но Игоря не проведешь. Слышу, усмехается в трубку.

– Ты только не волнуйся, – говорит. – Кузьмич приказал тебя побыстрее найти.

– Это зачем же?

– Еще спрашиваешь? Ты посмотри, время-то уже около семи. Так что новая кража тебя ждет. Из гостиницы, конечно.

И называет гостиницу. Третью! Я, знаете, чуть со стула не упал, честное слово.

– Ты что, – спрашиваю я вдруг осипшим голосом, – разыгрываешь меня?

Но сам уже чувствую: все так и есть, нисколько он меня не разыгрывает. А Игорь уже деловито добавляет:

– Будь спокоен. Так что давай жми. Люди уже выехали.

И я все бросаю и жму. Даже такси хватаю от злости.

Конечно, все гостиницы в городе ребята предупредить еще не успели. Ведь решение было принято только сегодня утром, после второй кражи. И телефонограммой такое не сообщишь.

Но подряд «залепить» три такие дерзкие кражи! Это же, кроме всего прочего, просто вызов нам! Мне кажется, что, когда поймаю, я ему такую жизнь устрою, что чертям тошно станет.

Конечно, если бы меня кто-нибудь в этот момент спросил: «А что, собственно говоря, ты с ним сделаешь?» – я бы, остыв, ответил: «А ничего». Действительно, допрошу голубчика по всем трем кражам, вежливо допрошу, уличу, если станет отпираться, в данном случае уличать, слава богу, есть чем. Следователь наш, конечно, подключится. Собственно, он уже в курсе дела, Саша Грачев. И в суд голубчика. Согласно закону. Вот и все.

Но сейчас меня никто ни о чем не спрашивает, и я даю волю своим чувствам, я киплю. Он у меня снова стоит перед глазами, этот тип, в своем коричневом плаще, коричневой шляпе, с черным большим портфелем в руке. Улыбается своими огромными наглыми глазами. Черные с проседью волосы зачесаны назад.

Я уже нисколько не сомневаюсь, что эту третью кражу совершил тоже он, этот тип. И тут я начинаю улавливать кое-какие просчеты в нашем плане, вернее, пробелы. Кое-что мы, пожалуй, не учли. Он же вон какой воспитанный, и ловкач, каких поискать.

Но вот и гостиница. В огромном шумном вестибюле меня уже поджидают. Это Володя Пономарев. Из другого отделения. Гостиница расположена на их территории. Поднимаемся на четвертый этаж. И я сразу узнаю знакомый «почерк». Первое – это запасной ключ в дверях номера. Второе... Впрочем, до второго даже не надо докапываться. Старшая горничная,

пожилая полная женщина в белом переднике, на беду свою заменившая в этот час дежурную по этажу, тяжело всхлипывая, рассказывает, и, видимо, не в первый раз, как этот тип появился на этаже, как обворожительно улыбался, сообщая, что ищет приятеля из Ростова, как совал ей коробочку с конфетами «для внуков», как она смущалась от всего этого и как буквально на минуту отошла от столика. Словом, все известно.

И еще плачет в номере красивая седая женщина, известная актриса из Ленинграда. «Тряпки» ей не жалко, хотя, судя по описи, это не такие уж дешевые тряпки, и даже кольцо с бриллиантами, и дорогую брошь тоже. Но вот кораллы, подарок покойного мужа, и ключ, старинный бронзовый ключ, сувенир великого города певцов, преподнесенный ей во время гастролей за рубежом!

И еще я вижу, как нервничают ребята. И при этом делают промахи. Тут надо следить внимательно. Надо собрать как можно больше фактов, подробностей, причем постараться осветить те же позиции, что и в первых двух эпизодах. Для удобства анализа. Например, поскольку известно время его появления тогда, надо установить время и сейчас. Кажется, он появляется в одни и те же часы. Или, допустим, коробочка конфет, которую он неизменно преподносит. Первый раз это была клюква в сахаре, потом изюм в шоколаде, теперь опять клюква в сахаре. Он явно покупает их где-то по дороге. Причем клюква в сахаре бывает далеко не во всех магазинах, я по опыту знаю, Светка обожает эти конфеты. Над этим тоже стоит подумать. Или еще интересная подробность: каждый раз он появляется чисто выбритым, свежим, отутюженным – это само по себе примечательно, но от него еще всегда пахнет одеколоном. Татьяна Ивановна в прошлый раз даже определила, что это «Русский лес». Сильно пахнет. Мужчины сейчас редко пользуются одеколоном, а уж в таком количестве тем более.

Теперь дальше. Что он рассказывает. В первый раз неизвестно: он говорил только с Маргаритой Павловной, а та не пожелала его «вспомнить». А вот Татьяне Ивановне он представился как научный работник, даже намекнул на особую секретность своих изысканий. Представляю, как у этой дурочки округлились глаза. Знал, мерзавец, что ей загнуть. А ведь анекдоты рассказывал пошлейшие. По одному этому можно было догадаться, какой он научный работник. Но Татьяне Ивановне это было, конечно, не под силу. В этот же раз он представился инженером из Ростова, ищет товарища, тот письмо от жены должен привезти. Очень он, видите ли, по жене скучает, по деткам. Даже сообщил, что у старшей дочери печень больная, и он с большим трудом здесь лекарство ей какое-то нашел, и вот с приятелем переслать хочет, поскольку сам в Москве задерживается. Трогательно так рассказывал, и Пелагея Васильевна, старшая горничная, от души ему посочувствовала. Фантазия, надо сказать, работает у него здорово. Наверняка тут же импровизирует, причем вдохновенно. Таким образом, и рассказы его, как видите, представляют определенный интерес.

Все эти соображения я и выкладываю на следующее утро нашему Кузьмичу. Игорь на этом совещании тоже присутствует. И еще несколько сотрудников из отделений, которые с самого начала к этому делу подключились. Кузьмич слушает внимательно, хмурится и, надев очки, какие-то пометочки себе делает. А когда я кончаю, спрашивает:

– В какие же часы он появляется?

– От двух до трех часов дня, Федор Кузьмич, – отвечаю.

– Та-ак... костюм на нем всегда один и тот же?

– Один и тот же, коричневый, в полоску. В тон к плащу и шляпе.

– Руки какие? На пальцах что есть?

– Руки?.. – Я задумываюсь. – Не спросили мы о руках, Федор Кузьмич.

– Спроси. У Татьяны той. Небось обратила внимание. Теперь насчет конфет. В магазинах вокруг гостиниц не спрашивали, были там такие конфеты или нет?

– Не спрашивали, Федор Кузьмич, – отвечаю я через силу.

– Надо спросить. Они точно скажут.

– И еще по главным трассам, которые к этим гостиницам ведут, – вставляет Игорь. – Метро, троллейбус.

Кузьмич кивает головой и начинает утюжить ладонью свою макушку. Недоволен, это ясно. Потом снова спрашивает:

– С швейцарами во всех трех гостиницах говорили?

– Так точно, – отвечаю, – во всех трех.

– Кто из них его заметил?

– Все трое заметили.

– Гм... Когда же они его заметили, когда он входил или когда выходил?

Я на минуту задумываюсь, потом отвечаю:

– Все трое, когда входил, а один – когда еще и выходил, во второй гостинице.

– Ну и как же он входил?

– Вполне уверенно, говорят, входил, свободно, как к себе домой. Никого ни о чем не спрашивал, прямо к лестнице шел.

– Третий парень, – басит из своего угла Авдеенко.

Кузьмич на его замечание не реагирует и снова спрашивает:

– А когда выходил, как себя вел, как выглядел?

Я прекрасно помню свой разговор с тем швейцаром. Толстенный такой дядя с великолепной бородой. Глаза внимательные, острые, хоть и не видно их почти из-за лохматых бровей. Я его дотошно расспрашивал, меня самого очень интересовало, как этот тип выходил. Поэтому рассказываю я обстоятельно, есть тут что отметить.

– Спустился он по лестнице медленно, неторопливо, – говорю. – С самым беззаботным видом. «Как будто выспался и пообедал» – так мне швейцар сказал.

– Выходит, переиграл малость, – замечает Игорь.

– Пожалуй, – соглашаюсь я. – Однако не каждый это заметит.

– А почему, интересно, «пообедал»? Почему ему так показалось, швейцару? – спрашивает Кузьмич.

– Вот-вот, – подхватываю я. – Мне это тоже в голову пришло. Медленно, говорит, так спускался, тяжело. И даже вроде бы толще стал.

Всем присутствующим ясно, что это может означать, и никто уточнять не собирается.

– Ну что ж, – говорит Кузьмич. – С вопросами как будто все. Давайте теперь соображать. Дело оборачивается серьезно. Этого гуся надо поймать быстро. Для начала должен сообщить. Ты, Лосев, – он поворачивается ко мне, – будешь с сегодняшнего дня заниматься только этим делом. Понятно? Ну еще... – он секунду колебался, – насчет Быка придется с Откаленко контактировать, – и карандашом указывает на Игоря. – А магазин с тебя снимаем.

Что ж, придется, видимо, заняться этим делом вплотную. Я ни минуту не сомневаюсь, что мы того волка обложим, и куда-нибудь он свою лапу да сунет. Для этого есть, знаете, вполне надежные средства.

Вот ему, к примеру, надо же продать краденые вещи. Как, спрашивается? Комиссионные магазины, скупки, рынки – это все мы перекроем, будьте спокойны. Из Москвы увезти? Еще того хуже. Чем меньше город, тем скорее он там погорит на сбыте краденого. Ведь мы ориентировки с подробным описанием вещей во все города разошлем, и там наши коллеги прекрасно знают, кто у них в городе этим делом может промышлять, к кому из Москвы «гости» приезжают. Что же ему остается? Ну, допустим, начать знакомым продавать. Но порядочный человек вещь с чужого плеча не купит, да еще, очевидно, краденую. А «непорядочный»... он тратиться не будет, он скорее сам украдет. Впрочем, есть, конечно, некие темные личности, которые, может быть, и купят. Но мы тоже кое-кого из них знаем и за ними приглядываем. Словом, мы закинем сеть с достаточно мелкими ячейками, можете не сомневаться.

Но сидеть на берегу и ждать мы, естественно, не будем. Мы начнем поиск и в другом направлении. Энергичный поиск, главный. Ведь у нас есть его приметы, хорошие, кстати, приметы, броские, и еще есть его «почерк». Что касается примет, то ведь где-то и кто-то все же должен его знать, правда? Не в безвоздушном пространстве человек живет. А где его знают, это приблизительно представить себе можно. Скажем, в каком-нибудь НИИ его вряд ли знают. На крупном заводе тоже. В школе или институте тем более. К тому же учтите время совершения преступлений. Среди дня, если помните. И обеденного перерыва тут не хватит. Нет, этот «деятель» табель по утрам не снимает. К тому же руки... Кузьмич не случайно о них спросил, умница он у нас все-таки. И я сразу после совещания к Татьяне Ивановне съездил. Поинтересовался. Она, конечно же, внимание на это обратила. Не те руки оказались. Чистые, розовые, без единой мозольки. И кольцо с камнем. Такое кольцо на мужской руке многое рассказать может. Словом, в храмах науки и техники этого «деятели» искать бесполезно, там его не знают, там его нет и быть не может. Но есть в огромном городе и другие места, где он наверняка появляется. А как же? Он человек общительный, он и гульнуть наверняка любит. Вот где-то там и кто-то там знать его должен. А мы прикинем, где именно, нам это особого труда не составляет. Не первого же ловим.

Вот все эти, да и некоторые другие рычаги я и привожу в действие со своими ребятами. Должен вам признаться, что в тот день я ждал вечера с немалым напряжением. Черт его знает, не выкинет ли этот тип еще один номер. Все-таки вот уже три дня подряд я вечера провожу в гостиницах. И когда стрелка часов стала подползать к шести, я почувствовал, что начинаю нервничать. Появилось, знаете, такое ощущение, что уже пора куда-то мчаться, что уже что-то такое непременно случилось.

Ладно. Не буду вас томить. В тот вечер ровно ничего не случилось. Ни одна из гостиниц не подала сигнала «SOS». Я даже как-то удивился, знаете, когда вдруг взглянул на часы и обнаружил, что обычное для этого сигнала время, безусловно, прошло, а мне мчаться сломя голову некуда, и вроде бы я даже никому не нужен.

Сам себе не веря, я предупреждаю дежурного, что ухожу, благо уже часов девять вечера. Дежурный, тоже уже настроенный всей этой кутерьмой с гостиницами на самый тревожный лад, на всякий случай осведомляется, где я в течение вечера буду находиться. Больше всего мне хочется находиться в одном доме на Кропоткинской улице, но ужасно неловко срываться с места при каждом телефонном звонке – к Светке, между прочим, подружки звонят непрерывно, по любому пустяку, я уже не раз обращал ее внимание на это – так вот, дергаться при каждом звонке, как вы понимаете, радости мало. А если придется срочно уматывать, это будет просто трагедия. Тем более что мне предстоит, как я понимаю, серьезный разговор насчет концертов в прошлом, настоящем и будущем. Словом, ехать сейчас в тот дом на Кропоткинской просто опасно для жизни, будущей, конечно. И потому я, вздохнув, называю дежурному свой собственный адрес, который он, кстати, знает и без меня. Но деликатно отмалчивается, делает для солидности какой-то росчерк на листке бумаги и провожает меня сочувственным взглядом.

Тем не менее, как я уже говорил, вечер прошел спокойно. Никто меня, как ни странно, не потревожил. Домашние мои, тоже уже привыкшие за эти дни к моим ночным возвращениям, поглядывают на меня весьма настороженно, но вопросы задавать опасаются, по-моему, из чистого суеверия. Мама почему-то затевает вдруг печь пирог, пока мы с отцом играем в шахматы. А когда мы садимся ужинать, отец с самым беззаботным видом предлагает выпить по рюмке водки. Я замечаю их приподнятое настроение и вполне его разделяю. Уверяю вас, не так часто взрослый холостой сын, да еще к тому же работающий в такой «фирме», как я, проводит целый вечер со своими родителями.

С утра мы продолжаем налаживать сложную машину розыска. Для этого приходится исписать гору бумаг, повидаться с уймой людей, причем самых разных. А вечером... представьте, снова ничего такого не происходит.

И так целую неделю.

Неужели этот тип испугался? Притаился, ушел на дно и где-то тихо пускает пузыри в болотной траве?

Проходит вторая неделя. Результатов пока нет. Поиск ничего не дает. Молчит и спецсвязь с другими городами.

Между прочим, молчит и Кузьмич. Но я-то знаю, что он беспокоится и ждет не меньше меня. И я ему через день докладываю о ходе дела. На третий или четвертый раз он мне говорит:

– Ну чего ты ко мне бегаешь? Я же тебя не вызываю. Сиди себе спокойно и работай. Ищи и думай, понял?

Легко ему говорить, у него нервов нет.

И я, как мне приказано, «сiju и работаю», «ищу и думаю». И еще я жду, каждый день жду новой беды. И ничего с собой не могу поделать.

Проходит третья неделя.

Глава 2

Совсем не банальное продолжение

Все-таки предчувствие – великая вещь. Парапсихологи, я читал, давно бьются над научной основой этого странного явления, хотя объяснить его никому еще, кажется, не удалось. Но что само явление существует, в этом я лично убедился. Так вот, предчувствие меня не подвело. Реальность даже превзошла все мои худшие опасения. Но я начну по порядку, хотя самое главное произошло позже.

Итак, значит, шла к концу третья «тихая» неделя. Уже октябрь наступил.

Как вы знаете, у нас в Москве октябрь бывает очень разный. Бывает роскошный, действительно эдакое возвратившееся бабье лето. В парках и садах буйство красок, от пурпурно-красных кленов, ярко-желтой листвы берез до черно-зеленых елей, и переливов между этими красками множество. И над всем этим бледно-голубое, тихое, ласковое небо. И честное слово, в такие дни люди становятся лучше, спокойнее, даже как-то добрее. Вы не замечали?

Но бывает и совсем другой октябрь, разбойничий какой-то, враждебный. Все голо кругом, деревья серые, мокрые, без единого листика, давит холодное, свинцовое небо, сыплет мелкий, противный дождь, свистит ледяной ветер, гонит мокрую грязную листву. И вы ощущаете все время какое-то беспокойство, раздражение, которое не в силах подавить.

Вот такой октябрь и наступил. И на душе у меня невозможно мутно. «Повисли» до сих пор не раскрытые кражи из гостиниц. Светка сидит в своем музее, клещами ее оттуда не вытащишь, а вечерами пишет какие-то отчеты. Правда, дуться она на меня перестала. Как ни странно, помогла последняя кража из гостиницы. Когда я ей про ту актрису рассказывал, Светка чуть не плакала, и мне кажется, я в ее глазах даже вырос. Более того, Светка начала требовать от меня раскрытия этих краж с такой горячностью, что наш Кузьмич по сравнению с ней стал казаться мне скромным агнцем. Светка мне просто житья не дает с этими кражами. Хорошо еще, что я маме этот случай не рассказал. А то бы и дома покоя не было, это уж точно. Вообще, женщины почему-то воспринимают такие истории слишком болезненно и одновременно чересчур воинственно – подай им немедленное возмездие, и все.

Так я и жил три «тихих» недели, в постоянной нервозности и со всякими недобрыми предчувствиями.

И вот кончилась третья неделя – бац! – кража в гостинице. На следующий день снова кража! На третий день еще! И опять тихо...

Первая из этих краж произошла во вторник. Психологически она была для меня самой тяжелой. Я почему-то про себя считал, что этот негодяй не осмелится больше на что-либо подобное. Хотя всякие неясные предчувствия меня и одолевали, как вы помните. Но опtimi-

стическая моя натура все же не допускала такой дерзости с его стороны. Мои опасения сосредоточивались вокруг всяких сложностей с расследованием этого дела.

Три «тихих» недели размагнитили и работников гостиниц. Они успели забыть о нашем предупреждении, и уж тем более выветрились у них из памяти приметы того человека.

Я приезжаю в гостиницу как на место собственного преступления. Все там обычно. Ключ от номера, оказывается, украден, дежурной по этажу была преподнесена очередная коробка конфет. Это, между прочим, уже иная коробочка, не то, что раньше.

Кстати, мы выполнили совет Кузьмича. Но ни в одном магазине вокруг тех, прежних, гостиниц коробочек с клюквой в сахаре не оказалось. Мы дотошно проверили и магазины вдоль всех основных транспортных магистралей, ведущих к этим гостиницам. И тоже ничего не нашли. Мы сделали даже еще больше. Мы побывали во всех райторгах, и нам сказали, что в указанные дни ни один магазин не торговал коробочками с клюквой в сахаре. Где этот тип их добывал, так и осталось невыясненным.

Ну, а на этот раз он запасся какими-то заурядными шоколадными конфетами, которые имелись во всех магазинах города. Стоили они, кстати, значительно дороже. Разбогател, подлец!

Дежурная по этажу оказалась, между прочим, весьма симпатичной женщиной, молодой, изящной, приветливой и к тому же умницей и вполне откровенным человеком. Этот прохвост со своими конфетами не произвел на нее ровно никакого впечатления, кроме брезгливого недоверия. Конфеты она отвергла, комплименты тоже, и ничего бы у него не получилось, если бы не чистая случайность: в дежурной комнате горничная неожиданно опрокинула чайник с кипятком. Алла Васильевна кинулась к ней, вот тогда-то он и утянул ключ. И сразу ушел, даже не оставил конфеты.

Жившего в номере человека он обокрал, как всегда, дочиста. К несчастью, тот почему-то оставил в ящике стола билет и деньги на обратный путь, так что ему даже уехать в свой Челябинск было не на что. Хорошо еще, что помогло предприятие, куда этот человек приехал в командировку. Я специально звонил туда. Полдня, между прочим, потратил, пока уломал замдиректора. «А как мы эти деньги оформим? – спрашивает. – Товарищ не у нас работает». Понимаете, с одной стороны, вроде «товарищ», а с другой – «не у нас работает». А что человек в беду попал, на это у них пункта в инструкции нет. И что дома у него денег в данный момент нет, это тоже ни в каких инструкциях не предусмотрено. Я в таких случаях просто зверею. Словом, деньги нашлись.

Но я с этой историей провозился чуть не до вечера. А потом... помчался на новую кражу, в другую гостиницу. Вторая кража отличалась от предыдущей только тем, что ему не удалось довести дело до конца – помешала горничная. Ему пришлось удирать из номера раньше времени. И осуществил он это, надо сказать, ловко. И то, что в номере побывал вор, выяснилось только через полтора часа, когда пришел хозяин.

Я еще не знал, что нас ждет на третьей краже. Но у меня уже лопнуло терпение. И я решился на довольно рискованный эксперимент. Это было на следующий день после второй кражи.

В то утро меня вызывает к себе Кузьмич. Вид его ничего хорошего не сулит. Кузьмич сидит хмурый, как туча, и энергично потирает ладонью затылок. Как-то странно взглянув на меня, он спрашивает:

– Ну, уже знаешь?

Я ничего такого не знаю. Я только что пришел на работу, и наш секретарь отдела Галочка не успела мне вручить еще ни одной бумаги.

– Так. Не знаешь, выходит, – как будто даже удовлетворенно крикает Кузьмич, хотя я не успел еще ничего ответить. – Ну так вот. Вчера перед закрытием в комиссионный магазин, – он называет номер магазина и его адрес, – было сдано для продажи платье той артистки. Понял?

Сдала какая-то женщина. По чужому паспорту, краденому. Дежурный в тот же вечер организовал проверку. Приметы той женщины имеются. В общем, на, читай.

Он протягивает мне бумаги. Я их тут же, у его стола, проглядываю. Внимание мое привлекают приметы женщины. Мне начинает казаться, что я ее знаю. Но раньше времени мне говорить об этом Кузьмичу не хочется. Вдруг я ошибаюсь? Мало ли что мне может показаться? И я молчу.

Это была моя первая ошибка.

– Иди и думай, – говорит Кузьмич. – Бумаги возьми себе. Распишись только у Гали.

Другой начальник требует одного: бегайте, не ваше дело за столом сидеть, бумаги читать, ваше дело по городу бегать, все видеть, все знать. А вот Кузьмич нам внушает: «Ноги только волка кормят, а человека должна голова кормить. Семь раз подумай, один раз беги, понял?».

Возвращаюсь я, значит, к себе, еще раз внимательно перечитываю все бумаги, думаю и решаюсь на тот эксперимент. Дело в том, что есть у меня один знакомый. Мне его арестовывать пришлось. На очередном допросе он и говорит:

– Я, гражданин начальник, свой срок, конечно, отбуду, на сухаря не уйду. И в Москву вернусь. Поможете мне тогда новую жизнь начать, а?

– Что ж, – говорю, – помогу. Человек вы не потерянный. Но чтоб в колонии первым быть. Понятно?

– Чего ж тут не понять, – отвечает. – Не чурка. А вот помочь мне потом нелегко будет, гражданин начальник.

– Это почему же? – спрашиваю.

– Вам только и скажу, – вздыхает он.

Видимо, доверие я у него вызвал, даже, я бы сказал, симпатию. И не случайно. Это, знаете, всегда между людьми взаимно получается. Не замечали? Если уж нравится вам человек, то каким-то образом и вы ему тоже нравитесь. Обязательно. Я это давно заметил. Вот так и с этим парнем. Взгляд его мне понравился сперва. Не бегает, не ускользает, прямой взгляд.

– Так чем же тебе придется помочь? – снова спрашиваю я.

А он мне и говорит:

– От Варьки уйти. Вот чем. А то пропаду.

Я уже знал, что это жена его. Бабенка действительно такая, что поискать.

– Что ж, – спрашиваю, – сам уйти не можешь?

Другой бы, знаете, что-нибудь придумал, чтобы свое мужское самолюбие не уронить. А этот нет.

– Не могу, – говорит. – Из-за нее же, падали, сейчас сажусь, не из-за кого-нибудь. Вы только, гражданин начальник, к ней не цепляйтесь по этому делу. Как человека прошу.

Такой, знаете, откровенный разговор у нас получился с Пашкой этим. И вот ушел он отбывать свой срок. Написал мне из колонии через полгода. Все у него, мол, хорошо идет. Ну, я его «победный рапорт», конечно, перепроверил. Иначе в нашем деле нельзя. Оказалось, все точно. Ответил я ему. Пошла переписка. Мне этот парень понравился, хоть и немало натворил. У меня и в самом деле надежда есть, что из него толк выйдет. И, думаю, не ошибаюсь.

И Варвару его я действительно «не цеплял». Поговорил только с ней серьезно, предупредил. Красивая, между прочим, деваха, высокая, статная, на смуглом лице черные брови вразлет, глаза горячие, дерзкие, а зубы, когда улыбается, просто не зубы, а жемчужины, одна к одной. Ослепительная у нее улыбка. Работает мотористкой на трикотажной фабрике. Я и там насчет нее кое-какие справки навел. И по месту жительства тоже. Но слово, данное Пашке, держу. И в письмах ему кое-что о ней сообщаю, конечно, такое, чтобы не волновать его. Потому что уйти он от нее не сможет, это мне ясно. Тут по-другому надо действовать. Это я ему тоже осторожно в письмах внушаю.

Короче говоря, вот об этой самой Варваре я и вспомнил, когда приметы той женщины прочел. Но сначала надо было проделать одну несложную операцию: показать фотографию Варвары в комиссионном магазине. Опознают они в ней ту женщину, которая платье сдала, или нет. Причем показал не одну ее фотографию, а нескольких женщин, приблизительно схожих между собой. Там двое эту женщину запомнили: приемщица и заместитель директора. Я их по очереди приглашаю в отдельный кабинет, с понатыми, все как полагается, и фотографии показываю. Приемщица сразу опознает Варвару.

Я, между прочим, заметил: женщины, как правило, наблюдательней мужчин в таких случаях. Мужчина лучше местность, дорогу запоминает, а женщина обстановку, людей. Чем это объяснить, не знаю, но факт. Особенно хорошо женщина запоминает женщину.

А заместитель директора, пожилой мужчина с брюшком и черными, навывкате глазами, эдакий, знаете, весельчак и выпивоха, долго перебирал фотографии, – я там красоток подобрал что надо – и не очень уверенно, но все-таки тоже на Варвару указал. Так что сомнений у меня не осталось.

После этого я прямо к ней домой и поехал. А вдруг, думаю, застану. Раз она вчера вечером в магазин пришла, значит, в дневную смену работала. Так, может, сегодня в вечернюю идет?

Живет Варвара в одном из арбатских переулков, в старом многоквартирном доме, на первом этаже, и вход туда отдельный, из подворотни, очень, как видите, удобный вход. Кто-то еще задолго до Пашки сообразил отделить часть большой коммунальной квартиры и проделать отдельный вход. Поэтому кухонька там получилась не ахти какая, и санузел тоже, но зато своя однокомнатная квартира, что ни говорите.

Приехал я туда часа в два. Сразу, конечно, к Варваре не пошел, понаблюдал некоторое время за ее окнами и подворотней. Дело в том, что занавески на окнах оказались задернутыми, вот что меня удивило. Если она была дома, то зачем бы ей при электрическом свете сидеть? А если ушла на работу, то утром, как встала, тоже естественно было бы занавески отдернуть. Словом, почему-то мне это все не понравилось. Подождал я еще немного и решил все-таки зайти.

Направился к подворотне. Темный такой тоннель, длинный, грязный, так что и нужную дверь-то не сразу увидишь. Звоню. Никто не открывает. Еще раз звоню, понастойчивей. И вот, наконец, слышу шаги, тяжелые шаги, мужские. Ладно, думаю, поглядим, что у Варвары за гость такой. Не только в книгах ведь бывают неслыханные удачи.

А человек между тем цепочкой погромел и спрашивает густым таким недовольным басом:

– Кого надо?

– Варю, – говорю, – надо.

– Варю?.. – Он чуть помедлил, но все-таки решился: – Ну давай, коли надо.

Открывается дверь. На пороге стоит здоровенный рыжий парень, без пиджака, галстук набок съехал. Глаза у парня чуть осоловелые, сразу видно, выпил. Эх, Варвара, Варвара...

Между тем парень, набычившись, стоит в дверях, смотрит подозрительно, даже враждебно. Что ж, конечно, не очень вовремя я пришел. Но отступать уже поздно, да и незачем.

– Так, – спрашиваю, – и будем стоять? Варя-то где?

Этот парень мне ни к чему. Я бы другого тут хотел встретить, если уж на то пошло. В этот момент появляется и Варвара. На ходу двумя руками поправляет свои роскошные черные волосы.

– Здесь я, – говорит. – Чего мне прятаться?

С вызовом говорит, дерзко и улыбается ослепительной своей улыбкой. Узнала меня, конечно.

– Что ж, – говорю, – в дом не приглашаете.

– Незванный гость... – смеется. – Ну да заходите, раз пришли.

Парень недовольно засопел, но посторонился и за мной дверь на все замки запирает. В комнате относительный порядок: успела, видно, все прибрать. На столе всякая закуска стоит, но ни бутылок, ни рюмок не видно. Тоже, конечно, прибрала. Горит свет, душно, накурено.

Варвара с виду нисколько не смущена, держится свободно и чуть насмешливо. Выдержке ее позавидовать можно, ведь догадывается, конечно, что не зря я пришел.

– Присаживайтесь, – говорит. – С чем пожаловали? Толик, – обращается она к парню, – подай гостю стул вон тот.

Толик нехотя выполняет ее приказ и сам тоже садится, стул жалобно скрипит под его тяжестью. Парень, между прочим, явно не Спиноза, соображает туго и в ситуации никак разобраться не может: тяжелая работа мысли явно отражается на его круглом обветренном лице. Ну что ж, соображай, милый, соображай, это иногда полезно.

Я прошу разрешения закурить, потом говорю:

– Вот был недалеко, зашел проведать. Как, думаю, живет наша Варя.

И тоже ей улыбаюсь.

– Хороша Маша, да не ваша, – хмуро басит Толик.

Он горит желанием выкинуть меня за дверь. Вполне понятно. Пришел какой-то пижонистый парень и ведет себя так, словно он сто лет Варвару знает. А знать Варвару и не крутить с ней – это у Толика в голове никак не укладывается. И потому он начинает ко мне задираться. Его, наверное, парни побаиваются, силища-то в нем бычья. Вот он и привык полагаться на нее. Тем более что ничем другим природа его, к сожалению, не одарила.

– А сам ты кто? – усмехаясь, спрашивает он.

– Знакомый, – говорю.

И мы с Варварой обмениваемся понимающими улыбками. Это Толику уже совсем не нравится. Он угрожающе заявляет:

– Я, учти, и не таких как ты отваживал.

– Сиди уж, – обеспокоенно вмешивается Варвара. – Наговоришь тут на себя.

Но Толик понимает ее так, что она считает его пустым хвастуном, и решает показать свою мужскую твердость.

– Так что давай, уматывай, пока цел, – говорит он.

Меня такой оборот дела вполне устраивает. Ведь если дойдет до конфликта, то Варвара будет, конечно же, на моей стороне. Не дурочка она, чтобы из-за этого битюга со мной ссориться. Да и не очень-то она его высоко ставит, как я вижу. Ну, а сделать он со мной вряд ли что сумеет.

– Зачем же мне уматывать? – простодушно удивляюсь я. – Кто первый пришел, тот пусть первый и уматывает.

– Ха! – довольно хлопает себя по коленям Толик.

Он, видимо, решил, что теперь все ясно и можно приступать к знакомой работе. И вдруг рявкает, наливаясь краской:

– А ну встань!

Толик встает сам и надвигается на меня. Намерения у него, видимо, самые решительные.

– Сиди, говорю, – напряженным тоном приказывает Варвара. Но уже поздно.

Толик вышел из повиновения, в нем уже разыгрались инстинкты. Он заносит надо мной свой пудовый кулак. Физиономия у него зверская. Он в этот момент, кажется, убить может, а уж искалечить – это безусловно.

Но я довольно точно уклоняюсь вместе со стулом от его удара. Кулак Толика со всего размаха врежется в угол спинки, она трескается. А Толик воет от боли. Теперь он уже ничего не соображает, ярость бушует в нем.

– Остановись, дурень! – кричит Варвара, взвизгивая от страха.

Но Толик ничего не слышит и слепо кидается на меня. Для драки это, между прочим, самое худшее состояние. Он не успел подскочить ко мне, как я уже был на полу вместе со стулом, и, споткнувшись об него, Толик тоже летит на пол. На рассеченной щеке его выступает кровь. Он ошеломленно приподымается, рукавом растирает кровь, заметив ее, рычит и снова кидается на меня. Варвара визжит уже в голос.

Действительно, Толик, окончательно озверев, хватает со стола нож. И тогда бью Толика я, не поднимаясь с пола, ногой. Это, конечно, не смертельный, но жестокий удар, и я редко к нему прибегаю. Но сейчас не до шуток. Вскрикнув, Толик валится на пол. Я не спеша поднимаюсь.

Варвара приходит в себя и с отвращением кричит ему:

– Проваливай отсюда! Чтоб глаза мои тебя больше не видели!

И кидает ему пиджак. Толик наконец поднимается. Вид у него жалкий. Он с ненавистью смотрит на меня, но снова кинуться уже нет сил, да и страшно. А Варвара, окончательно осмелев, толкает его в спину, и Толик тяжело направляется к двери, волоча за собой по полу пиджак.

Эта победа меня не радует, мне лишь противно, так противно, что я на минуту забываю, зачем сюда пришел, и порываюсь тоже уйти. Возвращается Варвара. Она не смотрит в мою сторону и устало говорит:

– Вы уж извините, – она вдруг улыбается: – А Толик ведь за милицией собрался бежать.

Я холодею. Только этого еще не хватало. Я на минуту представляю себе, как ляжет на стол Кузьмича рапорт о моей героической схватке, и мурашки бегут у меня по спине. Ведь я Кузьмичу ничего не сказал о своем визите, не получил от него санкции на это, а между тем ввязался в драку и чуть не искалечил человека. И никакое свидетельство Варвары тут не поможет. Я грубо нарушил служебную дисциплину.

– Ну и что, побежал? – спрашиваю я, с трудом сохраняя спокойствие.

– А я ему сказала, что вы сами из милиции, – смеется Варвара. – Ох и рожа у него стала, вы бы видели, – и раздраженно заключает. – А ну его! Думать о нем не хочу! Вы только... – она виновато смотрит на меня, – если можно... Паше не пишите. Я этого на порог больше не пущу.

– Ладно, – говорю, – условились.

А сам чувствую, как гора у меня сваливается с плеч. Нет, я, конечно, ничего не скрою от Кузьмича. Но одно дело доложить самому, а другое...

– Вот что, Варя, – уже совсем другим тоном, деловито и спокойно говорю я. – Скажите мне, чье платье вы вчера сдали на комиссию?

– Я?..

Для нее мой вопрос полнейшая неожиданность, и застает он ее врасплох. Она еще не успела прийти в себя, она совсем не готова вести такой опасный разговор и сейчас совершенно растеряна.

– Да, вы, – говорю. – Кто вам дал это платье? И откуда у вас чужой паспорт?

Варвара молчит, опустив глаза, и нервно теревит край скатерти.

– Где вы познакомились с этим человеком? – настойчиво спрашиваю я. – Рассказывайте, Варя. Сейчас самое лучшее для вас все рассказать.

– Нечего мне рассказывать, – наконец выдавливает она из себя. – Дура. Заработать хотела. Вот и все.

– Нет, не все. Кто этот человек?

– А я знаю? Встретились...

– Как встретились?

– Он за мной в метро увязался. Слово за слово. В кафе пригласил. Обходительный...

– Как его зовут?

– Михаил Семенович.

«Не иначе как наврал», – решаю я. Такой не назовет свое настоящее имя первой встречной.

– Опишите мне его, – говорю.

Варя начинает припоминать внешность своего нового знакомого. Да, это тот самый тип, все сходится.

– Где он живет? – спрашиваю я на всякий случай.

И Варя неожиданно сообщает:

– Тут, недалеко. На Плющихе.

– На Плющихе? – недоверчиво переспрашиваю я. – Это он вам сказал?

– Да нет. На такси меня вечером домой завез. А потом, я слышу, говорит водителю: «Теперь на Плющиху».

– Когда же он вам платье передал?

– Вчера.

– Сказал, чье платье?

– Сказал. Сестра прислала продать. Из другого города. Пятьдесят рублей обещал. И паспорт ее дал. «Чтоб, – говорит, – шуму потом не было».

Я понимаю, почему он так щедро решил с ней расплатиться. Ведь платье оценили всего в семьдесят рублей. Он затянуть ее хочет, привязать к себе. Расчет тут примитивный и точный. Понял, кто перед ним.

– Дура я, дура, – горестно произносит Варвара.

– Как же он деньги у вас получит? – спрашиваю.

– Обещал позвонить.

– Куда?

– На работу. Куда же еще?

– Ну вот что, Варя, – говорю я наконец. – Вам уже ясно, надеюсь, что он вор. Самый обыкновенный вор, хотя и обходительный. Платье это краденое. И вы пытались его сбыть.

– Что ж теперь будет, господи? – упавшим голосом спрашивает Варвара.

– А будет то, что мы с вашей помощью его задержим. Обязательно с вашей помощью, – подчеркиваю я – Потому что, если мы поймаем его сами, тогда... он, пожалуй, успеет еще немало бед причинить. И это тоже будет на вашей совести.

Я не хочу и не могу ей что-нибудь обещать за помощь. Не могу потому, что это не от меня зависит. Хотя преступление ее, конечно, невелико. Но решать тут должен наш Кузьмич. А не хочу я ей ничего обещать потому, что нельзя, чтобы она подумала, что я ей какую-то лазейку предлагаю или, еще хуже, сделку. И я рассказываю про ту актрису. Даже еще подробнее, чем Светке. И вижу, как Варвара кусает губы.

Неожиданно она говорит:

– Ну что у меня за несчастливая жизнь такая? Почему я все в грязи да в грязи? Почему я отмыться не могу?

И тогда я ей говорю про Пашку, про те его слова о ней. Я их, конечно, неточно передаю, я их смягчаю, но смысл остается тот же.

– Вот почему он не пишет. Целый год, – тихо, словно про себя, говорит Варвара, задумчиво глядя куда-то в пространство. – Теперь понятно.

Она сидит у стола очень прямо, плотно сжав колени и бессильно уронив на них руки. Такой она мне нравится больше, чем веселой.

– Напишите ему сами, – говорю я. – Напишите все как есть.

– Не умею я так писать.

– Все равно. Как умеете. Он ведь вас любит. Я знаю.

– Любит он... Водку он жрать любит.

– То другой Пашка любил, – твердо говорю я. – А этот...

И я рассказываю ей все, что знаю о сегодняшнем Пашке, о том, как он вкалывает там, в колонии, как держит слово.

Варвара молчит. Теперь, пожалуй, ей можно дать подумать.

Я украдкой смотрю на часы. Мне пора. И я говорю:

– Давайте, Варя, условимся. Только твердо. Вот мой телефон, я вам его сюда запишу, – и вырываю листок из своей книжки. – Когда он вам позвонит, и вы условитесь о встрече, скажете ему, что платье продано, мы его все равно уже конфисковали, вы сразу звоните мне. Если меня не застанете, позвоните по номеру дежурного, – я и его записываю на листке. – Дежурный будет в курсе дела.

Она молча кивает в ответ.

– Смотрите, Варя, – предупреждаю я, – не подведите меня. Я вам верю. А главное, не подведите себя, не подведите Пашу. Я ему тоже напишу. И мы оба будем на вас надеяться. Из грязи всегда можно выбраться, Варя. Надо только твердо решить.

– Что я, не понимаю...

– Вот и прекрасно.

Мы прощаемся. Я ее предупреждаю, чтобы она была осторожнее с этим типом. Хотя я еще не знаю, на что он способен. Это я узнаю чуть позже.

Когда я приезжаю к себе в отдел, меня встречает озабоченный дежурный.

– Где ты пропадаешь? – сердито спрашивает он. – Тут тебя обыскали. Федор Кузьмич уже выехал. И группа тоже.

У меня что-то обрывается в груди.

– Куда они выехали? – спрашиваю.

– Убийство. В гостинице.

– Убийство?! – не веря своим ушам, переспрашиваю я.

– Да, да. Твой сотворил. Забрался в номер, а тут... В общем, поезжай немедленно, – приказывает дежурный. – Я тебе сейчас машину дам.

Я мчусь в гостиницу. Машина несется так, словно мы гонимся за кем-то или кого-то можно еще спасти. Всю дорогу меня бьет озноб, и я курю сигарету за сигаретой. Неужели он пошел на убийство? Как это случилось? Других мыслей у меня сейчас нет.

Вот и гостиница. Взбегаю по лестнице. Пустой коридор. Сюда никого посторонних не пускают. На площадке стоит милиционер. Показываю удостоверение и бегу по коридору. У закрытой двери номера, это номер «люкс», тоже дежурит милиционер. Снова вытаскиваю удостоверение. В этот момент дверь открывается, и я сталкиваюсь с Игорем.

– Приехал, – озабоченно говорит он.

Игорь, как всегда, в черном костюме и в черной водолазке. Галстуков он не признает. Невысокий, плотный, с ежиком темных волос и чуть приплюснутым носом. Он всегда ироничен, но, в отличие от меня, скуп на слова.

Я захожу. Номер большой. Просторная передняя и целых три комнаты. Прямо передо мной гостиная, слева спальня, справа кабинет, все двери распахнуты настежь. Кузьмич в гостиной, я слышу его хриловатый прокуренный бас. За круглым полированным столом сидит знакомый следователь из прокуратуры. Здесь же работают эксперты, фотограф. Сквозь открытую дверь в спальне я вижу нашего врача, Зинаиду Федоровну, она в белом халате, склонилась над одной из постелей. С ней рядом еще какая-то женщина, тоже в халате. Остро пахнет лекарством.

Я захожу в гостиную.

– Где ты был? – сухо спрашивает Кузьмич, обращаясь ко мне, и потирает ладонью свой затылок.

Я торопливо докладываю самое главное.

– Давай включайся, – говорит Кузьмич.

Через несколько минут вся картина происшествия мне уже известна.

А было так. Этот тип появился здесь, как всегда, около трех. Действовал он по обычной схеме: болтовня с дежурной по этажу, коробочка конфет, минутная отлучка, и ключ уже у него. От этого самого «люкса». Улучив момент, когда в коридоре никого не оказалось, он стал открывать дверь. Но замок почему-то не поддавался. И тут, откуда ни возьмись, появляется горничная. Видит, человек не может открыть дверь «своего» номера, подошла и сразу открыла. Подумала, новый жилец, еще не привык. Он как ни в чем не бывало поблагодарил и вошел. А через несколько минут горничная почему-то забеспокоилась. И решила этого жильца спросить, не ошибся ли он номером. Стучит. Тот ее впускает и... со всего размаха бьет чем-то тяжелым по голове. Она падает, теряет сознание. Он затаскивает ее под кровать, вытирает на полу кровь и исчезает.

Через час появляется настоящий жилец. Он страшно торопится, у него билет на самолет. Он так торопится, что даже, видимо, не замечает, пропало у него что-нибудь из вещей или нет. И дежурная по этажу наспех принимает у него номер. Оба ничего не подозревают. Жилец уезжает. И только через два часа, когда другая горничная начинает там прибирать, она обнаруживает под кроватью тело той женщины. Поднимается крик. Сбегаются люди. Вызывают милицию, «скорую помощь». Женщина оказалась жива. Она только потеряла много крови, у нее сотрясение мозга, и врачи боятся ее сразу перевозить. Но она уже пришла в сознание и успела даже кое-что рассказать. Если бы она ничего не рассказала, пришлось бы заняться и тем жильцом, разыскать его и допросить.

– Его все равно надо будет отыскать, – говорит Кузьмич. – Преступник наверняка что-то у него украл.

– Сам напишет, если украли, – усмехается Игорь.

– Из какого он города? – спрашивает Кузьмич.

– Из Пензы. Николов Иван Харитонович. Архитектор.

Кузьмич кивает Игорю.

– Дашь поручение в Пензу. Пусть допросят.

Он что-то обдумывает. Потом приглашает горничную, которая убирала номер.

– Жилец ваш, говорят, торопился?

– Билет у него был. На самолет опаздывал...

– Может, он чего оставил второпях-то?

– Вроде ничего такого... Вот бутылки...

Потом Кузьмич поворачивается ко мне и кивком отзывает в сторону.

– Пойди, – говорит, – к администратору, попробуй забронировать на завтра номер «люкс».

Я удивленно смотрю на него и постепенно начинаю соображать.

– Слушаюсь, Федор Кузьмич, – говорю с самым серьезным видом.

Я выхожу из номера, торопливо иду по длинному коридору и только на лестнице, усталанной толстой красной дорожкой, спускаюсь медленно и солидно. Затем, все так же не спеша, пересекаю просторный вестибюль, где народу уже совсем немного, и подхожу к окошечку администратора. Здесь толпится человек десять приезжих, добиваясь места в гостинице. Вид у всех усталый и озабоченный. За окошечком миловидная и совершенно неприступная девушка. Я слышу, как она отвечает мужчине, стоящему передо мной:

– Мест нет, гражданин. И не будет. Обратитесь в другую гостиницу. Вот там список висит.

– Но меня направили сюда, – не сдается тот.

– Ничего не знаю. На вас заявки нет.

– Не может быть, чтобы...

– Может. Я ведь уже смотрела. Могу еще раз посмотреть.

Тон у нее терпеливо-спокойный. Человек растерянно отходит, и к окошечку нагибаюсь я.

– Добрый вечер, девушка.

– Добрый вечер, – выжидающе отвечает она, никак не реагируя на мою улыбку.

– Мне надо заказать номер «люкс» на завтра для товарища, – как ни в чем не бывало, говорю я.

Девушка смотрит на меня словно на сумасшедшего.

– У вас есть заявка от вашей организации? – на всякий случай спрашивает она, видимо, проверяя свое первое впечатление.

– Заявки нет, но... можем подать. А если как-нибудь иначе?

Она хмурится и отвечает довольно резко:

– Иначе нельзя.

– А другой номер?

– И другой тоже.

– Но мне-то нужен «люкс», – вздыхаю я. – Значит, только по заявке?

– Да. И с резолюцией нашего начальства.

– Ого! Так строго? Ну хотя бы... разрешите зайти к вам, – и я пальцем указываю свой путь через дверцу в перегородке.

– Сюда заходить нельзя, гражданин, – сухо отрезает девушка.

– Ничего, мне можно, – весело и загадочно отвечаю я и отхожу от окошечка.

Впрочем, она уже догадывается, что я не сумасшедший, еще раньше, чем я показываю ей свое удостоверение.

– Вы понимаете, – говорит она немного смущенно, – свободных «люксов» действительно нет, кроме... ну того.

Она раскрывает большую книгу с разграфленными страницами, достает сколотую пачку заявок на различных солидных бланках с подписями, печатями и косыми резолюциями в верхнем углу, еще какие-то бумаги и скромную тетрадку. Мы все это вместе просматриваем. Вообще она очень славная девушка, как только начинает говорить не так официально и исчезает равнодушно-непреклонное выражение с ее хорошенького личика.

Все оказывается именно так, как она и говорила. Все «люксы» заняты, и в них живут только люди, на которых имеются заявки со всеми необходимыми печатями и резолюциями. Кроме... кроме гражданина Николова, на него никакой заявки не оказалось.

– Значит, было «окно», – говорит Надя.

Мы уже познакомились. Общая работа, как известно, сближает.

– Правда, он поселился не в мое дежурство, – добавляет она с заметным облегчением. – Надо спросить Веру Михайловну. Она заступает завтра утром.

Да, видимо, придется спросить. Тут, кажется, не обошлось без «барашка в бумажке».

На следующий день после происшествия в гостинице нас ждала новость. Дело в том, что еще до этой второй серии краж мы составили фоторобот этого опасного вора. Наша практика и экспериментальная психология подтверждают большую эффективность такого метода. К нему-то мы прибегли и на этот раз. Ведь у нас, как вы помните, было несколько человек, видевших того типа в трех первых гостиницах.

Надо вам сказать, что в конце этой кропотливой работы на фотографии появилось совсем незаурядное лицо, умное, выразительное и даже, я бы сказал, с обаянием. Просто досадно было думать, что такой человек оказался вором, наглым, вульгарным вором, и больше никем, что он мог поднять руку на другого человека, мог решиться на убийство. Ведь это чистая случайность, что женщина осталась жива. Внутренне, психологически он шел на убийство, и он был убийцей.

А с фотографии на нас смотрело совсем другое лицо. Эти зачесанные назад седоватые волосы, большие выразительные глаза, изящный нос и полные, красиво очерченные губы. Ломброзо, наверное, упал бы со стула, взглянув на эту фотографию и узнав, кому она принадлежит. Я еще по университету помню, по истории криминологии, о чем писал этот итальянский

ученый. По его утверждению, вор, например, обладает стойкими и весьма конкретными внешними данными с явно дегенеративным уклоном.

Так вот, эту самую фотографию мы и разослали в различные города в дополнение к нашим ориентировкам и прочим сообщениям.

И машина наша снова сработала. В первый раз она «выдала» нам платье. Теперь же... Пришло служебное сообщение... Откуда бы вы думали? Из Пензы! На следующий день, как я сказал, после событий в той, последней гостинице. Один старый работник розыска из Пензы вспомнил этого негодяя. Он его арестовывал, оказывается, лет двадцать назад за квартирную кражу в этом городе. И не только вспомнил, но и поднял из архива его дело. И прислал нам по нему справку и все данные этого человека, даже его подлинную фотографию. А уж тут у нас специалисты мгновенно установили, что на присланной фотографии двадцатилетней давности изображен тот же человек, что и на нашем фотороботе.

Фамилия его оказалась Мушанский, Георгий Филиппович, год рождения тысяча девятьсот двадцать пятый. Впрочем, по поводу имени и фамилии мы не очень обольщались. При следующем аресте он мог назваться как угодно и, конечно, назвался, иначе слишком грязный след потянулся бы за ним.

Но от всех остальных данных деться ему было некуда. В том числе, и особенно, от отпечатков пальцев, которые нам тоже прислали из Пензы. Наши специалисты тут же составили формулу его папиллярных узоров и проверили по соответствующим учетам. Вскоре перед нами лежали сведения о всех преступлениях, совершенных этим человеком, за которые его в разное время судили. А кстати, и все другие фамилии, которые он себе каждый раз придумывал.

Судимостей оказалось пять, и фамилий тоже.

Пестрая и грязная биография была у этого человека. В том, первом деле сохранились материалы о нем и его семье. В последующих делах семья исчезает. Придумывая себе новую фамилию, он придумывает и новую биографию. Так появился человек без прошлого, без жизненных корней, без близких. Человек – «перекати-поле».

Родился же он в небольшом городке недалеко от Киева. Мать работала бухгалтером на автобазе, и отец там же механиком. Это был, видимо, хороший, даже способный механик, и его там ценили. Он был и изобретателем, не крупным, конечно, но все же. Что-то улучшил в автомобильном моторе, что-то придумал для надежной работы карбюратора и еще для форсунки на дизеле. Но это был очень тщеславный и честолюбивый человек. Он стал добиваться признания, патентов, премий. И постепенно превратился в сутяжника и кляузника. Бывают люди, я сам таких знаю, которые не в состоянии здраво оценить масштаб своих способностей и заслуг. Наверное, тот механик принадлежал к их числу. В конце концов его уволили, и он поехал в Москву хлопотать, добиваться, воевать. А заодно он бросил семью, она ему мешала в его кипучей деятельности. В Москве он встретил другую женщину. С того времени след этого механика теряется. Парень остался без отца.

Сын вырос тоже честолюбивым. Спокойная трудовая жизнь матери его не устраивала, как и вообще жизнь в этом городке. Ему мерещились громкая слава и большие города. Он пошел в отца. И поступает в театральное училище в Киеве. Все бы еще ничего, если бы за четыре года учебы там он не попался на всяких неблагоприятных поступках. То мелкая кража у товарища, то пьяный дебош в ресторане, то некрасивая история с какой-то девушкой, на которой он обещал жениться, потом еще с одной, и еще. С грехом пополам он кончил училище, этот красавчик, и поступил в театр, почему-то пензенский. Вот там-то он и совершил свое первое крупное преступление – квартирную кражу у главного режиссера театра. На суде он уверял, что это была не кража, а месть, режиссер затирал его, не давал интересных, ведущих ролей. Сначала он грозил жалобами «наверх», потом убить кинжалом на глазах у всех и, наконец, выбрал третий «вариант»: ограбил квартиру режиссера. Выйдя из заключения, он поступил в другой

областной театр. А вскоре новая квартирная кража, потом третья. И снова тот же якобы мотив – месть. И опять суд. Так он и жил, этот непризнанный «артист». Все время кочевал, то по тюрьмам и колониям, то по театрам и городам. И вот пять судимостей, шутка ли.

Я иногда думаю, как может человек так жить? Один, в вечной войне со всеми. Мне пришлось переживать всяких людей: и случайно оступившихся, и заблудившихся, и совершенно озверевших. Такая уж работа. И я еще не встречал ни одного, даже самого опустившегося, самого отчаянного, который бы мне сказал, искренне, конечно: «Я доволен. Мне другого не надо». Я знаю, всем им плохо, какой бы бравадой, какой бы дерзостью они ни прикрывались. И все они творят зло. Поэтому мне хочется разобраться. Есть среди них и люди-амебы. В них разбираться неинтересно, они слишком примитивны. Захотел напиться – напился, отнять – отнял, захотел порезать – порезал, а может, и убил, дело какое. Все это для него «семечки», для амебы.

Но этот «артист» не амеба. Его аморальность не от серости, не от примитивности. У него должна быть своя «философия», я так полагаю. Все оправдывающая, все объясняющая и даже воспевающая. Это близко к «сверхчеловеку», наверное, которому все позволено.

Но добраться до этого типа совсем не просто.

– То, что мы о нем все знаем, – говорит Кузьмич, – этому пока грош цена в базарный день. У него уже новая фамилия, новый паспорт и биография. И в театрах он уже не играет. Он уже путь прошел немалый, вниз, конечно.

«Да, «сверхчеловеки» тоже проходят каждый свой путь вниз», – думаю я.

– ...Вот раньше-то он на людей не кидался, – продолжает Кузьмич. – А сейчас кинулся. От вора к убийце путь его.

– Положение у него было безвыходное, – возражает Игорь. – Змея ведь кусается, если на нее наступишь.

– Тут другой случай, – Кузьмич качает головой и смотрит на меня. – Что, Варвара-то твоя не звонила?

– Нет, – отвечаю. – Рано. Только три дня прошло.

Мы сидим в его кабинете. Три часа дня. За окном сеет нудный холодный дождь. В комнате тоже холодно. Топить еще не начали. Чертов октябрь!

Сейчас начнется оперативное совещание. Важное совещание. Я уже догадываюсь, что у нашего Кузьмича созрел какой-то план.

Глава 3 Разные версии

Да, Кузьмич наш, конечно, кое-что подготовил. Но начинает он, как всегда, издалека.

– Давайте, милые мои, разберемся, – говорит он. – И подумаем. Последняя кража немного выбила нас из колеи, – добавляет Кузьмич. – Засуетились. Никуда это не годится. А почему засуетились? Да потому, что нет плана, нет твердых версий. Розыск по приметам и по вещам – это само собой. А мы только на него и положились. На первых порах это было понятно. Но сейчас... – он сердито трет затылок. – Так что давайте думать, милые мои. Одними ногами в нашем деле не проживешь.

– Кое-что все-таки добыто, – с невозмутимым видом говорит Игорь. – То, что мы знаем Мушанского, не последнее дело, Федор Кузьмич. И встреча Лосева с этой Варварой тоже, при всех издержках даже.

Игорь усмехается. Я уже доложил Кузьмичу об инциденте с Толиком, и Игорь об этом тоже знает. Сейчас он на это и намекает.

Ох и попало же мне за тот инцидент! «Спровоцировал драку», – резюмировал Кузьмич. Но я вовсе не хотел никакой драки. Конечно, мне хотелось, чтобы Толик ушел, ну, может быть,

поссорившись с Варварой. Вот и все. Мне же надо было с ней поговорить. «Глупости, – возразил Кузьмич. – Знал, с кем связываешься. Так он тебе просто и ушел бы, как же». Еще он заявил, что эта драка может нам аукнуться. И чуть не наложил взыскание. Я даже не понял, что меня спасло. А теперь вот еще Игорь на это намекает. Хотя в целом Игорь верно сказал, все-таки кое-что нами сделано. Но одно слово, которое произнес сейчас Кузьмич, меня насторожило. Это слово «версии».

– Версии у нас были, – говорю я.

– Это какие же? – спрашивает Кузьмич.

– Где его искать, – отвечаю. – Рестораны, кафе, всякие значные места, где такой народ собирается. Потом скупщики краденого, компании некоторые.

– А еще? – допытывается Кузьмич. – Конкретнее.

У него явно что-то на уме. Я только не пойму, что именно. Хотя и чувствую, что задел то самое, о чем он думает.

– Что же еще? – спрашиваю. – Вот в кафе он как-то раз и появился с Варварой.

– И его почему-то не засекли, – насмешливо добавляет Кузьмич.

– Ну бывает, – я недовольно пожимаю плечами. – Однако не последний раз он туда, надеюсь, зашел.

– Словом, так, – решительно объявляет Кузьмич. – Главных версий тут две. Он москвич или он не москвич.

– Как же так «не москвич»? – удивленно спрашиваю я. – А Плющиха?

– Вот, вот. Плющиха – это первая версия, – подтверждает Кузьмич. – Не какие-нибудь там кафе или рестораны, а Плющиха. Уже кое-что поконкретнее. А мы это с вами, милые, упустили. Хотя зацепочки тут есть. Подумать только надо.

Да, действительно, если подумать, то версия «Плющиха» вполне основательна. И я об этом уже думал. Только руки до нее не дошли. Я просто утонул в старых делах Мушанского. Но время же, в конце концов, не упущено?

А Кузьмич между тем продолжает развивать свою мысль и смотрит при этом на меня, хотя в кабинете еще человек шесть.

– Надо прочесать весь район, – говорит он. – Связаться с участковыми инспекторами, они свой народ знают. А у нас приметы есть, фотографии, ну и все прочее. Это первое.

Я делаю пометки в блокноте. Совершенно машинально и только для очистки совести. Мне неловко. Кузьмич говорит прописные истины, которые я сам должен был если уж не осуществить, то хотя бы высказать. Вот я и делаю пометки в блокноте, скорее всего, от смущения.

– И еще по этой версии надо кое-что сделать, – продолжает он, поглядывая на меня, и досадливо вздыхает. – Надо бы попробовать того таксиста найти, который их вечером привез, Варвару и его. Хотя, конечно, прошло уже четыре дня.

– А вторая версия, Федор Кузьмич? – напоминает Игорь.

– Не забыл, будь спокоен, – отвечает Кузьмич. – Вторая версия вот такая. Три дня подряд кражи, затем три недели тихо. Потом опять три дня, и опять тихо. Странная периодичность, а? И притом розыск по Москве не дает никаких результатов. А уж они искали как надо, – он кивает на меня и Авдеенко, тоже присутствующего на совещании.

– Гастролер, – негромко произносит Игорь.

– Вот-вот, – подтверждает Кузьмич. – Это и есть вторая версия. Но ее проверить надо.

«Гастролер» – это особый вид преступника. Он появляется в городе, чтобы только совершить преступление, и потом исчезает. А через некоторое время приезжает опять. Таких ловить, конечно, труднее, но здесь есть свои методы.

Мы подробно обсуждаем обе версии. Мы им дали уже оперативные шифры – «Плющиха» и «гастролер». Под конец Кузьмич распределяет обязанности. Но у меня все время такое ощу-

щение, что он что-то недоговаривает. Мне достается «Плющиха». Версия «гастролер» отходит Игорю.

– Из Пензы ответа нет? – как бы между прочим спрашивает его Кузьмич.

– Нет еще, – рассеянно отвечает Игорь.

Он уже, конечно, обдумывает свою версию. Он весь поглощен ею. Но я почему-то насто-
раживаюсь. Однако Кузьмич больше не возвращается к этому разговору.

Сразу после совещания я посылаю Авдеенко и Яшу Фролова на Плющиху, а сам еду к Варваре.

Она сегодня работает в утреннюю смену и к вечеру должна быть дома. Но будет ли, это еще вопрос. И не застану ли я у нее кого-нибудь, это тоже вопрос. А мне надо поговорить с ней наедине. И откладывать этот разговор нельзя, и так уже времени упустили немало. Но нарываться на новый конфликт с каким-нибудь Толиком у меня, как вы можете догадаться, желания тоже нет. Кроме того, меня беспокоит и сама Варвара. До конца положиться на нее я ведь тоже пока не могу. Мало ли что может прийти в эту взбалмошную голову.

Вот с такими смутными чувствами я к ней и еду. Знакомая подворотня встречает меня холодным сырым ветром, дующим с такой бешеной силой, словно это не старая темная под-
воротня, а аэродинамическая труба, а я та самая модель, которую надо испытать на лобовое сопротивление. Я плотнее запахиваю плащ и рукой держу шляпу, ее просто срывает с головы. Проливной дождь хлещет с самого утра. Мне дьявольски холодно, сыро и противно.

Прежде чем зайти в эту проклятую подворотню, я изучаю известные мне окна. Занавески задернуты, в комнате и кухне горит свет. Значит, Варвара дома. Только бы она оказалась одна, больше, кажется, мне ничего не надо. Я почти на ощупь нахожу дверь, обитую старым дерматином, и звоню. На этот раз дверь открывается без всяких проволочек и вопросов, и меня буквально вдвухает в маленькую прихожую, где под самым потолком горит тусклая, без абажура, лампочка на изогнутом шнуре. Потолки здесь, как и во всех старых домах, очень высокие.

Передо мной стоит Варвара. Она в простеньком платье с короткими рукавами и перед-
нике, волосы небрежно сколоты на затылке. В руках у нее полотенце. Ясно, занимается домаш-
ними делами. Варвара, глядя на меня, улыбается дружески и открыто, и это мне тоже нравится.

– Вы всегда прямо как снег на голову, – говорит она.

– Как дождь, – отвечаю я, снимая шляпу и стряхивая с нее воду.

Варвара забирает мой плащ.

– На кухню повешу, пусть посохнет. Чайку не выпьете?

– Выпью, – говорю. – С удовольствием даже.

Через некоторое время мы уже сидим за столом, и я, обжигаясь, пью крепкий, душистый чай. Ужасно я люблю, признаться, такой именно чай, свежий и крепкий, без лимона и сахара. Это у нас в доме так заведено. Причем заваривается он каждому прямо в стакане. Чай «по-
лосевски», говорят друзья. Вот и тут я, к своему удивлению, получил такой чай.

– Ну как живете, Варя? – спрашиваю. – Паше-то написали?

Она опускает глаза и отрицательно мотает головой. Просто удивительно, до чего она
бывает разная. Сейчас, например, это сама скромность и застенчивость. В черных живых гла-
зах нет обычной дерзости и вызова, они задумчивые и даже грустные. И движения ее не поры-
вистые, не энергичные, а какие-то плавные, мягкие. Сколько в ней женственности и природ-
ного изящества, передать нельзя.

– А я написал, – говорю.

– Спасибо вам, – тихо отвечает Варвара.

И я перевожу разговор на другую тему, тоже пока далекую от того дела, которое меня
к ней привело.

– А на работе как? – спрашиваю.

Она пожимает плечами и бросает на меня быстрый взгляд.

– А что там может быть? Работаем.

– Все хорошо, значит?

Она поднимает голову и смотрит мне в глаза. И я вдруг ощущаю какую-то неловкость, какое-то странное напряжение, внезапно возникшее в этом совсем, казалось бы, безобидном разговоре.

– У вас там какие-нибудь неприятности, Варя? – мягко спрашиваю я.

– У меня все хорошо. Ну, правда же. И... никого на порог больше не пускаю. Все. Отгуляла. Скоро... вот возьму и напишу Паше.

Она его любит. Я вижу. А ведь у них до драк доходило. Пашка пьянствовал и бил ее, а она, как говорят, «гуляла от него» всю. В поклонниках недостатка, как вы понимаете, не было. Я уверен, Пашка и запил от ревности, и безобразничать начал тоже. Он ее и любит, и ненавидит, можете себе такое представить? Я могу. Но вот стряслась беда, исчез Пашка из ее жизни. Она вроде бы наконец-то вздохнула, начала жить, как ей хочется, закружилась. Вот хотя бы этот Толик или Мушанский. Да и не они одни, конечно. Могла бы и забыть давно своего изверга Пашку. Но вот стоило только напомнить о нем, сказать, что другим, мол, он стал и любит ее, как что-то разом всколыхнулось, поднялось у нее в душе, что-то там вдруг произошло.

– Напишите, – говорю. – Обязательно напишите. А там, может быть, и поедете к нему.

– Это как же? – испуганно спрашивает Варвара.

– А так. Хорошо себя Паша зарекомендовал. Думаю, разрешат ему скоро до конца срока жить вольно на какой-нибудь стройке. Туда и семьи приезжают. А он слесарь такой, что поискать.

Варвара, опустив глаза, молчит. Только на чистом ее лбу вдруг пролегла маленькая морщинка. Задумалась. Молчу и я, отхлебывая остывший чай. Потом прошу разрешения закурить и приступаю к другой теме.

– Варя, – говорю, – а вы не помните, этот Му... Михаил Семенович что-нибудь о себе рассказывал в тот вечер, в кафе?

– Что?..

Она с трудом отрывается от своих мыслей.

– Ах, этот... – она зло хмурится, устремив взгляд куда-то в пространство. – Известно, что говорил. Одиноким, мол. Ласки женской не видит. Подруги жизни у него нет. Ну чего вы все в таких случаях говорите, не знаете разве? – Но, взглянув на меня, вдруг смущается. – Я не про вас, конечно. Вы вроде не такой.

И мы смеемся. Этот смех помогает нам обоим скрыть смущение.

– В котором же часу он вас домой привез? – спрашиваю.

– Да не поздно. Часов в десять.

– А в каком кафе вы были, не помните?

– Помню, конечно. На Кутузовском проспекте, в начале, около тоннеля. Большое такое, в два этажа, стеклянное.

Я знаю это кафе, мы там были как-то со Светкой.

– А водителя такси, который вез вас домой, не запомнили?

– Водителя? – она задумывается. – Нет, не помню. Молодой такой и еще... Ах да! – Она улыбается. – В очках. Представляете?

– Представляю.

Я тоже улыбаюсь. И не потому, что водитель этот был в очках, а просто невозможно не улыбаться, когда улыбается она.

– А никакого разговора по дороге не было? – снова спрашиваю я.

– Какой же разговор? Этот как сел рядом, руку мою сгреб и не дышит. Переживания показывает.

Варвара уже откровенно прыскает, закрывая ладошкой рот. Мне тоже становится смешно.

– А водитель? – спрашиваю.

– А что водитель? Его дело машину вести. Особенно если пассажир с женщиной. Вот только когда садились, он сказал, что далеко не повезет. Время у него кончается. И правда, у него под стеклом двадцать два ноль-ноль было написано, я заметила.

Вскоре мы прощаемся. Плащ мой, кстати, высох, и шляпа тоже. Я снова выхожу под дождь. Ветер в подворотне зверем налетает на меня и чуть не срывает шляпу. Я еле успеваю подхватить ее. Дождь льет как из ведра, и холод совершенно собачий. Несмотря на это, настроение у меня отличное. Теперь того водителя найти, пожалуй, удастся. Меня только немного беспокоит выражение ее лица, когда я напоминаю о Мушанском. Боится она его звонка, определенно боится. Как бы тут осечки не получилось.

На следующее утро мы начинаем поиски водителя такси. Данные о нем у нас вполне обнадеживающие: новая черная «Волга», водитель – молодой парень в очках, работавший в тот день до двадцати двух ноль-ноль. Тем не менее, как вы сами понимаете, по телефону такие справки не наведешь. И мы разъезжаемся по таксомоторным паркам Москвы, все ребята моей группы, за исключением Авдеенко. Он пока один работает в районе Плющихи. Собственно говоря, конечно, не один, а вместе с участковыми инспекторами. И вообще к поиску подключено много людей.

Я тоже еду в один из парков. Связь между собой мы держим через дежурного. После «отработки» каждого парка, а их в Москве, как известно, восемнадцать, мы сообщаем ему результаты, чтобы не тратить лишнее время, если кто-нибудь из нас обнаружит наконец этого водителя.

Между прочим, здесь все зависит от добросовестности человека. Все строится на доверии к товарищу. Проконтролировать нашу работу часто просто невозможно. И у нас не прощают равнодушия и недобросовестности. Это, по нашим понятиям, так же опасно как трусость, с той, правда, разницей, что трус выявляется быстрее, в первой же острой ситуации, и избавляемся мы от него тоже быстрее. Собственно говоря, трус и сам не очень-то долго у нас задерживается. С недобросовестными и равнодушными сложнее, они сами не уходят. А ведь такой человек может незаметно сорвать работу целого коллектива.

Вот как сейчас, например. Приехав в парк, можно спросить одного, другого человека и удовлетвориться их ответом. Но они-то, эти люди, занятые своими делами и заботами, могут отнестись к вашим вопросам не очень-то внимательно, могут что-то не вспомнить или просто сболтнуть второпях. Поэтому я приступаю к делу чрезвычайно осмотрительно и отнюдь не сразу задаю нужные вопросы. Мне сначала надо уяснить, с кем я говорю, что собой представляет этот человек, насколько ему можно доверять. А разговариваю я с самыми разными людьми: диспетчерами, механиками, работниками отдела кадров, слесарями, начальниками колонн, водителями. И тут своя диалектика. С одной стороны, нельзя торопиться, с другой – надо спешить. У меня еще три парка, и всю работу надо во что бы то ни стало закончить сегодня. Времени и так потеряно немало, и человеческая память, даже память таксиста, тоже имеет свои пределы.

В первом парке я не нахожу нужного мне человека. После этого я звоню дежурному и узнаю, что проверено уже четыре парка. И нигде пока не обнаружен тот самый водитель. Еду в следующий парк. Дождь льет с самого утра. Порывистый ветер налетает то с одной, то с другой стороны, находя самые уязвимые места, чтобы пробраться под одежду. Вспоминаю, что недавно прочел роман под названием «Что может быть лучше плохой погоды». Сейчас я этого оптимизма не разделяю.

В новом месте меня опять постигает неудача. Я снова звоню дежурному. Прошло полдня, уже проверено одиннадцать парков, и никаких результатов. Вот вам и надежные данные.

Я начинаю нервничать. Вдруг кто-нибудь из ребят промахнулся, недоглядел? Тогда все насмарку, вся наша работа впустую. И впереди нам уже ничего «не светит». Одновременно я понимаю, что такое настроение, как у меня, очень опасно в нашей работе. Поэтому надо взять себя в руки, черт побери. Но удастся ли это всем моим ребятам? Ведь все они уже знают, что одиннадцать парков нам ничего не дали, и у всех возникают те же самые сомнения, что и у меня. А я, между прочим, отвечаю за всех, за всю эту работу.

Тем не менее, в следующем парке я заставляю себя быть еще внимательнее, хотя предательская мысль, что это все напрасно, что кто-то другой может в любой момент зачеркнуть все мои старания, не покидает меня. И снова неудача. Третья! Я забываю об обеде и, стиснув зубы, обозленный, мчусь в следующий парк. День кончается. Дождь хлещет с прежней силой. Неужели мы так ничего и не добьемся?

По дороге звоню дежурному. Он сообщает, что обследовано уже пятнадцать парков. Никаких результатов. Это просто удивительно! Такие, казалось бы, великолепные данные – одни очки чего стоят! – и не найти человека. Может быть, Варвара ошиблась? Или этот парень уволился с работы? Все может быть.

– погоди, – вдруг говорит дежурный. – Не вешай трубку. По моему второму звонит Фролов.

Что ж, я жду. Почти равнодушно. Я устал нервничать. Через минуту дежурный снова окликает меня:

– Ты слушаешь?... Фролов нашел водителя. Запиши адрес и двигай туда. Они ждут.

Милый, дорогой работяга Яшка, самый скромный, самый незаметный из всех! От радости я становлюсь несправедливым. Ведь работяги все, ведь никто, выходит, не промахнулся. Я торопливо записываю адрес. В наступивших сумерках я с трудом различаю то, что пишу.

Вот и нужный мне парк. У ворот, несмотря на дождь, меня поджидает Фролов. Он, кажется, тоже промок насквозь, как и я. Ну и денек. Яша ведет меня через огромный, забитый машинами двор. В комнатухе начальника одной из колонн нас дожидается вихрастый паренек в очках и кожаной куртке на «молнии». Мне хочется его пощупать, настолько нереальной кажется эта удача.

– Капралов Эдуард, – с достоинством представляется он и чуть смущенно добавляет. – В общем, Эдик.

Мы знакомимся, и я приступаю к расспросам.

Да, он отлично помнит эту поездку. Уж больно красивая женщина села к нему с тем гражданином. Эдик всю дорогу поглядывал на нее в зеркало.

– Даже адресок запомнил, – смеется он. – Везет же некоторым.

– А его куда отвез, тоже запомнил? – спрашиваю я самым равнодушным тоном и тоже улыбаюсь.

С таким пареньком легко разговаривать.

– Ясное дело, запомнил, – охотно откликается Эдик. – Сначала поехали на Плющиху, он там позвонил кому-то по автомату, получил, видать, от ворот поворот и велел ехать в центр.

– Там и вышел? – настороженно перебиваю я.

– Да нет, – усмехается Эдик. – Поехали дальше, на Красносельскую. Там, у метро, и вышел наконец.

Действительно странный маршрут. Ничего пока понять невозможно.

Мы с Фроловым едем в отдел. Через дежурного я уже дал команду всей группе прекратить поиск и собраться там. В комнате нас собирается пять человек, вся моя группа. Приезжает и Авдеенко. Ребята насквозь промокли и голодные как звери. Решаем все вместе идти в соседнюю столовую и прежде всего как следует подзаправиться. Уже шесть часов вечера, и терпеть больше нет сил.

В столовой посетителей совсем мало, и процедура обеда не занимает много времени, хотя мы дружно уминаем все подряд, что еще осталось в меню: салаты, кильки, колбасу, совсем уже прохладный суп, какие-то железные ромштексы, компоты и кисели. Под общий смех Авдеенко в последний момент заказывает себе еще два ромштекса. Наконец тяжело поднимаемся из-за столика и, закурив, выходим на улицу. С удивлением обнаруживаем, что дождь прекратился. У всех благодушное настроение.

Но ненадолго. Мы возвращаемся к себе, и выясняется, что наша версия трещит по всем швам. «Плющиха» явно ничего не дает. Авдеенко убежден, что Мушанский там не проживает, и в прилегающих переулках тоже. Тем не менее, решаем завтра всей группой навалиться на эту проклятую Плющиху и обшарить там каждый дом. Версия должна быть отработана до конца. Почему-то он все-таки приехал на Плющиху.

Наконец я отпускаю ребят и иду к Кузьмичу рапортовать о нашей неудаче. Рапорт не самый приятный, как вы понимаете. Сейчас Игорь тоже у Кузьмича.

Первым докладываю я. Коротко, только факты и без всяких там «антимоний», как любит выражаться наш Кузьмич. В моем изложении поиск водителя такси выглядит предельно скучно и просто: объехали шестнадцать парков и нашли. Только и всего. Наши переживания, разочарования, промокшие плащи и тому подобное остаются неупомянутыми. Еще более уныло, даже прискорбно выглядят результаты. Пожалуй, может даже создаться впечатление, что мы вообще сегодня ничего не сделали.

Кстати, я в который уже раз убеждаюсь, что не умею «подать» проделанную нами работу в выгодном свете, ну просто не получается. Игорь по этому поводу утверждает, что из меня никогда не выйдет крупного руководителя. Я утешаюсь только тем, что не замечаю, чтобы он сам преуспевал по этой части.

Как ни странно, Кузьмич, пока я докладываю, одобрительно кивает и почему-то не утюжит свой затылок.

– Отсутствие результата иногда факт положительный, – изрекает он. – Но пока вам и этого не удалось достигнуть. Версия до конца не отработана. Так что извольте. План ваш на завтра я утверждаю. – И уже совсем другим тоном вдруг спрашивает. – Набегались, черти, небось, а?

Я не очень охотно подтверждаю, что набегались мы досыта. Я не вижу, чем тут можно гордиться, если никаких результатов от этого не получилось. Оптимистическая сентенция Кузьмича меня мало утешает.

Потом докладывает Игорь. Он отрабатывает версию «гастролер». Здесь надо пройти два этапа. Впрочем, как и в любой версии. Сначала необходимо убедиться, что Мушанский действительно «гастролер». И уже затем, если это подтвердится, разработать план его задержания. Учитывая, конечно, специфику именно этого рода преступлений.

Игорь сейчас на первом этапе. И предпринял вполне естественный шаг. Дело в том, что «гастролер» обычно совершает преступления не в одном городе. Одним городом он «сыт» не будет, да и опасно это, слишком для него опасно. Он потому и называется «гастролер», что кидается из города в город. Причем метод совершения преступления у него всегда один. Он к нему уже привык, у него уже опыт появился, сноровка, а то, что хорошо знакомо, кажется наиболее безопасным. В некотором смысле это, конечно, верно. Меньше шансов совершить оплошность, «сгореть» на пустяковой детали, которой не мог предвидеть. Все это Игорь учел, предпринимая свой первый шаг.

И вот вчера он передал по спецсвязи срочный запрос во все крупные города страны, в их управления внутренних дел, конечно: не совершались ли там в гостиницах кражи до восемнадцатого сентября, в промежуток между двадцать первым сентября и десятым октября и после четырнадцатого октября? Сегодня уже начали поступать первые ответы. Пока подобные кражи нигде не зарегистрированы.

– Ну что ж, поглядим, – говорит Кузьмич. – Это путь правильный. Что у тебя еще?

Еще Игорь со своей группой усилил наблюдение на вокзалах и аэропортах.

– Тоже правильно, – кивает Кузьмич и, между прочим, осведомляется. – Пенза ответила на наш запрос?

– Так точно, – подтверждает Игорь. – Установили они этого Николова Ивана Харитоновича.

– Допросили?

– В том-то и дело, что нет. Дома его не оказалось. Жена утверждает, что он еще в Москве.

– Гм...

Кузьмич наш задумчиво потирает затылок. Потом вдруг решительно снимает трубку и набирает какой-то номер. Тот оказывается занятым. Кузьмич достает из ящика стола незнакомую нам папку, вынимает оттуда лист чистой бумаги и, надев очки, снова звонит. На этот раз ему везет, и он рокошет в трубку:

– Справочная?.. Говорит майор милиции Цветков, из уголовного розыска. С кем я говорю?.. Так вот, товарищ Беликова, прошу вас дать мне одну справку. В котором часу тринадцатого этого месяца вылетели самолеты в Пензу?.. Так. Понятно, – он делает пометки на лежащем перед ним листке, плечом прижимая трубку. – И еще. В тот день, между семнадцатью и восемнадцатью часами, какие вообще вылетели самолеты, куда? – Он снова приготавливается записывать. – Так. Понятно.

После этого Кузьмич снимает очки и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво смотрит на нас с Игорем. Наконец говорит, обращаясь к Игорю:

– Пензу отставить. У тебя сейчас другая задача. Пензой сам пока займусь.

Я удивленно смотрю на него. Это еще как понимать? Что он такого особенного мог узнать в этой справочной? Но Кузьмич не склонен давать какие-либо разъяснения. Хотя, конечно, прекрасно улавливает интерес, который возбудило у нас его странное решение. Мы воздерживаемся задавать вопросы. Это не положено. Во всяком случае, у нас в отделе. Однако мы хорошо запоминаем этот загадочный эпизод.

На следующий день мы «наваливаемся» на Плющиху всей группой. Что поделаешь, версию надо отрабатывать до конца, какой бы маловероятной она нам теперь ни казалась. Задача наша сейчас даже сложнее, чем была. Ведь мы собирались искать в районе Плющихи самого Мушанского, а теперь надо искать или его, или какую-то его «связь». Ведь не зря же, в конце концов, он назвал водителю Плющиху.

Если не Мушанский, то кто же там живет, к кому он чуть не кинулся в одиннадцатом часу вечера? К обычному знакомому просто так в такое время в гости не заявляются. Кто же это может быть? Женщина? Вряд ли. Он только что проводил домой очень красивую и притом одинокую женщину и даже не попытался у нее задержаться. Мало того, он с явной поспешностью распрощался с ней, даже не вышел проводить ее до двери в темной подворотне. А ведь он очень галантный, этот артист. Тогда кто же может жить на Плющихе? Сообщник? Такого у него не имеется, он совершает преступления один. Какой-нибудь близкий приятель, у которого он собрался было переночевать, но, позвонив, в последний момент раздумал? Вот это возможно. И такой приятель, скорее всего, праведной жизнью не отличается, иначе не вел бы дружбу с вором. Кто же еще может жить на Плющихе? Скупщик краденого, которому Мушанский сбывает свой «улов»? Тоже возможно. На последние два варианта мы и решаем ориентироваться. Не считая самого Мушанского, конечно.

Вместе с участковыми инспекторами мы обходим конторы домоуправлений, дворы, лестницы, красные уголки. Мы беседуем с самыми разными людьми и, конечно же, по-разному. С одними можно говорить откровенно и прямо, с другими следует хитрить и самому не попасться на хитрость, третьего надо убедить, четвертого заставить. И всех их надо еще найти, а предвзвешенно что-то узнать о них самих. Словом, это трудная и изматывающая работа. К концу дня я физически ощущаю, как у меня гудят ноги. И голова тоже. А главное, никаких результатов

у нас нет. Ребята разъезжаются по домам, а я тащусь с докладом к Кузьмичу. Я ведь руководитель, черт бы меня подрал.

Сразу замечаю, что Кузьмич чем-то доволен. Вообще это не так-то просто заметить, но я, слава богу, его уже изучил. Меня, естественно, разбирает любопытство, однако вопросы такого рода задавать начальству не положено. Я докладываю, еле ворочая языком от усталости, и доклад мой довольно унылый, и ударения в нем главным образом падают на приставку «не»: «не удалось», «не обнаружили» и так далее. Кузьмич молча сосредоточенно слушает, крутя в руках очки.

Заходит Игорь и подсаживается к столу. Игорь тоже чем-то весьма доволен, это мне угадать уже совсем не трудно, хотя мой друг и старается казаться абсолютно невозмутимым. Это старание я и улавливаю. И я невольно заканчиваю свой безрадостный доклад в оптимистическом духе. Мы, мол, еще там поработаем, мы надежды не теряем и какой-то «улов» нас там скорее всего ждет.

Кузьмич усмехается.

– Видал? – обращается он к Игорю. – Отставать не хочет.

– Здоровый дух соревнования, – снисходительно соглашается Игорь.

– Ну, не будем его томить, – говорит Кузьмич.

И я узнаю интересную новость. К Игорю поступила новая серия ответов из разных городов. Среди них из Ленинграда и Харькова. В указанные промежутки времени там произошли точно такие же кражи в гостиницах, как в Москве. Две кражи в Ленинграде до восемнадцатого сентября и четыре в Харькове между двадцать первым сентября и десятым октября.

– Судя по графику, он сейчас в Ленинграде, – скупое усмехается Игорь.

– Ты погоди, – останавливает его Кузьмич. – Надо еще убедиться, что это он. Поезжай-ка в Ленинград. А Денисов пусть летит в Харьков. Изучите на месте дела, тогда поглядим. «График» его мне еще до конца не ясен. И тебе тоже.

Игорь хмурится, но вынужден согласиться.

Я, конечно, тоже согласен с Кузьмичом, но в глубине души все-таки убежден, что мы напали на след Мушанского. И я уверен, они оба тоже убеждены. Но это ничего не меняет. Все надо проверить и перепроверить. Это тоже закон нашей работы.

– И вы продолжайте в том же духе, – обращается ко мне Кузьмич. – Это важно в любом случае. Понял?

– Понял, Федор Кузьмич. Будем продолжать, – отвечаю я.

Но Кузьмич улавливает в моем тоне какие-то легкомысленные нотки, и это ему не нравится.

– Смотри, – предупреждает он, грозя мне очками.

Некоторое время мы еще обсуждаем что-то. Потом Кузьмич замечает, что я начинаю сонно хлопать глазами, и говорит:

– Ну, на сегодня все. Поехали. Я сейчас машину вызову, – он смотрит на часы и качает головой. – М-да...

Первым мы завозим домой, конечно, его.

Я приезжаю уже в двенадцатом часу. Отца нет, он на каком-то официальном банкете. Мама разогревает мне ужин. И при этом деловито безапелляционным тоном объявляет мне, словно я у нее на приеме в поликлинике:

– Если так будет продолжаться, ты на этой работе долго не протянешь. Не забывай, у тебя слабые легкие.

Это у меня-то слабые легкие! Мама живет воспоминаниями двадцатилетней давности.

– И подозрение на ревматизм тоже было, – угрожающе добавляет она.

Подозрение! Уж я-то знаю, чего оно иной раз стоит. Тем более если не подтверждается. В те далекие годы мама находила у меня все болезни на свете. Но спорить с ней на этот счет бесполезно, и я молча поглощаю ужин, уставившись в газету.

– А при таком питании гарантирована язва, – добавляет мама. – Бескультурье какое-то. И что это за сон с полным желудком?

Ну, тут уж она может не сомневаться. Я иду спать и беру с собой книгу. Но засыпаю на первой же странице. Чугунным сном, не успев погасить лампочку. Это делает уже мама.

Только на третий день работы «вокруг» Плющихи нам начинают попадаться всякие интересные личности. Кое-какие сведения мы сразу передаем в местное отделение милиции. Пусть займутся. Когда закидывается такая густая сеть, чего только в нее не попадает. Но вот нам самим этот улов по-прежнему ничего не дает.

И еще я не могу отделаться от мыслей по поводу странного маршрута Мушанского в тот вечер. Почему с Плющихи он поехал на Красносельскую? Не живет ли он там? При мысли, что придется прочесывать еще и этот район, меня бросает в дрожь. Адская это работа. Впрочем, нет. Он же «гастролер». Это почти доказано. Но только «почти». Кроме того, там тоже могут проживать его «связи». Нет, лучше пока об этом не думать. И заниматься Плющихой.

К концу дня мы нападаем еще на одну интересную личность.

Между прочим, я себя ловлю на том, что совершенно не думаю о загадочно исчезнувшем Николове. Это, скорее всего, какая-то защитная реакция, чтобы голова окончательно не пошла кругом. Ну, и еще привычка сосредоточиваться на одном, конкретном деле, которое тебе поручено. У нас это особенно важно, потому что мы все время получаем массу интереснейших сведений, не имеющих прямого отношения к делу, которым занимаемся. Как с этим Николовым. Все, что его касается, очень интересно. Но тут мне пока ничего не поручено.

Так вот насчет той личности. Это старый мужской портной по фамилии Худыш, Семен Парфентьевич. Он работает в ателье и пользуется огромной популярностью. Шьет он и дома, и дерет с клиентов немилосердно. Нелегально шьет, но, кроме того, кажется, еще и... перешивает. А это уже значительно интереснее.

Живет Семен Парфентьевич с женой в отдельной квартире. Внешность у него английского лорда, по меньшей мере. Длинное холеное розовое лицо с орлиным носом, седые бачки, надменно поджатые губы и взгляд невозмутимо-высокомерный. Одет всегда с иголки и вообще очень за собой следит. Он большой театрал. Жена, Элеонора Михайловна, лет на тридцать моложе его и нигде не работает. Учится в какой-то театральной студии. У нее новенький «Запорожец», и сама она очень эффектная дамочка, весьма, кстати, общительная.

Но все это было бы еще полбеды, если бы не круг их знакомых. Первичные данные о некоторых из них нас насторожили. И что самое интересное, среди них появляется человек, как будто похожий на Мушанского. Вообще-то говоря, среда эта для него весьма подходящая. То же несоответствие между формой и содержанием. Внешне все там выглядит вполне благопристойно, красиво, с эдакой тягой к искусству. А внутри все нечисто, все подозрительно.

Но для нас сейчас главное – это установить, появляется там Мушанский или нет. Приблизительные данные нас, как вы понимаете, не устраивают. Мы показываем его фотографию некоторым людям, одни вообще не узнают в нем того человека, другие не очень уверенно, но узнают. Словом, туман. Плохо еще, что мы не знаем, под какой фамилией сейчас живет Мушанский, как его сейчас зовут.

Интересно и то обстоятельство, что, видимо, никогда и никто из посторонних ночевать в квартире Худыша не остается. Хотя всякие компании часто засиживаются допоздна, и музыка там гремит вовсю.

Кроме того, наблюдение, проведенное за этой квартирой, уже в течение первых суток показало, что отнюдь не все посетители заходят туда спокойно, некоторые проделывают это весьма осторожно и даже с некоторой опаской. Причем, как правило, в таких случаях долго там

не задерживаются и всегда что-то приносят с собой или что-то выносят. Обычно у подъезда их ожидает такси. Словом, объект этот весьма подозрителен, но вот следует ли нам задерживаться на нем, неизвестно. Все зависит от того, бывает ли там Мушанский. А как это установить, мы пока решить не можем.

Мы сидим уже часа два в прокуренной комнате участкового инспектора. И вдруг Авдеенко изрекает:

– А ведь Элеонора Михайловна, что ни говорите, дамочка соблазнительная.

– Ну и что? – лукаво спрашивает Яша Фомин.

– Как «что»? – отвечает Авдеенко и мечтательно смотрит куда-то в пространство. – С ней, небось, каждому охота познакомиться.

– И тебе тоже?

– А что? – Авдеенко подмигивает. – Я не живой человек, по-твоему?

– Ты медведь, притом косолапый, – решительно возражает Фомин. – Герой не ее романа. Вот, к примеру, Виталий, это да.

И все смотрят на меня. Я невольно усмехаюсь.

– Но она, кажется, не дура, – говорю.

– И ты тоже не дурак, – возражает Авдеенко.

Он уже, видимо, примирился с тем, что на роль первого любовника не тянет, и норовит всучить ее мне. Впрочем, идея кажется плодотворной. И все мы это сразу смекаем.

Фомин смотрит на часы и объявляет:

– Без четверти три. А в четыре кончаются занятия в этой самой студии.

Авдеенко уже загорелся своей идеей.

– Надо попробовать, – решительно объявляет он. – Как, Виталий, а?

И снова все смотрят на меня. В принципе тут возражать не приходится, конечно. Элеонора Михайловна, пожалуй, единственное звено, за которое мы сейчас можем потянуть. Хорошо бы все-таки посоветоваться с Кузьмичом. Правда, времени у меня в обрез. Да и по каждому поводу бегать к Кузьмичу тоже не годится. Но я вспоминаю свой первый визит к Варваре. Нет уж, одного урока мне вполне достаточно. Быстро произвожу в уме несложный подсчет. Через пятнадцать минут я у Кузьмича, полчаса на доклад и всякие уточнения, еще двадцать минут на дорогу до студии, и у меня еще остается в запасе минут десять. Подходит.

– Решено, – говорю. – Только получу благословение начальства. Один раз я уже обжегся на своей инициативе.

И хватаюсь за телефон. Авдеенко иронически пожимает плечами.

...Через час я уже прогуливаюсь возле дома, где расположена студия. Невдалеке стоит знакомый «Запорожец».

К счастью, не идет дождь. В промывы туч даже изредка проглядывает солнце. Улица шумная, суетная. Тут много разных магазинов, кафе, напротив новый кинотеатр, рядом большая парикмахерская, дальше ателье.

Я жду. Конкретного плана у меня нет, хотя идей предостаточно. Но главное в таких случаях – это вдохновение. На него я и рассчитываю. Прохожих становится все больше. Скоро конец рабочего дня. Прогуливаясь, я стараюсь не упустить из виду нужный мне подъезд. Интересно, почему она поставила свой «Запорожец» не возле него, а в стороне? Всегда она так ставит? Во всяком случае, сейчас мне это на руку. Мне не надо топтаться около самого подъезда.

Но вот оттуда начинают выходить люди. Занятия, видимо, кончились. Вскоре я замечаю Элеонору Михайловну. Она в легком фиолетовом пальтишке необычайно изящного покроя, пышную прическу прикрывает цветная яркая косынка, в руках большая красивая кожаная сумка.

Элеонора Михайловна, к сожалению, не одна. С ней еще какая-то сильно размалеванная девица и двое молодых людей артистического вида, и притом весьма бойких. Это усложняет

мою задачу. Вся компания направляется к «Запорожцу». Сейчас они уедут, и на этом все кончится. Хорошенькое дело, нечего сказать. Я решительно подхожу.

– Простите, пожалуйста, – говорю, – Элеонора Михайловна, можно вас на два слова? Семен Парфентьевич просил вас кое-что передать.

Она удивленно смотрит на меня, но взгляд ее тут же почему-то смягчается.

– Ну что ж, – коротко улыбается она и поворачивается к своим спутникам. Я на одну минуту вас оставлю.

Молодые люди бросают на меня не очень приветливые взгляды, но возражать не осмеливаются. Девушка же смотрит с нескрываемым любопытством. Мы отходим в сторону.

Итак, некоторое время выиграно, и созданы условия для дальнейших действий. Но все пока чрезвычайно зыбко, и нельзя сбиваться с темпа.

– Элеонора Михайловна, – говорю я проникновенно и с вполне искренней озабоченностью, – проститесь с вашими друзьями. Нам надо поговорить. Открылось одно очень серьезное обстоятельство. Даже, если хотите, таинственное.

Я смотрю на нее с восхищением и чуть-чуть с состраданием. Первое ей очевидно нравится, а второе так же очевидно интригует и немножко беспокоит. У меня расчет на то, что она все время соприкасается со всякими секретными делами супруга, со всякими комбинациями, махинациями и прочими действиями такого рода. Все это ей уже привычно и, конечно, привлекательно. Ну, и чисто женское любопытство тоже не последнее дело.

– А вы сами кто такой? – спрашивает она.

В тоне ее больше интереса, чем подозрения или опаски.

И я, придерживаясь уже взятой линии в разговоре с ней, отвечаю загадочно и с чувством:

– Я вам все расскажу. И даже... кое в чем признаюсь. Только не здесь.

– А где же? – она лукаво улыбается.

– Где? Да где угодно. Хотя бы... зайдём вон в то кафе. Лишь бы можно было спокойно поговорить. Я давно...

Тут я смущенно умолкаю.

– Вас действительно прислал Семен Парфентьевич? – спрашивает она, как видно, только для очистки совести.

– Да... отчасти...

– Ой, вы что-то хитрите, – она грозит мне пальчиком.

– И, кажется, не очень удачно?

– Посмотрим.

Она решается. Ей, видимо, очень хочется знать, чем кончится эта встреча с таким напористым парнем как я.

Мы возвращаемся к ее спутникам, и Элеонора Михайловна говорит:

– Оказывается, мне надо ехать. Лялочка, салютик! – и обращается к одному из молодых людей. – Вы меня простите, Владик. До следующего раза. Ладно?

Явно раздосадованный Владик вынужден подчиниться. Они прощаются.

– Куда же мы пойдем? – спрашивает Элеонора Михайловна. – Предупреждаю, у меня мало времени.

Предупреждение это чисто формальное и ровно ничего не означает.

– Да вот хотя бы, – я указываю на противоположную сторону улицы, где в первом этаже нового дома разместилось небольшое кафе.

Через несколько минут мы уже сидим за столиком. Перед нами дымятся чашечки с кофе, стоят узенькие рюмочки с коньяком и вазочка с двумя пирожными. Это я шикаую.

Мы уже познакомились, и Элеонора Михайловна просит называть ее Элла. Я не возражаю, тем более, что сам представился только по имени.

– Ну, говорите, Виталий, – требовательно произносит Элеонора Михайловна, – какое еще обстоятельство открылось?

– Дело в том, – начинаю я, – что один ваш знакомый... Я не могу назвать вам его имя...

– Почему? – удивляется она.

– Как вам сказать... Во-первых, я обещал. Во вторых, это имя... Но вы его прекрасно знаете, так что...

– Ну, Виталик, – она обиженно надувает свои пухлые губки. – Как вам не стыдно? Назовите, я прошу.

Именно такой поворот в разговоре мне и нужен.

– Не могу, Эллочка. Не могу, – виновато говорю я. – Вот разве... показать вам его...

– То есть как это – показать? – снова удивляется Элеонора Михайловна.

– А так, – я загадочно подмигиваю. – Назвать вам его я не могу. Но мне никто не запрещает показать вам его фотографию. Правда ведь?

Она так звонко смеется, что с соседних столиков на нас начинают поглядывать.

– Нет, вы положительно хитрец, Виталик.

Я скромно улыбаюсь.

– Ну, давайте уж фотографию, – говорит Элеонора Михайловна, успокоившись.

При этом что-то меняется в ее взгляде, он становится цепким и даже каким-то колючим. Это мне не очень нравится. С некоторым беспокойством я достаю фотографию, не сразу, конечно, а после всяких поисков по карманам. Элеонора Михайловна быстрым движением выхватывает ее у меня из рук, секунду внимательно рассматривает, потом поднимает на меня строгий взгляд и подозрительно спрашивает:

– Откуда она у вас?

Я улыбаюсь самым безмятежным образом.

– Посмотрите на обороте, – говорю.

Она переворачивает фотографию и видит там размашистую надпись: «Помни меня, как я тебя, куда бы ни забросила коварная судьба». Далее следует подпись и дата.

Полчаса я провел у Кузьмича. Но и десяти минут хватило, чтобы по его указанию наш Юрий Анатольевич изобразил эту надпись «рукой» Мушанского.

Элеонора Михайловна вздыхает:

– Боже, как это на него похоже... – И вдруг хмурится. – Но... это не его подпись?..

– Вы посмотрите на дату, – советую я.

– При чем здесь дата?

– А при том, – многозначительно говорю я. – Неужели не догадываетесь?

Она секунду смотрит на меня непонимающими глазами, чуть-чуть даже приоткрыв хорошенький ротик. Потом сердито передергивает плечами.

– Понятия не имею.

Я наклоняюсь к ней и тихо говорю:

– В то время у него была другая фамилия. Вернее, сейчас у него другая фамилия. Вот видите, я все-таки проговорился.

Небольшая логическая перестановка проходит незамеченной. Элеоноре Михайловне сейчас не до логики, она явно озадачена неожиданным открытием. Я жду, когда она мне назовет новую фамилию Мушанского. Но самое главное уже позади, уже совершилось: она узнала его! Вот, наконец, компенсация за три дня адской работы «вокруг» Плющихи.

– Разве... – неуверенно произносит Элеонора Михайловна. – Разве Кротков – это не настоящая его фамилия?

– Сейчас настоящая, – с ударением говорю я и озабоченно спрашиваю. – Когда он был последний раз у вас?

– Кто? Жора?

Так к тому же он еще и Жора. Отлично.

– Да, он.

– Сейчас вспомню... – Она задумывается. – Ах, да! Противный такой. Представляете? Обещал мне устроить чудные кораллы. А вместо этого принес ключ, громадный идиотский ключ. Правда, заграничный. Но все равно!

Перед глазами у меня возникает седая женщина в номере гостиницы, и я будто снова слышу ее рыдания.

– Остальное меня не касается, – объявляет Элеонора Михайловна. – А впрочем... – Она вдруг настороженно смотрит на меня. – Вы что, хотите, чтобы он вам носил, да? Не выйдет!

Мне противно разговаривать с ней. Но я заставляю себя улыбнуться.

– Что вы! Ни в коем случае.

Теперь надо как-то так повернуть разговор, чтобы она скрыла нашу встречу от мужа. Соответствующий опыт у нее имеется, я уверен.

– Эллочка, – говорю я как можно прочувствованней. – Я же еще не сказал вам самого главного.

– Что именно?

Она уже успокоилась и сейчас с прежним лукавством смотрит на меня. Она прекрасно уловила мой тон.

– Помните, я упомянул про новые обстоятельства?

– Конечно, помню.

– Так вот. Я вас наконец нашел. Это просто чудо.

– И долго вы меня искали?

Она чувствует себя уже в родной стихии. И совсем не прочь со мной пококетничать. Таинственный молодой незнакомец, к тому же недурен собой и, видимо, давно в нее влюблен. Это должно разжечь ее любопытство.

– Главное, сколько мне это стоило труда, если бы вы знали, – отвечаю я вполне искренне. – Я ужасно рад нашей встрече. А вы?

Это, конечно, глупый и бестактный вопрос. Но, во-первых, что взять с влюбленного, каким я ей, конечно, кажусь. Во-вторых, ее скорее удивит отсутствием этих двух качеств.

– А я пока не знаю, – кокетливо отвечает Элеонора Михайловна и грозит мне пальчиком. – Виталик, вы слишком торопитесь.

– Мы должны еще встретиться.

– Если вы очень захотите.

– Завтра! – выпаливаю я нетерпеливо.

– Ах, какой вы, – она томно вздыхает. – Завтра я не могу.

Дальше разговор продолжается в том же духе.

Она все-таки глупа, хоть и хитра, и готова на любое приключение, муженек ей нисколько тут не помеха. Поэтому я слежу за тем, чтобы наши отношения остались интригующе неясными.

– Откуда вы знаете Семена Парфентьевича? – спрашивает она немного погодя.

– Только по рассказу Жоры, – отвечаю я. – Но и он не должен знать о нашей встрече. Никто не должен, Эллочка. Хорошо?

– Боже, какая таинственность.

– Пока что-то знаем только мы, это наш козырь, – многозначительно говорю я. – Как только это узнают другие, козырь сразу переходит к ним. Зачем играть в поддавки?

– Это очень умно, Виталик, – соглашается Элеонора Михайловна. – И я в поддавки не играю. Ни с кем, – она хитро улыбается.

Потом объявляет, что ей пора домой.

Мы чокаемся рюмочками с коньяком, как бы скрепляя наш уговор, но выпить я ей не даю.

– Эллочка, я совсем забыл, что вы за рулем. Не надо лишних неприятностей.

Ей нравится такая забота, и вообще ей все, видимо, нравится в этом новом знакомстве. Что ж, не каждое приключение должно кончаться благополучно, уважаемая Элеонора Михайловна.

Между прочим, я с улыбкой спрашиваю ее:

– Что вы сделали с тем ключом, Эллочка?

– А! Повесила на стенку в столовой. Это не ключ от моего сердца, не надейтесь.

– Это совсем другой ключ, – соглашаюсь я. – Он скорее подойдет для Семена Парфентьевича.

И мы оба смеемся. Она, конечно, не понимает моего намека. А между тем это так здорово, что ключ висит в квартире Худыша. Вероятно, другие краденые вещи у него не задерживаются. Преподнося ключ, Мушанский, естественно, не указал источник его приобретения. Это ведь был не предмет сделки двух жуликов, это как-никак подарок даме. Какой просчет! Да, жулику опасно проявлять эдакую широту, ему все опасно, что делают честные люди.

Я провожаю Элеонору Михайловну до машины. Она многообещающе жмет мне руку, и прощальный взгляд ее должен обречь меня на самые безумные мечты. Положительно она решила вскружить мне голову. Теперь я окончательно спокоен, никто не узнает о нашей встрече. Такого рода секреты она хранить умеет отлично.

Итак, первое звено в загадочном маршруте Мушанского установлено. Все-таки версия «Плющиха» себя оправдала, и ее можно считать отработанной.

Уже седьмой час. Снова сыплет дождь, холодный, нудный. Прохожих на улице становится заметно меньше. До чего же мерзкая погода! Я возвращаюсь на Плющиху, рассказываю ребятам о результатах встречи, выслушиваю немалую порцию шуточных намеков в свой адрес на тему о превратностях любви и случайных знакомствах и отпускаю всех по домам. Авдеенко страшно горд своей идеей.

В последний момент вдруг звонит Кузьмич.

– Приезжай немедленно, – коротко приказывает он.

Тон при этом весьма подозрительный. Неужели что-то случилось? Я с беспокойством начинаю припоминать все свои возможные ошибки и оплошности. Ничего вспомнить, однако, не удастся. И я лишь втайне надеюсь, что наши успехи авось компенсируют какие-то неведомые мне пока неприятности.

Ребята поглядывают на меня сочувственно. Мне не удастся скрыть от них свое беспокойство. Ну и денек выдался.

Я торопливо прощаюсь и бегу к остановке троллейбуса. Дождь усиливается. Ноги у меня давно промокли. Зябко и холодно.

Представление о нашей работе у большинства людей складывается из прочитанных книг. И это, я вам скажу, довольно одностороннее представление. Там все выглядит ужасно интересно, даже захватывающе. События неизбежно сбиты в напряженный сюжет, и куда-то уходит вся будничная сторона нашей работы, ее как будто даже не существует. Я понимаю, о ней действительно скучно писать и скучно читать. В лучшем случае автор скажет: «Так шли дни» или: «Прошло пять дней напряженного поиска», потом бегло обрисует эти дни и с облегчением переходит к тому, что же в результате было найдено. А ведь нам эти пять дней надо прожить, от начала и до конца, все часы и минуты, вот в чем штука. И это я еще говорю о добросовестных книгах, а в других авторы такие героические приключения наворачивают, что диву просто даешься и не знаешь, из какого пальца они все это высосали. И о том, что я промочил ноги и начинаю довольно противно кашлять, они, конечно, не напишут.

Троллейбус наконец дотащился до нашей остановки. Я уже под проливным дождем шлепаю по лужам через улицу и, кивнув дежурному, поднимаюсь на второй этаж. В кабинете Кузьмича я застаю Игоря, только что приехавшего из Ленинграда, и двух ребят из его группы.

Страшно накурено. Видно, они давно сидят. Меня почему-то мутит от табачного дыма. И здорово болит голова. Неужели я свалюсь? Только этого мне еще не хватает.

Кузьмич вертит в руках очки и затылок не потирает. Уже хорошо. Я снимаю мокрый плащ и усаживаюсь на свободный стул возле Игоря.

– Докладывай, – приказывает Кузьмич.

Откашлявшись, я докладываю. Кузьмич, видимо, доволен. И все-таки что-то было в его тоне, что меня насторожило. Значит, это касается не нас и не нашей версии. Может быть, что-то новое возникло у Игоря?

Когда я кончаю, Кузьмич поворачивается к нему.

– Видал? – спрашивает он. – Неплохо, а?

– Неплохо, – спокойно соглашается Игорь.

– Ну, давайте теперь думать вместе, – говорит Кузьмич.

Оказывается, у Игоря тоже неплохие результаты, совсем не плохие. По обоим ленинградским эпизодам, а также по трем харьковским проходят приметы Мушанского. Игорь зачитал нам соответствующие места из привезенных протоколов допроса свидетелей. Да, все они видели Мушанского, тут спутать невозможно.

Итак, мы имеем дело с «гастролером». И ловить его можно, только когда он появляется в Москве. Ну, а о своем прибытии он достаточно громко нам сообщает.

– По этой версии у нас есть предложение, – говорит Игорь.

– Давай, давай, – одобряет Кузьмич. – Тут есть над чем подумать, милые мои.

И мы составляем хитроумнейший план. У меня даже сама собой проходит голова. Меня захватили новые идеи и точный психологический расчет.

Да, мы составляем просто удивительный план. Я не знаю, кем надо быть, чтобы теперь уйти от нас.

Глава 4

Волк, кажется зафлажкован

Если вы поглядите на Кузьмича со стороны, скажем, в метро или в столовой, где мы обедаем, – обычный немолодой мужчина, высокий, чуть сутулый, в мешковатом старомодном костюме, ежик сидящих волос, простое, ничем не запоминающееся лицо. Вот только взгляд... Но его можно и не заметить. Взгляд у Кузьмича внимательный, вдумчивый какой-то. Когда он на тебя смотрит, возникает ощущение полного доверия к этому человеку, кажется, все ему можно в случае чего рассказать, все он поймет, как надо. Это, конечно, избитые слова, но в данном случае точнее не скажешь. Вот такой взгляд. Но, повторяю, его можно и не заметить. И тогда впечатление от Кузьмича остается самое что ни на есть заурядное, просто никакого впечатления, я бы так сказал.

Но если вам придется с ним поработать, как мне, например, вот тогда вы поймете, что за человек перед вами. Совсем другой человек, чем вы себе представляли. Мне иногда даже хочется записать ход его рассуждений. Вот как сейчас, например, когда мы обсуждаем дело Мушанского.

Причем Кузьмич всегда начинает с вопросов, с загадок, так сказать, всегда вначале старается разбудить фантазию у других, заставить думать, искать, предлагать что-то. И он так при этом заинтересованно слушает, что мы неизменно втягиваемся в спор, совершенно невольно как-то. А уж потом Кузьмич начинает рассуждать сам, думать вслух. И тогда он раскрывается до конца, и тогда я начинаю им восхищаться и забываю про его старомодный костюм и про все остальное, над чем мы с Игорем иной раз между собой подтруниваем, и чувствую себя рядом с ним мальчишкой, честное слово.

Сейчас Кузьмич только начинает разговор, глуховато, неторопливо, даже как-то задумчиво:

– Итак, милые мои, у нас уже целых три места, где можно ждать появления этого артиста, когда он приедет в Москву. Целых три места. Согласны?

– Два, Федор Кузьмич, – не удержавшись, поправляю я.

– Ну, давай. Какие, по-твоему, два?

– Первое у Вари.

– Так. У Вари, значит. Что ж, возможно. Как полагаешь?

Он смотрит на Игоря. Тот кивает.

– Возможно.

– Здесь дело не только в деньгах, – снова вмешиваюсь я. – И не только в том, чтобы сделать ее сообщницей, сбытчицей краденого. Она еще красивая, просто очень красивая. И он наверняка ею увлекся.

Игорь скептически усмехается.

– Не встречал он красивых, этот артист...

– Ты бы на нее посмотрел, – запальчиво возражаю я.

И тут уже начинают улыбаться все. Даже Кузьмич.

– Ладно, – говорит он. – Поверим тебе. Значит, Варя – первое место, где можно его ждать.

– Лосев в этом толк знает, – вставляет Игорь.

– Ладно, говорю, – с нажимом повторяет Кузьмич и обращается ко мне. – Давай второе место.

– Второе – это Худыш, – говорю я не без гордости.

Ведь оба места – наше открытие. И я действительно горжусь, хотя изо всех сил стараюсь этого не показывать.

– Так, – спокойно соглашается Кузьмич. – Значит, Худыш. Согласен.

– Это будет надежнее, – замечает один из оперативников Игоря. – Худыш ему нужен для дела.

– Вернее, после дела, – поправляет другой оперативник. – Сначала кража, потом Худыш. Он сбытчик.

– Не обязательно, – вступает в спор Игорь. – У них всякие дела. И всякие расчеты.

– И еще общество, – добавляю я. – Мушанский любит общество. Именно такое, кстати. Чтобы блистать. Поэтому он может появиться там в любое время.

– Он прежде всего деловой человек, – не сдается оперативник. – И хитер. Ради общества он рисковать не будет. Знает ведь, что его ищут.

– Вот это верно, – вдруг говорит Кузьмич. – Это он знает. Запомните, милые мои, – и обращается ко мне. – С этой самой... Как ее?..

– Элеонорой Михайловной? – помогаю я.

– Да. С ней надо еще встретиться. Ты не условился?

– Появлюсь, – загадочно обещаю я.

Кузьмич усмехается. Он догадывается, какой стиль установился у меня с нею.

– Везет этому Лосеву, – качает головой Игорь и подмигивает.

– Трудись, – назидательно говорю я. – Авось тоже повезет.

– Значит, так, – подводит итог Кузьмич. – Квартира этого портного – тоже место, где может появиться Мушанский. Согласны?

Все, конечно, соглашаются.

– И наблюдать за этим местом надо неотрывно, – продолжает Кузьмич. – А не ждать новой кражи. Он там может появиться в любой момент, как приедет.

С этим тоже сейчас никто не спорит.

Кузьмич поглядывает в мою сторону.

– Итак, это второе место. Но есть еще и третье. Его только надо найти.

Теперь он почему-то смотрит на Игоря. И мы все, насторожившись, тоже невольно смотрим на него. Игорь недоуменно пожимает плечами. Потом хмурится. Ему, конечно, неприятно. Он, как и мы, не понимает, что имеет в виду Кузьмич, и почему он смотрит именно на него.

– Давайте думать, – предлагает Кузьмич и, отложив очки, неторопливо закуривает. – И рассуждать.

– Значит, установлено, что этот самый Мушанский – «гастролер», – говорит Кузьмич. – И появляется он в Москве только на три-четыре дня. Спрашивается: где этого гуся можно задержать скорее всего? Конечно, там, где он остановился, где он ночует. Так ведь? Вот и давайте-ка над этим подумаем. В гостинице он не остановится, это ясно. Он туда только на кражу пойдет. Где же еще?

– У знакомых, – не очень уверенно предполагаю я.

– К каким это знакомым можно с краденым прийти? – Кузьмич прищуривается.

– Мало ли к каким...

– Я думаю, – вступает в разговор Игорь, – у него в Москве главным образом деловые знакомства. Вроде Худыша. Там он не остановится.

– А может, женщина? – предполагает один из оперативников.

– Тут надо учесть вот что, – Кузьмич качает головой. – Он же знает, что в Москве его ищут. И в Москве ему появляться опасно. Он только для краж сюда приезжает. Остановиться в какой-нибудь квартире означает неминуемо привлечь к себе чье-то внимание.

– Есть такие квартиры, – замечаю я, – в которых...

Все прекрасно понимают, что я имею в виду. И Игорь решительно возражает:

– Нет. Там он не остановится... Другого полета птица. Вряд ли наутро он выползет оттуда такой чистенький и свеженький, каким он потом появляется в гостинице.

– Так, так, – кивает Кузьмич. – А три или четыре ночи он все-таки где-то проводит в Москве. Причем, – он поднимает палец, – именно в культурном месте. Они правы, – и он указывает на Игоря и оперативника.

– Все-таки, я думаю, у женщины, – упрямо повторяет первый из оперативников. – Артист. Умеет заливать. Умеет ухаживать. Не всякая устоит. И повод для ночевки вполне безопасный, – он улыбается.

Но я с этим не соглашаюсь, и, по-моему, другие тоже. Кузьмич прав. Мушанский знает, что его всюду ищут, четыре дня подряд ночевать на частной квартире он не будет.

– Красносельская, – напоминаю я. – Почему он вышел из такси именно там? В одиннадцать часов вечера. Он ведь куда-то ночевать отправился, не иначе.

– Правильно, – поддерживает меня Кузьмич. – Вот тут уже становится теплее. Как в той детской игре.

– М-да, – задумчиво соглашается Игорь. – Что же там имеется, в районе Красносельской?..

Мы начинаем вспоминать.

– Жилой массив, – говорит наконец один из оперативников. – Больше ничего. Если не считать магазинов, кино, учреждений, мастерских и так далее.

– И рядом вокзалы, – добавляет Игорь.

– Он мимо них проехал на такси, – возражает кто-то.

Игорь качает головой.

– Это как раз не имеет значения.

– Из Москвы он в ту ночь уехать тоже не мог, – вмешиваюсь я. – Он еще два дня совершал кражи здесь. И ночевать на вокзале он, конечно, тоже не собирался. Не для него это.

– Стоп, – неожиданно произносит Кузьмич. – Где можно ночевать на вокзале?

– В зале ожидания, – говорю я. – На скамьях. Только там не выспишься. И костюм помнешь. Четыре ночи подряд – исключено.

– А еще где? – настаивает Кузьмич.

В тоне его уже нет задумчивости, в нем какое-то напряженное ожидание, словно Кузьмич в чем-то важном экзаменует нас, словно сам он уже о чем-то догадывается.

– Где еще? – переспрашивает Игорь и, усмехнувшись, начинает перечислять. – В комнате матери и ребенка, в медпункте, в комнате милиции, наконец...

Тут уже смеемся мы все. А я даже закашливаюсь.

– А еще? – продолжает допытываться Кузьмич.

– В комнате для транзитных пассажиров, – отдышавшись, вдруг выпаливаю я.

Кузьмич многозначительно поднимает палец.

– О! – произносит он. – Это уже кое-что. Ну, а кого же туда пускают, интересно?

Этого никто из нас точно не знает, и Кузьмич берется за телефон. Он звонит в комнату милиции первого попавшегося вокзала, правила везде одинаковы, и наводит справку.

Выясняет он следующее. Чтобы остановиться в комнате для транзитных пассажиров, надо предъявить паспорт и билет, который бы свидетельствовал, что пассажир едет через Москву и должен здесь произвести пересадку. Билет этот регистрируется дежурной. Проживать в комнате для транзитных пассажиров можно в течение трех суток.

– Вот и все, – заключает Кузьмич. – Очень даже просто и удобно. К тому же вполне культурно. – И, усмехнувшись, добавляет. – А если еще коробочка конфет или что-нибудь в этом роде, то и четвертые сутки прихватить можно.

– И паспорт не обязательно будет предъявлять, – добавляю я.

– Пустяки, – возражает Игорь. – У него и краденый паспорт может быть припасен. Главное – билет.

Словом, возникает интересная версия. Мы ей даем оперативный шифр «вокзал».

Все оживляются. И тут наш Кузьмич начинает рассуждать, как бы думать вслух, и мы умолкаем.

Кузьмич не поучает, не разъясняет, не цитирует авторитеты, он не пытается проникнуть в природу явлений и вскрыть их корни. И уж конечно, он не обобщает и не выводит никаких законов. Просто он размышляет над конкретной задачей, очень непростой задачей, которая нас больше всего заботит.

– Тут надо кое-что учесть, милые мои, – говорит Кузьмич и указывает на сидящего рядом со мной оперативника. – Вот ты сказал: «Он знает, что его ищут». Это многое определяет в его поведении, артиста нашего. Это значит, что нервы у него натянуты до предела, и покоя у него нет ни днем, ни ночью. Он ведь каждую минуту отовсюду ждет опасности, ждет нападения. И в каждом человеке, с которым сталкивается, подозревает прежде всего врага. Вот такая у него сейчас жизнь. Такое состояние. Как у затравленного волка. И в этом состоянии даже самый опытный преступник допускает ошибки, просчеты. Обязательно допускает. Незаметно для себя. И нам надо их учесть. А сначала надо найти. Это первое. И еще одно нельзя упустить. Я уже об этом говорил. Он звереть начинает. Он уже пошел на убийство. Это сдают нервы. Раньше, небось, если бы зашла горничная, он нашелся бы и такое ей загнул, что она бы и в другой номер ему сама дверь открыла. А вот сейчас нервы сдали, он ничего придумать не смог и пошел на убийство. И тут, знаете, как с хищником. Почуял кровь! Перешагнул внутри себя через что-то. Опасное дело. Теперь он, чего доброго, и заранее может убийство запланировать. Теперь можно от него этого ждать. Вот, милые мои, кого мы перед собой имеем.

Кузьмич оглядывает нас, вздыхает и закуривает новую сигарету. Потом продолжает:

– Так вот насчет его ошибок. Возьмем пока версию «вокзал». Значит, появляется он в Москве. В третий раз, обратите внимание. И к вечеру отправляется на ночевку. Куда? На какой вокзал? Учтите его состояние, его нервы, его страхи и всякие опасения. И я вам точно говорю:

где бы, в каком бы районе он к вечеру ни оказался, ночевать он потянется на тот самый вокзал, где ночевал в свой первый и во второй приезд. Почему? Да потому, что там все для него прошло благополучно. Там он уже все знает: планировку здания, расположение милицейских постов, саму эту комнату для транзитных пассажиров, дежурную там, знает все лестницы, все входы и выходы. А любой другой вокзал для него неизвестность. И это в его состоянии всегда означает опасность, которой надо избежать. Ведь неизвестно, в какую обстановку он там попадет, с каким персоналом там столкнется. Вдруг кто-то узнает его там, вдруг задержат. Ведь ищут его всюду, он же знает, это у него гвоздем в голове сидит. И чувство самосохранения погонит его на тот самый, уже знакомый ему вокзал, который именно поэтому кажется безопаснее других. Вот такая штука. И там дежурная в третий раз запишет в тетраточку его фамилию и его билет. В третий раз, учтите. Хотя на какую фамилию будет у него паспорт, мы не знаем...

Тут я снова, не сдержавшись, начинаю кашлять. Кузьмич, покосившись на меня, выжидает, пока я успокоюсь. И еще с тревогой поглядывает на меня Игорь. Чего это он, в самом деле, кашля не слышал, что ли? Умирать я не собираюсь, и болеть тоже.

Когда приступ кашля наконец проходит, Кузьмич продолжает все так же неторопливо:

– Теперь насчет билета. Мушанский ведь действительно в Москве проездом. И у него должен быть билет Харьков – Ленинград или наоборот. Зачем ему брать билет до Москвы, а здесь снова покупать? Вот этот билет он и может предъявить дежурной. Может, но, скорее всего, не предъявит. Он побоится обнаружить подлинный свой маршрут. Побоится. Он сейчас всего боится. Мало ли что? Но предъявить какой-то билет ему все-таки надо. Что тут делать? Единственный выход – это где-то по пути купить другой билет, допустим Орел – Бологое, и его предъявить в Москве. А потом, когда поедет из Ленинграда, купить уже билет Бологое – Орел. Вот и все. И тут есть один интересный, по-моему, момент. Снова учтем его нервы и его опасения. Если уж он решится выскочить в Орле за билетом, а потом в Бологом, то в следующий раз он выскочит снова там. Только там. Он уже будет считать эти вокзалы для себя безопасными. Ведь в первый раз все там сошло благополучно. А в других городах неизвестно, как все сойдет. Про нервы его не забудьте, и про мысль, что ищут его всюду. Она ему спать не дает. Страшная это жизнь, я вам скажу.

Кузьмич снова вздыхает и на секунду задумывается. Мы тоже молчим. Я борюсь с подступающим кашлем.

– Так вот, – заключает Кузьмич. – Теперь понимаете, что нам надо искать по этой версии? – и сам же отвечает. – Повторность билетов на одном и том же вокзале. И в определенные, нам уже известные дни. Вот что. И еще. Этот артист может появиться, в любой момент. У него график свой. И к этому надо быть готовым.

Он умолкает и смотрит на часы. Половина одиннадцатого. Я просто не заметил, как пролетело время.

– Все, – объявляет Кузьмич. – Здорово засиделись, однако.

Мы встаем, с шумом отодвигая стулья.

– Лосев, – сурово обращается ко мне Кузьмич, – завтра на работу не являйся. Дома побудь. Пусть там Елена Георгиевна меры примет. Мне больные сотрудники не нужны. Тут и здоровые еле справляются.

– Что вы, Федор Кузьмич, – пытаюсь протестовать я. – Чего мне дома делать? Я совершенно...

– Ладно, ладно. Сказал – значит, все.

– А вдруг завтра...

– Ничего. Как-нибудь и без тебя справимся.

– Федор Кузьмич, да я за одну ночь поправлюсь. Вот увидите.

– И видеть не желаю.

Он совершенно непреклонен. А я при мысли, что именно завтра этот артист может появиться в Москве, и операция пройдет без меня, готов выть от злости. Столько сил вложить в это дело и в самый важный момент выйти из игры!

Но чувства мои, конечно, сложнее и глубже, чем эти доводы, которые я сам себе сейчас сгоряча привожу. Особенность нашей работы заключается еще и в том, что она не просто увлекательна. Увлекательных занятий много. Но распутывание преступления, особенно сложного и опасного, включает в себя столько чувств и переживаний, как никакая другая работа. Тут я убежден. Вас ведет вперед не только, даже не столько сама тайна преступления, но возмущенное чувство справедливости. Кара должна настигнуть преступника непременно, во что бы то ни стало, справедливая и суровая кара закона. Нельзя прощать такое. Эта, казалось бы, прописная истина становится вашей верой, вашим убеждением, вашим прямым и святым долгом, вашей совестью. И хотя я понимаю, что и без меня все свершится как надо, я не могу оставаться в стороне, это выше моих сил, слишком много горьких впечатлений связано у меня с этим делом, слишком много переживаний.

И тогда я прибегаю к последнему средству.

– Федор Кузьмич, – говорю, – вы сами предупредили, что сейчас Мушанский особенно опасен. Ведь так?

– Ну, предупредил. И что?

– Так вот. Я должен немедленно повидать Варю. Завтра же. Ее надо подготовить. Он же ей должен позвонить. Или еще хуже. Он может неожиданно к ней явиться. Что тогда?

– М-да... – Кузьмич задумывается.

– Разрешите мне...

– Не разрешаю, – резко говорит Кузьмич. – К ней поедет... Ну вот хотя бы Откаленко.

– Но ведь...

К нашему разговору уже давно прислушиваются Игорь и оба его оперативника.

Игорь усмехается и поучительно говорит:

– Ревность – плохое чувство, Лосев. До добра не доводит. Кстати, проверю твой вкус.

И впервые, кажется, я не нахожу достойного ответа.

Кузьмич прихватывает меня с собой в машину. Всю дорогу я угрюмо молчу. Дома мама сует мне градусник. Ничего особенного, тридцать семь и шесть. Тоже мне температура! Тем не менее, я раньше обычного укладываюсь спать, предварительно проглотив под маминым наблюдением лошадиную дозу всяких снадобий. А вдобавок, уже тайком от нее и с благословения отца, который при этом опасливо поглядывает на дверь, полстакана коньяка. На него у меня главные надежды, между прочим.

Утром я просыпаюсь с абсолютно свежей головой и холодным как лед лбом. Градусник показывает температуру даже ниже нормальной. Папа тихо посмеивается и, когда мы остаемся одни, заговорщически понизив голос, произносит:

– Кажется, мы с тобой вчера переборщили. Ты не находишь?

В половине десятого я хватаюсь за телефон и бодро докладываю:

– Федор Кузьмич, я здоров. Разрешите явиться. Абсолютно здоров, честное слово. Можете спросить у моих.

Несколько мгновений Кузьмич подозрительно молчит и... разрешает.

В этот день, однако, ничего не происходит. Мы работаем в районе Красносельской. Метод уже вам известен, как и вся муторность и сложность этого дела: процедить, словно через сито, десятки домов, тысячи квартир и их жильцов. Никому такой работы не пожелаю. Я уверен, что если описать каждый наш шаг, каждую встречу и всех людей, с которыми мы беседуем и о которых собираем сведения, то читать это будет невозможно, умрешь с тоски. А каково же нам?

И конечно, ничего интересного за весь этот день не попадает. Нас не покидает ощущение, что мы работаем впустую. С другой стороны, мы уже имеем целых три точки, где Мушанский непременно появится, как только приедет в Москву. Мало нам их, что ли? Волк, можно сказать, зафлажкован уже, остается только ждать. Казалось бы, зачем нам эта новая изнурительная работа? И все-таки мы ее делаем, причем с максимальной добросовестностью. Ибо каждую, даже самую слабую версию надо отработать, чтобы затем со спокойной совестью отбросить. Таков еще один закон нашей работы. Никакой романтики он ей, как вы понимаете, не прибавляет. Даже наоборот. Но это непреложный закон.

А вечером мне предстоит новый визит к Варваре.

Ее надо предупредить, надо научить, как действовать, если позвонит Мушанский или неожиданно заявится к ней домой. Как действовать, чтобы не вызвать у него подозрений и вовремя дать знать нам. Вот только сумеет ли она перехитрить его? Ведь если он вдруг почувствует опасность, он может решиться на все, на любую крайность. Мы уже это знаем. Тут риск немалый. Вправе ли я вообще идти на него?

Это сложный вопрос, и он довольно часто встает перед нами. Дело в том, что нам помогает много людей, честных, хороших, смелых. Охотно в большинстве случаев помогают, позову совести, так сказать, и своего гражданского долга. Но иногда оказывается, что помощь эта сопряжена с риском, с опасностью. Как тогда быть? Конечно, все, что только возможно здесь, мы берем на себя, и в первую очередь рискуем сами. Это в порядке вещей, это наш прямой служебный долг. Но бывают случаи, когда никто, кроме одного какого-то человека, нашего добровольного помощника, сделать в данной опасной ситуации ничего не может. Вот как сейчас. Ведь Варвару никто из нас заменить не в состоянии. И я объясняю ей эту ситуацию, доказывая всю важность предстоящего дела, по существу, заставляю Варвару идти на немалый риск. Вправе ли я это делать? «Вправе, – говорит в таких случаях Кузьмич. – Но при одном условии: ты обязан все предусмотреть и гарантировать, что все окончится для этого человека благополучно». Легко сказать! А попробуйте-ка все предусмотреть. Разве это возможно? И какая страшная ответственность ложится при этом на наши плечи! Но дело не только в ответственности. Я просто боюсь за Варвару. И сам себе не прощу, если что-нибудь случится.

Я день и ночь ломаю себе голову над этой проблемой. Она не дает мне уснуть. Я советуюсь с Кузьмичом, советуюсь с Игорем, советуюсь с каждым опытным человеком у нас, который хоть что-то в состоянии мне подсказать. Я стараюсь предусмотреть все варианты встречи Варвары с этим артистом и разработать ее поведение в каждом отдельном случае.

Проще всего, конечно, если Мушанский позвонит ей, и они условятся о встрече. А если он без предупреждения заявится к ней домой или будет поджидать ее возле дома, как быть тогда? Кое-что мы уже придумали, конечно. Остальное надо додумать вместе с ней.

Весь день я нетерпеливо поглядываю на часы. Сегодня Варвара работает в дневную смену, значит, домой она вернется часов в шесть. Конечно, она может зайти в магазин или куда-то еще. Но уж в восемь она будет дома, наверное. Только бы застать ее одну, как в прошлый раз. Ведь откладывать встречу нельзя. Но тут меня вдруг осеняет, что Варвара может ведь пойти в кино, в гости, и тогда... Черт возьми! Не встретить ли мне ее у ворот фабрики? Это тоже рискованно. По многим причинам. Нет уж, придется ехать к ней домой. И ждать хотя бы до ночи.

Около семи часов я отпускаю ребят, предварительно доложив Кузьмичу о безрезультатности сегодняшнего нашего поиска. Одновременно получаю у него разрешение ехать к Варваре.

Я приезжаю несколько раньше, чем собирался. В окнах нет света, и на звонок никто не откликается. Очевидно, Варвара еще не вернулась с работы. Что ж, придется подождать.

Холодно, но, к счастью, дождя нет. Из подворотни дует со страшной силой. Это просто удивительно. Ведь на улице ветра почти нет. Плохо, что я привязан к этой проклятой подво-

ротне. Но уже совсем темно, улица плохо освещена, и я могу пропустить Варвару, если отойду слишком далеко, тем более, что прохожих сейчас довольно много. Такое время: кто с работы, кто в гости, кто куда, в общем.

Чтобы не болтаться все время на улице, приходится заходить в подворотню. Но когда пройдешь до конца этот длинный темный тоннель и войдешь во двор, то оттуда уже ничего не видно, кто бы ни зашел в подворотню. Безобразие, там нет даже лампочки. Что стоит вкрутить? Надо будет сообщить местному участковому инспектору. Куда он-то смотрит?

Но пока я во двор выйти не решаюсь и вынужден прогуливаться по подворотне. Хорошо еще, что я догадался надеть пальто вместо плаща, и меня не очень продувает.

Так проходит целый час. Варвары все нет. А уже половина девятого. Но я терпелив. Я стал вообще чертовски терпелив. Это при моем-то беспокойном характере! Нам часто приходится ждать, просто ждать. Это, кстати говоря, тоже искусство. Сколько раз прежде меня подводило нетерпение!

Я брожу по подворотне, сунув руки в карманы и подняв воротник пальто. Потом выхожу на улицу, совершаю короткий маршрут между двумя подъездами и снова ныряю в подворотню.

Уже десять часов вечера. Я брожу здесь чуть не три часа. А Варвары все нет. Может быть, она осталась ночевать у каких-нибудь знакомых? Или уехала из Москвы? У нее мать и сестра в Горьком, брат в Серпухове. Вдруг кто-нибудь из них заболел, и Варвара уехала туда? Я не видел ее пять дней. Мало ли что могло случиться за это время? Но она должна была меня предупредить. Хотя, если случается беда, можно обо всем забыть.

Терзаемый сомнениями и всякими догадками и предположениями, порой совсем уже нелепыми, я продолжаю патрулировать ненавистную подворотню. Я уже здорово продрог, и что-то подозрительно начало першить в горле, и я с трудом сдерживаю кашель.

За это время через подворотню прошло всего несколько человек. Они разминулись со мной, даже не заметив постороннего человека в двух шагах от себя. И я бы их не заметил, если бы глаза не привыкли к этой крошечной тьме. Ну и место. Здесь можно сотворить что угодно. Надо обязательно осветить эту подворотню, черт бы ее побрал.

Сколько же мне тут еще ходить, интересно? Если бы можно было хоть на минуту присесть. Ноги просто отказываются служить. Ведь целый день в беготне. И еще хочется есть. И здорово холодно. Я про себя решаю, что до двенадцати я все-таки продежурю здесь, и конец. Больше просто нет сил. И, кстати, нет смысла. Ночью Мушанский, я надеюсь, не явится. А утром... Утром явлюсь я. Ничего не поделаешь.

В который уже раз я прохожу по подворотне до двора и поворачиваю назад, в чернильную воющую глубину тоннеля. Впереди постепенно начинает тускло сереть выход на улицу. В доме на противоположной ее стороне в большинстве окон уже погас свет. Изредка в сером проеме мелькают черные силуэты машин. Звуков я не слышу, все тонет в свисте ветра.

Я медленно двигаюсь к серому пятну впереди. Сейчас я выйду на улицу.

И вдруг... на сером пятне у входа в тоннель возникает женский силуэт. Я узнаю ее сразу. Варвара! У меня даже забилося сердце, как у влюбленного, честное слово. Я ускоряю шаг и встречаю Варвару уже у самой двери.

– Варя!

Она в испуге отшатывается от меня.

– Кто это?..

– Это я, Виталий. Жду вас.

– Какой еще... Виталий?..

– Неужели забыли меня?

– Отстань!.. Говорю, отстань!.. Кричать буду?..

– Варя, да вы что...

Она порывается выбежать на улицу и вдруг, пошатнувшись, прислоняется к стене.

– А-а-а!.. – хрипло кричит она.

Я хватаю ее за руку.

– Варя, перестаньте!

И тут я неожиданно все понимаю. Варвара пьяна, совершенно пьяна и еле держится на ногах.

Внезапно она обмякает и равнодушно бормочет:

– А, все равно... все равно... идем ко мне... холодно здесь...

И пытается открыть свою сумочку, чтобы достать ключ.

Ну и положение. И оставить ее так тоже нельзя. Она даже ключ не может найти. Варвара со злостью встряхивает сумку, и все содержимое вываливается на землю.

– А, все равно... – Варвара машет рукой и снова тяжело приваливается к стене. – Ты... меня... согрей...

Я начинаю злиться. Как теперь собрать все, как найти ключ в этой крошечной тьме? Ветер такой, что невозможно даже зажечь зажигалку.

Я опускаюсь на колени и начинаю шарить вслепую по грязному, выщербленному асфальту. Пальцы мои натыкаются на пудреницу, потом на тюбик с губной помадой, попадает носовой платок, монеты, еще что-то... Ключа нет. И я продолжаю шарить руками по асфальту. Варвара безучастно стоит, привалившись спиной к стене, и молчит.

Наконец я нащупываю ключ. С трудом открываю дверь, с еще большим трудом завожу Варвару в переднюю, одной рукой придерживая ее, другой зажигаю свет, потом провожу Варвару в комнату и опускаю на диван.

Ну и видок у нее! Вся в грязи, волосы растрепаны, длинная царапина через всю щеку, на пальто оборваны пуговицы. Видимо, где-то по дороге она уже падала. Мутный взгляд блуждает по комнате, останавливается на мне. Она меня явно не узнает, но пытается улыбаться. Лучше бы мне не видеть этой жалкой, бессмысленной улыбки. И это Варвара, красавица! Пьяный всегда отвратителен, но пьяная женщина, по-моему, отвратительна вдвойне. Кто же ее так напоил, где она была?

Ладно, все это я узнаю завтра. Пусть пока проспится. До кровати авось доберется сама. Мне противно лишний раз притронуться к ней. И еще мне горько, мне так горько и обидно за нее, передать не могу.

Я уже собираюсь уходить, когда Варвара, что-то забормотав, начинает валиться с дивана на пол. Я укладываю ее. Потом, не гася свет, ухожу.

Настроение у меня отвратительное. Как она могла так поступить? После всего, что она мне обещала. И как после этого можно ей верить, на нее надеяться? И мне, и... Пашке, в конце концов.

Утром я, предупредив Игоря (Кузьмича вызвали куда-то «наверх»), прямо из дому еду к Варваре. Еду с таким смутным, противоречивым чувством, что разобраться даже самому трудно.

При свете дня «моя» подворотня выглядит несколько не привлекательней. Кстати, я обнаруживаю там место, где мы ночью стояли с Варварой, и внимательно его осматриваю. В трещинах асфальта нахожу несколько закатившихся туда монет, поднимаю еще две заколки для волос и какую-то скомканную квитанцию, кажется, из химчистки.

Потом подхожу к двери и звоню. Никто не открывает. Звоню еще раз, подольше. Наконец, слышу какую-то возню за дверью и голос Варвары:

– Кто там?

Голос звонкий, спокойный, вполне обычный.

– Виталий, – отвечаю.

– А-а, сейчас, сейчас!

Дверь открывается, и Варвара впускает меня.

Она в халатике, еще не причесана, лицо бледное, помятое, круги под глазами. Да, вид неважный, и царапина на щеке красоты тоже не прибавляет. Но держится Варвара свободно и дружелюбно, ничего, конечно, не помня о вчерашней нашей встрече.

– С утра пораньше? – улыбается она. – Чего вам приспичило?

– Надо, Варя, поговорить. Боялся, что потом уйдете куда-нибудь.

– Ну ладно. Чай со мной пить будете?

– Буду.

– Тогда заходите в комнату и обождите. Я сейчас только на стол соберу.

Прохожу в комнату и остаюсь один. Слышно, как Варвара суетится на кухне. Я выкладываю на стол найденные в подворотне монеты, заколки и квитанцию. Последнюю я невольно проглядываю.

Удивительно все-таки заполняются у нас такие квитанции. Эти торопливые иероглифы разобрать, по-моему, ни один человек не в состоянии. Навсегда и от всех останется тайной, за что получено пять рублей и сорок семь копеек. Между прочим, это даже не вся квитанция, а лишь часть ее, неровно оторванная как-то наискось. Странно. Зачем рвать квитанцию, ведь по ней предстоит получить сданную вещь?

Я почти машинально переворачиваю этот клочок бумаги и замечая две неровные строчки, написанные шариковой ручкой: «Вечером приходи обязательно, а то узнаешь».

Вот в чем дело! А ведь ночью Варвара была в таком состоянии, что наверняка кто-то довел или довел ее до дому. Конечно, тот самый человек. И я его не увидел. Какая досада! Какой промах. Мне надо было стоять у входа в подворотню. Именно там. А я... Но теперь поздно себя казнить. Теперь надо попытаться хоть что-то узнать. И прежде всего, кто этот человек? Я аккуратно прячу обрывок квитанции в свою записную книжку и закурываю – впервые, кажется, без разрешения хозяйки.

Из кухни кричит Варвара:

– Виталий, идите! Все готово!

И вот мы сидим с ней и пьем чай. Нет, Варвара держится совсем не так свободно, как мне это показалось вначале. Она явно чем-то смущена и испугана. Собственно, понятно чем – вчерашним свиданием.

– Вы плохо выглядите, – говорю я напрямик.

– Спала плохо, – неохотно отвечает она.

Некоторое время мы молчим. Потом я спрашиваю:

– Вы ничего не хотите мне рассказать?

Она бросает на меня настороженный взгляд.

– С чего это вы взяли?

– Да так. Показалось.

– Нечего мне рассказывать, – отрезает она.

– Жаль...

И тут Варвара неожиданно взрывается:

– Чего вам надо?! Чего вы вынюхиваете?.. Ну, чего?

Она резко отодвигает от себя чашку и со злостью смотрит на меня, недопитый чай выплескивается на клеенку. Я медлю с ответом.

А Варвара вдруг опускает глаза и говорит тихо:

– Простите...

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, я все-таки вам скажу, чего я хочу и чего вынюхиваю. Я хочу, чтобы вы видели во мне друга, это прежде всего. Я хочу вам помочь. А уж потом, если вы захотите, то поможете мне. Это уж как захотите. А вынюхиваю...

– Да я не так сказала, – досадливо, даже раздраженно перебивает Варвара, не решаясь поднять на меня глаза. – Ну, чего к словам привязываетесь?

– Дело не в словах. Так вот, вынюхиваю я того человека, который...

Но тут она вдруг поднимает голову, и я вижу в ее глазах слезы, и губы у нее дрожат, она вся дрожит, я это просто физически чувствую.

– Что с вами, Варя? – спрашиваю я.

Она, не отвечая, секунду смотрит на меня и вдруг, уронив голову на руки, плачет, громко и тяжело всхлипывая. Я пытаюсь ее успокоить, провожу рукой по ее спутанным волосам. Но Варвара резко отстраняется и, вскочив, убегает из кухни. Я остаюсь один.

Вот так история! Кто же довел ее до такого состояния? Уж не Мушанский ли? Неужели этот тип появился в Москве и опередил меня? Я встаю и направляюсь в комнату.

Варвара лежит на кровати, зарывшись лицом в подушку, и плачет. Я останавливаюсь в дверях.

Она улавливает мои шаги и затихает.

– Варя, – говорю я строго, – так нельзя. Успокойтесь, и давайте поговорим.

Собственное спокойствие дается мне, однако, нелегко. У меня тоже нервы на пределе.

Варвара молчит, уткнувшись в подушку.

– Варя, вы меня слышите? – все так же строго спрашиваю я.

И тут она вдруг резко приподымается. Лицо ее залито слезами, волосы растрепаны. Она спускает ноги с кровати, халат при этом задирается, и видно розовое трикотажное белье. Но Варвара всего этого не замечает. Она сейчас смотрит только на меня, смотрит почти с ненавистью. И молчит. Как будто подбирает самые злые слова, чтобы кинуть в меня.

– С кем вы вчера были? – спрашиваю я. – Кто вас напоил?

– А-а, шпионите, значит? – криво усмехается она, откидывая со лба волосы. – За мной шпионите?

– Отвечайте, Варя.

– Не отвечу!.. – кричит она, подавшись вперед, словно готовая соскочить с кровати и кинуться на меня. – Не заставите!.. Понятно вам?! Он меня убьет!.. Убьет!.. Убьет!.. Он сказал!.. Убьет!..

Мне кажется, у нее начинается истерика. И тут мои нервы тоже не выдерживают.

– Тихо! – кричу я. – Тихо!..

Это для нее так неожиданно, что она мгновенно замолкает и, пораженная, смотрит на меня. Я тоже молчу. Мой окрик для меня самого неожидан.

Потом Варвара уже тихо, с каким-то непоколебимым убеждением произносит:

– Он и правда убьет. Я знаю.

От этого тона я сразу прихожу в себя.

– Кто?

Я уже догадываюсь, кто это, я почти уверен в своей догадке. Но мне надо, чтобы Варвара подтвердила ее.

– Он, – упрямо повторяет Варвара.

– Значит, надо схватить его как можно раньше, – подчеркнуто спокойно говорю я. – И мы это сделаем.

– Ну и делайте!.. – она снова начинает волноваться. – А я не буду!.. Слышите?! Не буду!..

– Как он вам передал записку?

Варвара настораживается:

– Какую еще записку?

– Вот эту самую.

Я достаю клочок квитанции и издали показываю ей.

– Ах, эту, – она досадливо машет рукой. – В обед подошел к фабрике. Вызвал меня. Сунул в руку и пошел себе как ни в чем не бывало. Будто и не узнал.

Мне сейчас некогда выяснять детали: как вызвал, через кого, почему на квитанции написал. Неважно даже, где они встретились, и он ли довез ее домой. Важно другое. И я торопливо спрашиваю:

– Когда вы теперь должны встретиться с... Михаилом Семеновичем?

– Почем я знаю? – зло отвечает Варвара. – По мне бы, провалился он. Все бы вы провалились.

По щекам у нее снова катятся слезы, и она, как ребенок, втягивает их ртом.

– Боюсь... Так боюсь... Ой, господи!..

Она опять зарывается лицом в подушку.

Мне становится не по себе.

– Варя, – говорю я. – Ну почему вы не хотите избавиться от него?

– Это я-то не хочу? – она поднимает голову и с упреком смотрит на меня. – Да я бы полжизни отдала, только...

– Полжизни не требуется, – как можно спокойнее говорю я.

И действительно начинаю довольно спокойно соображать, как поступить дальше.

Варвара утихла на своей постели. А я по-прежнему стою в дверях, подпирая плечом косяк. Очень хочется курить, но я почему-то не решаюсь вытащить сигареты.

– Вот что, Варя, – наконец говорю я и смотрю на часы. – Сейчас половина одиннадцатого. Вам на работу к четырем, так? Я вас прошу, до двенадцати никуда из дома не выходите. И на звонки в дверь не открывайте. Я сейчас уеду и скоро вернусь. Позвоню три раза: два коротких и один длинный звонок. И тогда мы все решим. Согласны? Я вас очень прошу, Варя.

– Ладно... Идите уж... – глухо отвечает она, не отрывая лица от подушки.

Я мчусь к себе в отдел. Я везу важнейшее сообщение: появился Мушанский. Надо принимать меры, срочные меры. Надо действовать.

По дороге, в метро, а потом в троллейбусе, я пытаюсь составить план дальнейших действий. Но мысли прыгают с одного на другое, и я никак не могу сосредоточиться. Я представляю себе, какое впечатление произведет моя новость на Кузьмича, на Игоря, на всех. И еще меня бьет лихорадка по поводу того, что я оставил Варвару одну. Мало ли что может случиться за эти полтора часа. И я невольно начинаю думать, что может случиться с Варварой. Словом, в голове полнейший сумбур. Не говоря уже о том, что я то и дело смотрю на часы и считаю потерянные минуты. Это просто невыносимо, сколько времени занимает езда по Москве! Троллейбус тащится как похоронные дроги, каждую минуту вдобавок замирая перед светофором. А тут еще остановки. Не успеет троллейбус разогнаться, как ему уже надо тормозить. Кроме того, я начинаю опасаться, что не застану на месте Кузьмича. И придется ждать, потому что без него ничего не решишь.

Подгоняемый всеми этими сомнениями и страхами, я бегу от остановки троллейбуса. Кто-то меня окликает по дороге, но я только отмахиваюсь. Пулей проскакиваю мимо дежурной комнаты и устремляюсь к лестнице, ведущей на второй этаж. Из дежурки мне что-то кричат вдогонку. Запыхавшись, я влетаю к себе в комнату. Игоря на месте, конечно, нет. Я сбрасываю пальто на диван и бегу в конец коридора, где находится кабинет Кузьмича.

На полпути я сталкиваюсь с Игорем, хватаю его за рукав пиджака.

– Слушай, – говорю, – ты знаешь, Мушанский в Москве.

– Знаю, – деловито отвечает Игорь.

– Знаешь?! Откуда ты знаешь?

– А ты откуда?

– Я от Варвары. Она вчера с ним встречалась. А ты?

– Ого! – Игорь даже присвистнул. – Интересно. И куда ты летишь?

Я торопливо объясняю ситуацию и под конец спрашиваю:

– Кузьмич на месте?

И уже забываю, что не допытался у Игоря, откуда у него сведения о Мушанском. Вообще это на меня не похоже. Но сейчас я очень тороплюсь.

– Кузьмич на месте, – отвечает Игорь.

И идет за мной. Я врываюсь в кабинет первым. Кузьмич недовольно смотрит на меня поверх очков, потом коротко приказывает, кивнув на стул перед собой:

– Сядь. И успокойся.

Мог бы, между прочим, и поинтересоваться, почему я так спешу. Иногда он своим спокойствием возмущает меня. Игорь уже без всякого приглашения усаживается напротив. Он тоже демонстрирует спокойствие.

– Ну, что у тебя? – спрашивает Кузьмич, снимая очки, и откидывается на спинку кресла, приготавливаясь слушать.

– Кое-какие новости, – небрежно говорю я.

– А именно?

– Появился Мушанский.

Но тут я вспоминаю про Варвару и дальнейшее выпаливаю уже без остановки. Тем более, что мое сообщение особого впечатления на Кузьмича не производит. Под конец я, взглянув на часы, нетерпеливо спрашиваю:

– Что будем делать, Федор Кузьмич? – и тут же спохватываюсь: – Ах да! Откуда вы знаете о появлении Мушанского?

И узнаю весьма интересную новость. Оказывается, этого типа сегодня утром видели в одной из гостиниц, его опознала дежурная по этажу – с фотографией Мушанского мы успели уже всех познакомить, кого надо, – и так разволновалась, что тот, все, очевидно, сообразив, немедленно скрылся. Дежурная даже не успела ничего предпринять.

– Впервые он нарушает свое собственное правило – появляться в гостинице среди дня, – говорит Кузьмич. – Что-то с ним происходит. Это, пожалуй, не единственное правило, которое он теперь нарушит. Значит, так, – он придвигает к себе какие-то бумаги и списки. – За квартирой Худыша наблюдение ведется. Остается Варвара и вокзалы...

Кузьмич минуту что-то соображает, вертя в руках очки, потом надевает их и проглядывает лежащие перед ним бумаги. Наконец объявляет:

– Вот что. Бери машину – и к Варваре. Условься с ней об одном: если Мушанский позвонит или, как вчера, передаст записку, она немедленно сообщает нам. Телефоны у нее есть. И все. Понял?

– Как «все»?! – не выдерживаю я. – А если он...

– То возьмем его немедленно, – спокойно и веско произносит Кузьмич. – За ее квартирой и за ней самой наблюдать теперь будем неотступно. Только ей об этом знать не обязательно, имей в виду. И, конечно, не тебе это делать. Ты... – Он смотрит поверх очков на Игоря и спрашивает: – Все группы разъехались?

– Пять, – коротко отвечает Игорь, взглянув на часы. – Тридцать минут назад.

– Так. Дашь ему группу, – Кузьмич кивает в мою сторону. – И укажешь вокзал, – потом смотрит на меня. – У Варвары долго не задерживайся. Ребята тебя в машине обождут. Все. Отправляйтесь.

Через минуту мы уже мчимся по улицам города. Мы – это Валя Денисов, Петя Шухмин и я. Не считая водителя, конечно. Я опять за старшего. Просто головокружительную карьеру делаю... Петя Шухмин не перестает надо мной подтрунивать по этому поводу.

Он вообще весельчак и, что называется, рубаха-парень. Всюду ему рады, и везде у него друзья-приятели, в самых неожиданных местах. Круглое румяное лицо его всегда улыбается, лукавые глаза просто лучатся приязнью ко всем. На бычьей его шее не сходится ни один ворот-

ничок, поэтому галстук чаще всего лежит у него в кармане и повязывается только в экстренных случаях и то кое-как. Кашне он тоже не носит. Ему всегда жарко, даже зимой.

Сейчас Петя развалился на заднем сиденье и, покуривая, отпускает шуточки в мой адрес. Сидящий рядом с ним Валя Денисов помалкивает. Мне тоже не до шуток. Уже первый час, я опаздываю, и Варвара может, чего доброго, уйти.

Но вот, наконец, мы и приехали. Я указываю водителю знакомую подворотню, и машина замирает невдалеке от нее, на противоположной стороне улицы.

Надо сказать, что с погодой нам сегодня везет. Небо очистилось от туч, среди облаков то и дело проглядывает солнце, и «моя» подворотня просвечивается чуть ли не насквозь, даже видна дверь в квартиру Варвары. Это счастливое обстоятельство позволяет мне заметить возле двери какого-то человека. Рука его протянута к звонку, она к нему прямо-таки прилипла. Человечек, видимо, нажимает на звонок безостановочно. В этом человеке я узнаю Толика. Он продолжает упрямо звонить. Наверное, увидел Варвару через окно и требует свидания.

Толика надо немедленно убрать подальше. Но мне самому встречаться с ним не с руки. Я оглядываюсь на ребят и после секундного колебания прошу это сделать Валю. Тот, кивнув, выскальзывает из машины.

Валя Денисов удивительно мягкий, вежливый, на первый взгляд даже какой-то застенчивый, с тихим голосом и задумчивым взглядом больших черных глаз, с длинными, как у девушки, ресницами. Валя строен, всегда тщательно одет, хотя отстает от моды обычно на один сезон. Галстук, например, он все еще завязывает малюсеньким узелком, как я его ни уговариваю, что сейчас это уже устарело. И брюки у него все еще узкие, хотя пора бы их уже чуть-чуть расклешить. Но Валя упрям и советов такого рода не слушает. Зато пунктуален он удивительно, и положиться на него можно в любом деле. Сейчас, например, я уверен, что Толик будет удален незаметно и мгновенно, без лишних разговоров и объяснений, что наверняка бы случилось, если бы пошел Петя.

Я вижу, как Валя входит в подворотню, останавливается и манит к себе Толика. Тот, чем-то, видимо, заинтересованный, подходит к нему. Они оба выходят на улицу и около угла ближайшего дома прощаются. Дальше Толик идет уже один и вскоре исчезает из виду, а Валя как ни в чем не бывало возвращается к нам. Вся операция заняла у него не более пяти минут.

– Чего ты ему такое сказал, а? – с любопытством спрашивает Петя Шухмин. – Какое слово?

Валя, улыбнувшись, пожимает плечами. Дальнейшего их разговора я не слышу, так как тороплюсь к Варваре.

На условный звонок она открывает мгновенно, взволнованная и раскрасневшаяся.

– Это вы его, черта, спровадили? – спрашивает. – Замучил, проклятый. Полчаса звонил.

– Все в порядке, – отвечаю. – Больше звонить не будет.

Варвара недоверчиво качает головой.

– Будьте спокойны, – веско говорю я.

И сообщаю, как ей следует поступить, если позвонит Мушанский или снова передаст записку.

– А если сам явится? – с тревогой спрашивает Варвара.

– Этого не будет, – отвечаю я.

И такая убежденность звучит в моем голосе, что Варвара окончательно успокаивается.

– Ну вы и даете, – говорит она, вздыхая, и уже другим тоном спрашивает. – Чаю хотите?

Я отказываюсь, и мы прощаемся. Напоследок я говорю:

– Все будет хорошо, Варя. Вот увидите. И все теперь зависит только от вас. Так что телефон мой не потеряйте.

Она кивает мне, и глаза у нее сейчас прежние, живые, задорные, и, кажется, можно было бы и забыть, что произошло ночью. Но я почему-то забыть это не могу.

Когда я возвращаюсь к машине, то наметанным глазом замечаю, что квартира Варвары уже взята под наблюдение.

А мы тем временем мчимся на вокзал. По дороге уточняем детали предстоящей работы. Суть ее ребятам уже известна. Это обеспечил Игорь. Он и возглавляет всю операцию «вокзал».

Наконец наша машина выезжает на обширную, полную суеты и движений площадь, огибает расположенные в центре ее небольшой сквер, желтый от опавшей листвы, с памятником посередине, и стоянку такси, где уже толпятся пассажиры. Завернув за угол старинного вокзального здания, мы останавливаемся возле отдела милиции.

В комнате дежурного нас уже поджидают, и дальше мы отправляемся в сопровождении одного из сотрудников отдела. Миновав людные перроны, мы проходим через обширный зал ожидания, потом через круглый вестибюль с многочисленными киосками и, лавируя в толпе, пробираемся к боковой лестнице.

Я себе на минуту представляю, как на всех вокзалах Москвы сейчас появляются наши оперативные группы. Каждый из сотрудников в такой момент собран, насторожен и, конечно же, взволнован. И еще каждый из нас ждет удачи, мечтает о ней. А удача-то всего одна, и кому она достанется, неизвестно. Я вспоминаю, как мы недавно искали водителя такси – Эдика. Тогда удача досталась Яше Фролову. Кому же она достанется сегодня? Впрочем, может быть, и никому. Может быть, версия «вокзал» окажется бесплодной.

Мы поднимаемся по крутой, но довольно широкой лестнице. Комнаты отдыха для транзитных пассажиров находятся на третьем этаже. Там, прямо на лестничной площадке, у окошечка в стеклянной перегородке сидит дежурная, симпатичная пожилая тетя в белом халате. Мы представляемся. Дежурная, обеспокоенная и заинтригованная одновременно, поспешно задергивает занавески на окошечке и впускает нас к себе за перегородку.

Для начала я прошу ее рассказать, как она регистрирует своих постояльцев. Система оказывается несложной и весьма удобной для такого опытного проходимца как Мушанский. Но одновременно эта же система позволяет и нам легко его выловить, если, конечно, он в известные нам дни ночевал на этом вокзале.

– Все понятно, – говорю я дежурной. – Давайте теперь посмотрим. Вот, к примеру, можете вы сказать, кто остановился у вас ну, допустим, восемнадцатого сентября?

Дежурная поспешно хватается за толстую регистрационную книгу и начинает листать страницы. Тут имеются данные о каждом постояльце. Но фамилия, имя и отчество, как и год рождения, нас мало интересуют, они взяты из паспорта, и Мушанский наверняка подсунет чужой, скорей всего, краденый паспорт. А вот откуда и куда гражданин следует, а также дата его появления в Москве – это другое дело. Это взято из билета, который должен предъявить Мушанский.

Дежурная наконец обнаруживает нужные записи и указывает нам страницу с длинным перечнем фамилий. Женские мы, естественно, пропускаем, а вот мужские проглядываем внимательно. Нас интересуют пункты на магистрали Ленинград-Харьков. Кузьмич полагал, что это могут быть Орел и Бологое. Но нет, они не значатся в тетради, как, впрочем, и Ленинград с Харьковом. Зато... мы сразу настораживаемся... Некий гражданин Холодов Сергей Петрович следовал из Любани в Белгород. Это та самая трасса.

Мы незаметно переглядываемся, и я как можно равнодушнее спрашиваю у дежурной:

– А вот как определить, сколько дней прожил у вас ну, к примеру, вот этот гражданин?

– Э тот? – переспрашивает дежурная. – Сейчас, сейчас. Все у нас отмечено, как положено.

Она берется за другую тетрадь, где отмечаются продления и потому вписываются лишь фамилии постояльцев, дата и номер первоначальной квитанции.

– Вот, пожалуйста, – не скрывая торжества, говорит дежурная и пальцем проводит под нужной нам строчкой в тетради.

И мы убеждаемся, что означенный гражданин Холодов прожил здесь ровно три дня.

От этого открытия я ощущаю легкий озноб, что-то похожее на охотничий азарт охватывает меня. Черт возьми, неужели... Я чувствую, как за моей спиной возбужденно сопит Петя Шухмин. Валя стоит рядом, но на тонком строгом его лице отражается полнейшее спокойствие.

– А теперь, – продолжаю я, как мне кажется, тоже весьма спокойно, – давайте посмотрим, кто останавливался у вас ну, допустим... – и делаю вид, что называю первое пришедшее мне в голову число, – допустим, одиннадцатого октября.

Это начало второй серии краж, совершенных Мушанским. Краж этих тоже три, следовательно...

– Пожалуйста. Вот они тут, все как есть, – говорит дежурная и победоносно смотрит на нас, словно мы хотели, но не смогли уличить ее в чем-то.

Внимательно изучаем новую страницу регистрационной книги.

– Вон! – вдруг выпаливает из-за моего плеча Петя Шухмин.

Мы с Валея, однако, и бровью не ведем, и устыдившийся Петя смущенно бормочет:

– Вон и с ребенком гражданина пустили. Да еще на одну кровать. Разве это порядок?

Дежурная начинает пространно и запальчиво объяснять что-то, а мы трое не можем оторвать глаз от одной из строчек в раскрытой перед нами книге. Там указано, что некий гражданин Клячко Олег Иванович приехал в этот день из Белгорода, направляясь в Любань.

По второй книге мы тут же выясняем, что этот самый Клячко провел в Москве тоже ровно три дня.

Итак, сначала Любань-Белгород, потом Белгород-Любань... Стоп, стоп! Только не нервничать и не спешить.

Я делаю над собой усилие и, добродушно улыбаясь, говорю дежурной:

– Здорово у вас поставлен учет. И вообще все организовано как надо. Давайте напоследок посмотрим, кто сегодня живет у вас.

Дежурная явно польщена высокой оценкой. Мы с ней как бы меняемся ролями, теперь уже спокойна она, а нервничаем мы. Еще бы не нервничать! Между тем дежурная раскрывает последнюю заполненную страницу в своей книге. Мы пробегаем ее глазами и... ничего не находим.

– Та-ак, – разочарованно произносит навалившийся на меня сзади Петя Шухмин.

Я молчу и пытаюсь собраться с мыслями. Валя невозмутимо закуривает, словно задача наша выполнена и больше нам тут делать нечего, и с ленцой в голосе предлагает:

– Давайте уж заодно посмотрим, кто вчера здесь остановился.

О черт! Ну конечно же. Сегодня Мушанский мог только продлить еще на сутки. А приехал-то он вчера!

Дежурная устала от нас, и новая задержка начинает ее сердить. Она явно не замечает всех наших переживаний и Петиних срывов.

– Смотрите, коли желаете, – ворчит она и переворачивает страницу.

И мы сразу, почти одновременно, находим глазами нужную строчку. Вот! Уже знакомый нам гражданин Холодов проездом из Любани в Белгород снова остановился в Москве.

А из второй книги выясняется, что он сегодня утром продлил свое пребывание здесь еще на одни сутки. У этой самой дежурной, вот что удачно.

Теперь остается последняя, решающая проверка.

– Мамаша, – говорю я, – а какой из себя вот этот гражданин, не помните? – И указываю пальцем на первую попавшуюся фамилию.

Потом я называю ей другую фамилию, третью, четвертую, некоторых она запомнила, других нет. Наконец, я указываю на фамилию Холодова. Теперь дежурная уже и вовсе не представляет, кем же мы в конце концов интересуемся.

Холодова она запомнила, ведь он совсем недавно говорил с ней. И она дает нам в точности приметы... Мушанского!

Все. Теперь уже окончательно. Теперь круг замкнулся.

Мушанский попался. Позвонит он сегодня Варваре или нет, появится ли на квартире Худыша, теперь не имеет значения. Ночевать он придет сюда, непременно придет. Ведь он только что оплатил эту ночевку. Тут он и будет задержан. Не нами, конечно. Нам здесь оставаться нельзя, нас знает дежурная и невзначай может кому-нибудь проговориться.

Лишь для вида я и Петя Шухмин обходим с ней комнаты, где останавливаются транзитные пассажиры, светлые, чистые комнаты, в большинстве случаев в это время пустые, с аккуратно застеленными кроватями. Комнат много, больше двадцати, каждая на пять-десять человек. Мы несколько задерживаемся в той, где ночует сейчас Мушанский, и внимательно оглядываем издали его постель. Но она ничем не отличается от других.

Валя Денисов ушел звонить.

Наконец мы кончаем осмотр и выходим в круглый уютный зал, в который первоначально попадает каждый пассажир, проходя с площадки лестницы, мимо дежурной, в комнату, где он должен ночевать. В этом зале мы видим за одним из столиков возле телевизора Игоря и еще одного нашего сотрудника, играющих в шахматы. Возле них стоят чемоданы. Ни дать ни взять приезжие, ожидающие, когда освободится место для отдыха. Теперь мы можем уходить.

Все, гражданин Мушанский, песенка ваша на этот раз спета.

Я возвращаюсь в отдел, ребята мои тоже.

Состояние у меня такое, что ни за одно дело я взяться не могу. Все валится из рук. Наконец-то я увижу этого негодяя, своими глазами увижу. Больше месяца я охочусь за ним. Он совершил шесть краж и чуть не убил человека. Это по одной только Москве. Шутка ли!

Под вечер меня вызывает Кузьмич и приказывает отправляться домой.

– Без тебя управимся. Отдыхай, – ворчливо говорит он. – Долечивайся. Светлане, кстати, позвони. Небось неделю не звонил.

– Почему не звонил? – обиженно возражаю я. – Чуть не каждый день звоню. А уехать я сейчас не могу, Федор Кузьмич, как хотите.

– Это еще почему?

– Не могу. Я должен увидеть этого типа. Я о нашей встрече месяц уже мечтаю. Во сне ее вижу.

– Вот и давай в последний раз во сне ее погляди, – усмехается Кузьмич. – А завтра наяву увидишь.

– Не могу я уехать! – в отчаянии восклицаю я. – Убейте, не могу.

Кузьмич пожимает плечами. Сам он, между прочим, тоже, видимо, не собирается уезжать.

А я не знаю, куда себя деть. Даже читать ничего не могу. Позорно проигрываю две партии в шахматы подряд Пете Шухмину, которому ни разу еще не проигрывал. Потом я проигрываю Вале Денисову. Ну, этот хоть первокатегорник, ему проиграть не стыдно, хотя в другое время мы бы еще потягались с ним. Два раза звоню Светке, отрывая ее от работы. Она готовится к какому-то докладу, но терпелива со мной как ангел.

– Ну, давай серьезную партию, – предлагает мне Валя.

Я только машу рукой. Около двенадцати часов ночи мы наконец разъезжаемся по домам.

А утром я узнаю потрясающую новость: Мушанский ночевать не явился! И вообще ни в одном месте, где его ждали, он за эти сутки не появился. Ушел, подлец. Из рук прямо ушел. Вы представляете?

Глава 5

Кузьмич раскрывает карты

Мы сидим в кабинете у Кузьмича, и он досадливо говорит:

– Что-то его здорово испугало, милые мои. Скорей всего, последний случай в гостинице. Понял, что в Москве ему появляться опасно. Если уж та дежурная его узнала, значит, и в любой другой гостинице может случиться то же самое.

– По-вашему, удрал из Москвы? – спрашивает Игорь.

Он сегодня особенно хмур и сдержан. Я безошибочно определяю, что утром Игорь опять поспорил со своей Алкой. Ему, между прочим, нелегко с ней приходится, хотя Алла его по-своему любит. Она внешне напоминает мне чем-то Варвару. Тоже статная, белозубая, черноглазая, и на нее тоже заглядываются. Но строга Алка до невозможности и отшивает от себя в два счета. У нее и взгляд такой суровый, что не всякий рискнет к ней подступиться. Игорь женат на ней уже четыре года. Он мне как-то признался, что подкупила она его именно своей неприступностью. «Люблю бороться с трудностями», – смеялся он. Ну вот и доборолся. Алка всем хороша, но женой оперативника она быть не создана. Во-первых, она дико ревнива. Игорь ее собственность, и ни с кем она делить его не намерена, даже с работой. Вот, например, эту ночь Игорь, как известно, провел на вокзале. Но рассказать Алке, где ему пришлось быть, он не может. И она, уж конечно, надулась, она ревнует его к кому-то и ничего поделывать с собой не может, да, впрочем, и не намерена. Срывается по пустякам и треплет всем нервы. Я как-то попытался провести с ней воспитательную работу. Куда там! Ничего не поняла и ни с чем не согласилась. «Я тоже человек, – заявила. – Знала бы его работу, замуж не пошла».

Это просто счастье, что Светка совсем другая. Мне даже иногда обидно, до того она меня не ревнует. И когда Алка ей что-нибудь такое говорит и жалуется на Игоря, она только смеется. Светка удивительно легкий человек, и за это я ее еще больше люблю. И ревную. Игорю в этом смысле хорошо. Алка у него кремень, кроме того, она ужасно застенчива. А Светка общительная невозможно. У нас был как-то вечер, так она успела перезнакомиться со всем отделом. Даже Кузьмич пошел с ней танцевать. Все были прямо потрясены. А Алка забилась в угол и, краснея, всем отказывала, кроме меня, конечно.

Да, сегодня утром Игорю, видимо, здорово досталось. Вот он и злится. И сегодня он, конечно, плохой работник. Мало того, что ночь не спал. Теперь предстоит их мирить. А то они неделю разговаривать не будут. Игорь тоже упрямый. Специалист по таким делам у нас Светка. Надо будет ей срочно позвонить.

– Скорей всего, он из Москвы мотанул, – говорит кто-то из собравшихся, кажется, Петя Шухмин.

– И теперь уже не скоро здесь появится, – добавляет Денисов.

Положение действительно сложное. Неужели Мушанский сорвался и уехал? Неужели он мог так перепугаться?

– Все-таки наблюдение за всеми тремя объектами, где мы его ждали, надо продолжать, – хмурясь, говорит Игорь. – Еще дня два-три хотя бы.

– Кроме того, – добавляю я, – он так просто не отцепится от Варвары. Последней встречей он должен быть доволен, подлец.

– Так и сделаем, – заключает Кузьмич после минутного раздумья, во время которого усиленно трет ладонью затылок. – И еще вот что, – он смотрит на Игоря. – Надо проверить все вокзалы, вдруг он в последний момент переметнулся. Нервы-то ходуном ходят. Он теперь может не одно свое правило нарушить, – и повторяет. – Значит, вокзалы. Это первое. Теперь второе, – Кузьмич переводит взгляд на меня. – Я тебе уже, Лосев, говорил. Надо срочно увидеться с этой Элеонорой.

– Помню, – отвечаю я. – Сегодня появлюсь.

– Смотри, а то она тебя забудет, – подмигивает Петя Шухмин.

– Это исключено, – самоуверенно возражаю я. – И вообще, прошло всего два дня. Сопровождение у Кузьмича заканчивается.

Игорь еще задерживается, а я тороплюсь к себе. И пока нет Игоря, звоню Светке.

– Привет, – говорю, – это я.

– Ну что? – посмеиваясь, спрашивает Светка. – У тебя опять что-то стряслось, и вечер отменяется?

Как же я забыл! Сообщение о том, что исчез Мушанский, выбило меня совершенно из колеи. Ведь мы же со Светкой должны идти сегодня на концерт! Всего на несколько дней в Москву приехал Райкин!

– Что ты! – говорю. – Кое-что, правда, стряслось. Но концерт не отменяется. И билеты я достану.

– Ой! – смеется Светка. – Какие сдвиги. Какой прогресс. Витик, ты просто растешь на глазах. И хорошо, что ты позвонил. Есть предложение. Возьми, если можешь, четыре билета, – просит Светка, и в тоне ее слышится какая-то озабоченность. – Ты знаешь, мне сейчас звонила Алла. У них опять...

В этот момент в комнату входит Игорь. Он бросает на меня хмурый взгляд и начинает рыться в сейфе.

– Принято, – говорю я Светке. – Это и мое предложение.

– Ой, какой ты у меня умница, – смеется Светка. – Ну, значит, до вечера. Целую.

И она бросает трубку.

– Судя по твоей счастливой роже, ты говорил со Светкой, – мрачно констатирует Игорь.

– Не отпираюсь, – говорю я. – И тут вот какое предложение: сегодня мы все идем на Райкина.

– Кто идет, а кто нет, – отрезает Игорь.

– Правильно. Ты, например, в жизни не достанешь билетов. Скажи спасибо, что у тебя такой друг.

– Дешево покупаешь, – усмехается Игорь. – Попробуй сначала Алку уломать. К ней, брат, сегодня лучше не подступай.

Игорь безнадежно машет рукой.

– Все улажено, – отвечаю я и жестом фокусника указываю на телефон.

– Света? – догадывается Игорь и впервые за это утро улыбается.

– Именно.

– Ты такой жены недостоин, – объявляет Игорь. – И за что тебе такое счастье, не понимаю.

– Вырастешь, поймешь. Пока что ты меня еще недооцениваешь. Вот попробуй, достань билеты на Райкина. А я достану. За одно это меня любая девушка полюбит.

– Вот, вот. Охмурить, это ты можешь. Варвару, небось, тоже охмурил. Не говоря уже об Элеоноре.

У Игоря явно улучшилось настроение. Он уже даже острит.

– Кстати, – добавляет он, – у тебя с Элеонорой свидание сегодня. Не забудь.

– Будь спокоен, – отвечаю. – Я прежде всего джентльмен.

Мы расстаемся, условившись о встрече.

До свидания с Элеонорой Михайловной у меня еще остается часа два, и я начинаю решать проблему билетов. Это не так просто, как вы знаете. Это даже жутко трудно, особенно в день спектакля. Но мы решаем задачи и потруднее. Надо только проявить смекалку и кое-что вспомнить.

В результате я сначала еду к одному своему приятелю в райотдел, на территории которого расположен театр, где сегодня дает концерт Райкин. У этого приятеля весьма хорошие

отношения с администратором театра. Вскоре у меня оказываются искомые билеты. Администратор клянется, что отрывает их от собственного сердца.

И вот я мчусь на знакомую улицу, где находится та самая студия. Поспеваю я вовремя. Но у подъезда почему-то не обнаруживаю желтого «Запорожца». Как это понимать, интересно.

Тем временем из студии начинают выходить люди. Занятия окончены. Я замечаю и обоих красавчиков, с которыми два дня назад разлучил Элеонору Михайловну. На этот раз молодые люди идут одни. Элеоноры Михайловны с ними нет, ее подружки тоже. Я стараюсь не попасться им на глаза. Это ни к чему, они меня наверняка тоже запомнили.

Люди все идут и идут мимо меня, парни, девушки, весело и беззаботно болтают, переключаются, обсуждают какие-то свои дела. Вот и последние уже выходят из подъезда. Элеоноры Михайловны среди них нет. Что же теперь делать?

Я забыл вам сказать, что еще утром, перед отъездом из отдела, связался через дежурного с группой, наблюдающей за квартирой Худыша. Мне сообщили, что Элеонора Михайловна в положенное время уехала на своем «Запорожце».

Значит, вместо занятий она куда-то отправилась. И, наверное, не одна, а, скорее всего, с той самой размалеванной своей подружкой. Кстати, и она сегодня не была на занятиях.

Между прочим, как же зовут ту подружку? Ведь Элеонора Михайловна, помнится, ее называла при мне... Лена? Нет... Лера?... Ляля! Ну конечно, Ляля! Это уже кое-что.

Пока я все это соображаю, из подъезда студии выходят две девушки. Они оживленно болтают о чем-то и смеются.

Я решительно направляюсь к ним. Что-то надо предпринимать. Что именно, я еще не решил. Но, как говаривал еще Наполеон, главное, это ввязаться в сражение, а там разберемся.

Я подхожу и смущенно спрашиваю:

– Девушки, извините меня, вы Лялю случайно не видели?

– Лялю?..

Они с откровенным любопытством смотрят на меня.

– Лялю Пирогову? – уточняет одна из них.

Я не знаю Лялиной фамилии, поэтому прикидываюсь удивленным.

– Неужели вы ее не знаете? – спрашиваю. – Такая худенькая, черненькая, у нее еще браслет на руке, и губы такие яркие. А подружка...

– Господи, зачем так длинно, – смеется девушка. – Сказали бы – Пирогова, и все. Ее не было сегодня на занятиях.

– Неужели заболела? – огорченно спрашиваю я.

– Нет, нет, – вмешивается вторая девушка. – Я вчера вечером говорила с ней.

– Какая досада, – говорю я. – Мы условились встретиться. Я... даже билеты на Райкина достал на сегодня.

Для убедительности я показываю им два билета.

Девушки всплескивают руками. А та, которая вчера вечером говорила с Лялей, неожиданно спрашивает:

– Так это вас познакомила с ней Элла? Вчера.

– Элла?.. Вчера?..

Я не сразу соображаю, что речь идет об Элеоноре Михайловне, и позорно теряюсь на миг, не зная, что ответить. Девушки дружно приходят мне на помощь. Мое непростительное смущение вызывает у них сочувствие. И кроме того, они не могут допустить, чтобы пропал билет «на Райкина».

– Так позвоните же ей, – говорит одна из них. – Немедленно позвоните. Вот и все.

– В том-то и дело, что я забыл ее телефон.

– Я вам сейчас скажу, – она торопливо достает из сумочки записную книжку. – Пишите. И диктует номер телефона. Я записываю.

Из ближайшего автомата я звоню Ляле. Откликается звонкий девичий голос.

– Будьте добры, Лялю.

– Это я. Кто говорит?

– Извините, пожалуйста. Это говорит знакомый Эллы. Мне очень надо ее повидать. Случайно она не у вас?

– Представьте, только что уехала. У нее примерка у...

– Кумрайтиса?

– Да. Откуда вы знаете?

– Она мне как-то о нем говорила. А вам не трудно сказать его адрес?

– Конечно.

Прижимая трубку плечом, я неловко записываю на клочке бумаги адрес этого модного портного. Потом выскакиваю из будки телефона-автомата и хватаю первое встречное такси.

И вот я уже прогуливаюсь около высокого, потемневшего от времени дома с лепными украшениями на подъезде и выбитой тут же на стене фигурой молотобойца, под которой красуется тоже выбитая на камне надпись: «Владыкой мира будет труд». Старый дом, когда-то называвшийся «доходным», который революция отметила своей печатью. Дом стоит в одном из переулков недалеко от улицы Кирова.

Время от времени я поглядываю на желтый «Запорожец», стоящий возле подъезда. Когда я, еще из окошка такси, увидел этот «Запорожец», у меня отлегло от сердца. И теперь я спокойно прогуливаюсь, предвкушая изумление Элеоноры Михайловны, и одновременно соображаю, как повести с ней разговор. Дело нешуточное. Мы сейчас уже разыскиваем не только ловкого гостиничного вора, но и убийцу, первая жертва которого лишь случайно осталась в живых. И кто знает, что он может придумать завтра.

Изредка я поглядываю на часы. Время еще есть. До начала концерта три с лишним часа. Можно не торопиться.

Интересно, с кем Элеонора Михайловна вчера познакомила Лялю? Но самое главное, где Мушанский? Неужели он так и не встретился со своим другом Семеном Парфентьевичем? А если...

Но тут мои мысли мгновенно обрываются. Из подъезда выпархивает Элеонора Михайловна уже в новом элегантном пальто с меховым воротником и высокой модной меховой шапке, из-под которой выбиваются бронзовые локоны. В руках у нее большой сверток. Я иду к ней навстречу. Элеонора Михайловна на миг останавливается, всматривается в меня, и на лице ее появляется обворожительная улыбка.

Она бросается ко мне и протягивает свободную руку.

– Виталик! Как это понимать? Откуда вы взялись? Я просто потрясена.

Что поделаешь, надо снова играть ту же идиотскую роль.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – самодовольно говорю я. – Это еще не самый трудный случай.

– Нет, нет, это поразительно! – не может успокоиться Элеонора Михайловна. – Вы волшебник. И вообще, за этим что-то есть.

Она лукаво смотрит на меня и грозит пальчиком.

– Есть, – охотно подтверждаю я. – Еще как есть, – и, в свою очередь, спрашиваю. – Разве Жора вам ничего не говорил?

Элеонора Михайловна внезапно меняется в лице и, запинаясь, говорит:

– Он такой странный... Он кошмарно изменился...

Теперь уже волнуюсь и я, хотя изо всех сил стараюсь не показать этого. Как можно беззаботней я спрашиваю:

– Почему это вам так кажется?

– Ах, Виталик, вы его давно видели?

– Не очень...

– А я только вчера.

Ого! Значит, она его вчера видела. И с прежней беззаботностью я задаю новый вопрос:

– Надеюсь, весело провели время?

Элеонора Михайловна неожиданно хватается меня за руку и испуганно шепчет:

– Виталик, он вчера... я сама видела у него... я просто вся похолодела... я совершенно случайно... видела у него... пистолет!

– Что-о?..

Очевидно, я тоже меняюсь в лице, потому что Элеонора Михайловна вдруг резко отшатывается от меня и пристально смотрит мне в глаза.

– Вы не знали? Но вы...

– Где он провел эту ночь? – резко спрашиваю я.

Я не в силах больше притворяться. Меня больше не хватает и на эту игру. И тут я невольно гублю все дело.

У Элеоноры Михайловны внезапно закрадывается подозрение. Недаром она все время имеет дело с секретами мужа, со всякими незаконными и рискованными комбинациями. И она ледяным тоном говорит мне:

– Все это очень странно. Вы его друг, и вы... О, я что-то не поняла в нашей встрече, кажется.

– Сейчас поймете. Но сначала ответьте на мой вопрос.

Да, я сорвался. И теперь уже ничего не поделаешь. Мне так и придется доложить Кузьмичу. И он...

– Это не ваше дело, – говорит между тем Элеонора Михайловна. – Это его дело, где он провел ночь, – и насмешливо добавляет: – Во всяком случае, не со мной, будьте уверены.

И тут вдруг меня осеняет одна догадка. Так вот оно в чем дело! Черт возьми, это надо использовать, надо спасти все, что еще можно спасти. Я не имею права сейчас себя расшифровывать, Мушанский еще на свободе, опасный, вооруженный преступник, сейчас он еще опаснее, чем раньше.

Я лихорадочно ищу выход из труднейшей ситуации, в которой оказался по собственной же вине. Наконец говорю:

– Дело в том, что Жора меня крупно подвел. Он должен был вчера вечером прийти на встречу и не пришел.

– Где же вы должны были встретиться, в каком месте, интересно? – Элеонора Михайловна пристально и недоверчиво смотрит мне в глаза, словно заранее зная то место и только проверяя меня.

Я пожимаю плечами.

– Простите, но это уже наше дело. Знать вам это совсем ни к чему, мне кажется.

– А все-таки? – настаивает она.

Теперь уже пристально смотрю на нее я и цежу сквозь зубы:

– Не у Ляли, конечно. А совсем в другом месте.

Краска бросается ей в лицо. Элеонора Михайловна нервно теребит бечевку на своем пакете.

– Так вы знаете? – спрашивает она, опуская глаза. – Чего же вы спрашиваете?

А ко мне тем временем возвращается спокойствие. И я опять способен соображать. Наконец-то. Итак, одержана первая маленькая победа, попробуем развить успех.

– Это всего лишь предположение, – я снова пожимаю плечами. – Но, судя по всему, Жора сказал вам, где мы должны были встретиться?

– Да, сказал. Теперь скажите вы.

У нее еще остались подозрения. Их надо немедленно рассеять. Но неужели у Мушанского действительно была назначена встреча? Невероятно. Но, так или иначе, я должен ей что-то сказать.

– Ладно уж, – неохотно говорю я. – Видно, Жора вам здорово доверяет. Хотя это на него и непохоже.

Вполне возможно, что она берет меня «на пушку», и Мушанский ей ничего не сказал. Тогда я буду выглядеть в ее глазах доверчивым простаком. Но это, в конце концов, не беда.

– Да, он мне доверяет, – с некоторой даже гордостью произносит Элеонора Михайловна. – И я хочу, чтобы вы мне тоже доверяли. Слышите?

Ага, кое-какие сдвиги все-таки происходят. Ну что ж. Пойдем дальше.

– На вокзале, – понизив голос, говорю я. – На одном вокзале.

Фу-у! Лед в ее глазах наконец-то растаял. Она улыбается и кивает головой.

– Вы его сегодня увидите? – деловито осведомляюсь я.

– Не знаю, – отвечает она уже спокойно и, кажется, вполне искренне. – Утром он ушел от Ляли и обещал ей звонить, – потом со знакомой мне плутовской улыбкой добавляет. – Она ему, между прочим, понравилась. Даже очень.

Я в ответ улыбаюсь тоже весьма игриво.

– И, конечно, что-нибудь оставил на память? – спрашиваю. – Я же знаю его широкую натуру.

– Оставил, оставил, – смеется Элеонора Михайловна. – Вы даже не догадаетесь что! Жора колоссальный оригинал.

– Ну все-таки? – допытываюсь я.

– Представьте, весьма миленькую шкатулку, и в ней какие-то странные раковины. Все вместе выглядит очень эффектно.

От этих ее слов у меня возникает легкое сердцебиение. Я тут же вспоминаю бородатого парня, палеонтолога. Ну вот, дорогой товарищ, теперь ты, надеюсь, поймешь нашу работу, в первом приближении, конечно, и, может быть, у тебя даже появится уважение к ней.

– А, ладно, – я небрежно машу рукой. – Самое главное, это то, что я увидел вас.

– Ненадолго, – кокетливо отвечает Элеонора Михайловна, поправляя бечевку на пакете. – Я очень спешу. Семен Парфентьевич, наверное, уже сердится. Он не любит, когда я опаздываю. А вы всегда так неожиданно появляетесь.

Теперь мы улыбаемся уже оба, прекрасно понимая друг друга. И я снисходительно соглашаюсь:

– Хорошо. Я потерплю до завтра.

– Да, да, до завтра.

И мы расстаемся.

Она садится в свой «Запорожец», и тот, урча, трогается с места. Элеонора Михайловна приветливо машет мне рукой. Я, улыбаясь, отвечаю. Потом смотрю на часы.

Время у меня еще есть. Я могу вернуться в отдел, предупредить Игоря, что билеты уже у меня. И еще успею заскочить домой переодеться и побриться.

Что ни говорите, концерт Райкина – это праздник. А к празднику надо готовиться.

Райкин – выдающийся актер. Мне, например, он напоминает Чаплина. Сквозь его смех так часто слышу слезы, сквозь юмор проступает злая сатира. Вы помните его монолог пьяницы в музее? Помните это торжество воинствующего невежества и хамства, над которым покаты-ваешься от смеха, но и выть хочется? «В греческом зале, в греческом зале...» У меня в ушах не утихает интонация Райкина, когда он злобно, издевательски произносит эти слова устами своего пьяного героя, передразнивающего старую хранительницу музея. И я невольно сжимаю кулаки, я не могу это спокойно слушать.

Мне рассказывали таксисты один удивительный эпизод. Однажды диспетчеру поступил вызов из Переделкина. Это такое место километров в двадцати от Москвы, где расположен писательский поселок и Дом творчества писателей, они там работают. Так вот, поступил оттуда вызов на такси поздно вечером, к тому же в проливной дождь. Диспетчер, понятно, отвечает, что за город он машины не высылает, да и не согласится ни один таксист ехать в такое время. И вдруг ему говорят, что машина нужна Райкину. Вы знаете, что тут поднялось? Все водители, которые только были в этот момент у диспетчерского пункта, заявили, что они едут. Увидеть Райкина!

И каждый раз, когда мне предстоит идти на концерт этого артиста, я иду как на праздник. Поэтому, когда я приезжаю к нам в отдел и с гордостью объявляю Игорю, что достал обещанные билеты, то в первый момент даже не замечаю, как странно посмотрел он на меня и каким странным голосом сказал:

– Тебя вызывает Кузьмич. Немедленно.

Но уже через миг ко мне возвращаются все мои заботы и тревоги. Я с беспокойством спрашиваю:

– В чем дело, ты не знаешь?

– Звонила Варвара.

– Что-о?!.

– Ну да. Мушанский назначил ей встречу.

– Здорово!

– Ничего здорового. Она отказывается идти.

– И не надо. Только бы знать, куда он придет. Мы и сами его встретим.

– Не на дурака напали. В общем, идем. Кузьмич тебя ждет.

Мы выходим в коридор.

Кузьмич действительно меня ждет и утюжит ладонью затылок, а это, как вы знаете, кое о чем свидетельствует.

– Где ты пропадаешь? – спрашивает.

Я докладываю о встрече с Элеонорой Михайловной.

– Неплохо, – чуть смягчаясь, говорит Кузьмич. – Лихо ты ее разыскал. Смекалка у тебя все-таки есть. Значит, он ночевал у той барышни? Так-так...

– Теперь у него пистолет, Федор Кузьмич, – напоминаю я.

– М-да... – задумчиво кивает Кузьмич. – И вообще он сильно изменился, как говорит эта Элеонора. Даже она его, видимо, побаивается теперь.

Игорь молча усмехается, а я вставляю:

– Что изменился, это мы и сами заметили.

– М-да... – Снова задумывается Кузьмич, потом неожиданно спрашивает. – На какой, ты говоришь, машине она ездит?

– «Запорожец», – отвечаю, не очень, однако, понимая, зачем это Кузьмичу понадобилось. – Желтый. Точнее, горчичный. Серии МОФ. – И называю номер машины.

Я все время сдерживаюсь, чтобы не спросить о звонке Варвары. Но вот Кузьмич и сам вспоминает о нем.

– Звонила твоя Варвара, – говорит он. – Мушанский ей свидание назначил. Но она идти отказывается. А без нее мы не обойдемся.

– Почему же не обойдемся, Федор Кузьмич? – запальчиво спрашиваю я. – Мы же его приметы знаем. Пусть только покажется.

– То-то и оно, что без нее он не покажется. На улице Горького свидание назначил, у «Березки». Народу там тьма. Если он ее не увидит, он не подойдет, вот и все. А увидеть он ее может откуда хочешь. Тут уж мы не уследим.

– Когда он ей встречу назначил? – спрашиваю я.

– Сегодня. В семь вечера. В это время у «Березки» светло как днем.

Мы с Игорем переглядываемся. Плакал наш концерт. Я еще со Светкой как-нибудь объяснюсь по этому поводу, а вот он с Алкой – навряд ли.

– Варвара еще на работе, – продолжает Кузьмич. – До шести. Надо тебе с ней поговорить. Его вон она и слушать не захотела, – он кивает на Игоря.

– А что она Мушанскому сказала?

– Что не может прийти, что брат к ней приехал.

– А он?

– «Придешь, – говорит, – я буду ждать». И трубку повесил.

– Наглец, – коротко произносит Игорь.

– А что тебе Варвара сказала? – спрашиваю я его. – Почему она идти не хочет?

– Она мне целую истерику по телефону закатила. Кипит злостью на него и боится, конечно, тоже.

Я смотрю на часы. Начало шестого. Я еще успею застать Варвару на фабрике.

– Постараюсь уговорить, – не очень уверенно обещаю я. – Сейчас поеду. Машину взять можно, Федор Кузьмич?

– Бери. Только сперва, на случай, если она придет на свидание, составим все-таки примерный план.

Операция по задержанию опасного преступника всегда дело непростое, как вы понимаете. Сейчас же она осложняется еще тем, что, во-первых, Мушанский оказался вооружен и, конечно, пустит оружие в ход в любой момент. Психологически он уже готов к этому. К тому же он обозлен, напуган. И тут жертвами могут оказаться не только наши сотрудники, им, как говорится, сам бог велел рисковать, но и случайные люди, прохожие, и этого уже ни в коем случае допустить нельзя. Вторая сложность как раз и заключается в том, что операцию придется проводить на улице, в центре города, в часы, когда там больше всего народу. А в такой сутолоке и скрыться легче, это тоже следовало учесть.

Словом, над этим «небольшим планом» мы дружно мудрим целых полчаса, пока я не вынужден уехать. Кузьмич вместе с Игорем и Валею Денисовым остаются мудрить дальше. Я, таким образом, знаю план лишь в самых общих чертах.

К воротам фабрики я примчался минут за пять до окончания смены. Шофера я прошу завезти на обратном пути Светке два билета на концерт и пишу ей короткую записку, после чего направляюсь к проходной.

По моему удостоверению меня, конечно, пропускают мгновенно, даже с некоторым почтением, смешанным с любопытством и чуть-чуть с испугом. Я уже к этому привык. Наша «фирма» неизменно вызывает у людей такой «букет» эмоций.

Очутившись в большом, слабо освещенном и безлюдном дворе, я оглядываюсь. По сторонам тянутся длинные двухэтажные корпуса фабрики. Из широких окон льется во двор яркий неоновый свет. Дальше темнеют глухие, без окон, одноэтажные строения. Над дверями одиноко горят охранные красные лампочки. Это, наверное, склады.

Во дворе людей почти не видно, смена еще не закончилась. Только изредка кто-то пробегает из цеха в цех, накинув на плечи пальто. Я останавливаю какую-то женщину и спрашиваю, как пройти в швейный цех. Она машет мне рукой, указывая путь, и бежит дальше. Ей холодно, она и спешит.

А я направляюсь к одному из корпусов. Мне надо увидеть Варвару. Но своим удостоверением я пользоваться сейчас не хочу. Это может Варваре повредить. Почему вдруг ею интересуется уголовный розыск? Лучше всего подождать, пока кончится смена.

И я терпеливо прохаживаюсь по двору возле двери, ведущей в швейный цех. Вечный мой враг, ветер, ледяной, порывистый, и тут не оставляет меня в покое, налетает из темноты, лезет под пальто. Но сейчас я не замечаю ветра. Я думаю о Варваре. Через несколько минут

она появится. Что я ей скажу? Как ее уговорить пойти на встречу с Мушанским? Тем более, что я и сам прекрасно понимаю, как ей противно и страшно. Нет, ее надо не уговаривать, не упрашивать, ей надо доказать необходимость этой встречи. Ей противен и страшен Мушанский? Но что это в сравнении с тем горем, с той бедой, которые он принес другим людям и еще принесет, если останется на свободе? Словом, в Варваре надо разбудить в принципе те же чувства, которые движут и нами. Ей противно и страшно? А нам? Нам, думаете, не противно, а иной раз не страшно?

От всех этих высоких мыслей меня отрывают пронзительные, слышные даже во дворе звонки. Смена окончена.

И вскоре двор наполняется людьми. Это главным образом женщины. Пожилые, усталые и молчаливые, с сумками в руках – по дороге домой они еще настоятся в очередях, и совсем юные, беззаботно щебечущие... Мелькают лица в квадрате яркого света возле двери и тут же исчезают в сгустившейся темноте двора.

Я напряженно всматриваюсь, боясь пропустить Варвару. Сам я стою в тени, меня никто не замечает. Но вот появляется и Варвара. Она идет одна, лицо у нее хмурое и встревоженное.

– Варя, – негромко окликаю я.

Она стремительно оглядывается, в глазах у нее испуг. Я делаю приветственный жест рукой. Варвара подходит и тут только узнает меня.

– А-а, пожаловали, – враждебно говорит она. – Уговаривать будете? Все равно не пойду. Чтoб он провалился, дьявол.

И огромные глаза ее при этом так сверкают, что я даже в темноте вижу, сколько в них ярости. Она, наверное, еще казнит себя за тот случай.

– Варя, – говорю я как можно спокойнее, – никто вас не может заставить, и уговаривать я вас тоже не буду. Пойдемте. Я только вам кое-что расскажу по дороге.

– Знаю я ваши рассказы, – сердито отвечает Варвара.

Но, тем не менее, слушать она не отказывается.

Мы выходим через проходную на улицу.

Я начинаю ей рассказывать о Мушанском, как он обокрал одного, другого, третьего человека, как он обокрал ту седую актрису, и как она одиноко плакала у себя в номере. Наконец, как он чуть не убил горничную. Я даже рассказываю, как мы ждали его на вокзале и как он ускользнул от нас. Я все ей рассказываю, причем с такой искренней злостью и досадой, что Варвара, у которой своей злости хоть отбавляй, наконец бросает мне:

– Вам бы только его поймать, а я для вас копейка разменная.

– Эх, – говорю я, вздохнув, – ничего-то вы не поняли.

Некоторое время мы идем молча. Потом Варвара вдруг говорит, словно отвечая на какие-то свои мысли:

– Все поняла, не дурочка.

И снова мы молчим. Я с беспокойством жду, что она еще скажет. Мне самому ей больше сказать нечего. И украдкой смотрю на часы. Половина седьмого.

– «Приходи», говорит, – зло бормочет Варвара. – «Братец твой обождет», видишь ли. Втюрился, зараза. А мне он нужен, как...

– Варя, – неожиданно говорю я. – Хотите я буду вашим братом, и мы пойдем вместе? Вы нас познакомите.

Она останавливается и поднимает на меня глаза.

– Братом? – переспрашивает она и прыскает от смеха. – Да вы что?

– А что? – говорю я и выпячиваю грудь. – Чем я не брат?

– Нет, вы все-таки того, – уже задорно говорит она и крутит пальцем возле виска.

Я вижу, что моя идея ей, однако, все больше нравится.

– Значит, мы с вами, во-первых, переходим на «ты», – торжественно объявляю я. – Вторых, как меня зовут, скажите?

– Олег, – она снова прыскает. – Только вы очень уж длинный.

– Ну не беда, – говорю я. – Поехали. Вы... ты согласна?

И невольно улыбаюсь. Беспашабая, рискованная ее натура наконец берет верх над всеми страхами и колебаниями. И она улыбается мне в ответ.

– Что ж поделаешь. Поехали... Олешка.

Но предварительно я заскакиваю в первый попавшийся телефон-автомат и докладываю все Кузьмичу. Тот, нисколько, по-видимому, не удивившись изменению ситуации, коротко говорит:

– Поезжайте. Наши уже там. Брать будут по твоему сигналу, раз такое дело. Учти. Сейчас им по радиации все передадут.

– Кто возглавляет группу?

– Откаленко.

Я вешаю трубку. Порядок. Если Игорь, то я спокоен. Я привык и люблю работать с ним. А психологическая совместимость в нашей работе вообще и особенно в такого рода операциях далеко не последнее дело.

У нас с Варварой остается минут пятнадцать. Если сразу поймать такси, то мы успеваем. Но его нет. Мимо проносятся машины. Неожиданно под ветровым стеклом одной из них мелькнул зеленый фонарик. Я кидаюсь было к ней, но машина и не думает останавливаться. Через минуту проехала еще одна машина такси, тоже свободная, и тоже не останавливается, как ни машу я ей рукой.

Но тут перед нами неожиданно возникает черная «Волга». Я машинально отмечаю: серия МОК. Служебная. Парень, видимо, решил подработать. Мы садимся.

Машина проносится по улице, потом по другой, по третьей, вылетает в центр, и, обогнув Манежную площадь и гостиницу «Москва», мы оказываемся на улице Горького. Недалеко от магазина «Березка» я прошу остановиться.

Широкий тротуар полон прохожих. На мостовой возле него выстроились машины, много машин, свободных мест между ними почти нет. Но нашей я не вижу, как, впрочем, не вижу и ребят из группы Игоря. Хотя они здесь, я уверен, и нас они уже засекли. Только так, кстати, у нас и можно работать: верить в товарища и заслужить, чтобы верили тебе.

Я стою спиной к витрине и лицом к улице. Так надо. Я должен увидеть Мушанского раньше, чем он увидит Варвару. Проходит минут десять напряженного ожидания, и вдруг...

Вот из таких «вдруг» тоже складывается наша работа. Это еще одна ее специфика. Потому что просто немисливо все предусмотреть.

Так происходит и сейчас.

Я вижу, как к «Березке» медленно подъезжает горчичного цвета «Запорожец». Элеонора Михайловна сидит за рулем. Спутника ее мне видно плохо, но я ни на минуту не сомневаюсь, что это Мушанский. Как же я влип!

«Запорожец» останавливается, потом чуть разворачивается и задом подается к тротуару, протискиваясь между двумя соседними машинами. Я еще надеюсь, что выйдет один Мушанский. Но не тут-то было. Выходят оба. Все. Горю. И что самое главное, здесь его брать невозможно. Правая рука его в кармане. Там пистолет. И он будет стрелять мгновенно, прямо через пальто.

Теперь я узнаю Мушанского. Он точно такой, каким мы его и представляли. И я бы узнал его из тысячи других. Невысокий, стройный, смуглолицый, сросшиеся черные брови, огромные глаза, коричневая шляпа, модное пальто. Вот он какой, этот артист.

Не отходя от машины, он оглядывается, придерживая Элеонору Михайловну за локоть. Он ищет Варвару. Сейчас он ее увидит. И меня тоже.

Я отворачиваюсь к витрине и торопливо говорю Варваре:

– Он приехал. С ним женщина, которая меня знает. Она привезла его на своей машине. Я на минуту отойду. Ты скажи, что должна дожждаться брата. И как только она уедет, я появлюсь.

От волнения я уже без всяких затруднений говорю Варваре «ты».

– Иди, – коротко отвечает она. – Буду ждать.

Я делаю шаг в сторону и исчезаю в толпе прохожих. Уже невидимый с того места, где находятся Мушанский и Элеонора Михайловна, я наблюдаю за ними.

Варвара продолжает созерцать роскошную витрину «Березки». Рядом с ней останавливаются две женщины, одна из них очень полная, в очках, потом какой-то мужчина. Я вижу, как Мушанский нетерпеливо и настороженно шарит глазами по лицам прохожих. Правая рука по-прежнему в кармане. Неужели он будет стрелять?

Но вот Мушанский увидел, наконец, Варвару и, что-то сказав Элеоноре Михайловне, решительно направляется к витрине «Березки». Элеонора следует за ним, немного встревоженная, немного озадаченная. Ясно, что у Мушанского тоже есть план. Сейчас столкнутся два плана. Пока что инициатива у него в руках, и мы должны будем перестраиваться на ходу.

Я тоже незаметно приближаюсь к витрине. От Варвары меня теперь отделяет лишь полная женщина в очках, и я молю бога, чтобы она подольше рассматривала выставленные в витрине безделушки. За этой женщиной я чувствую себя в полной безопасности и, чуть наклонившись вперед, к витрине, отлично слышу, что говорит Варвара.

– ...не могу, – говорит она Мушанскому. – Сначала я должна брата дожждаться... – и неожиданно добавляет. – Ключ ему отдать.

Мушанский беззаботным тоном спрашивает:

– Так он у вас остановился?

– Два дня только и прожил, – с усмешкой отвечает Варвара. – А сегодня к товарищу решил перейти.

Только я понимаю, как нелегко дается ей эта усмешка. Но какой же она молодец с этим ключом! Она оставляет ему надежду, она привязывает его к себе и, значит, ко мне.

– Когда же он придет? – недовольно спрашивает Мушанский, поглядывая на часы.

– Михаил Семенович, нам надо торопиться, – неожиданно вмешивается в разговор Элеонора Михайловна, называя Мушанского именем, под которым он представился Варваре.

– Знаю, – раздраженно отвечает тот и вдруг спохватывается: – Да, я вас не познакомил. Ну, это Варя. А это Нина, жена моего хорошего друга. Она подвезет нас сейчас куда надо. Правда, Ниночка?

– Если Варин брат не очень задержится. Ты же знаешь...

Эх, если бы этим братом был не я, а кто-то другой. Он мог бы уже подойти, и мы все наконец убрались бы отсюда. Любое место для задержания лучше, чем это. Но сейчас уже ничего не поделаешь.

В этот момент кто-то останавливается рядом со мной, и я слышу тихий шепот у самого уха:

– Что случилось?

Это Игорь.

Я так же тихо, не поворачивая головы, коротко обрисовываю сложившуюся ситуацию.

Мы научились удивительно здорово разговаривать друг с другом таким способом. Со стороны невозможно даже представить, что люди ведут какой-то разговор, что они вообще знают друг друга. У нас совершенно равнодушные лица, мы смотрим в разные стороны, и губы наши почти не шевелятся.

– ...Так что придется подождать, – со вздохом заканчиваю я.

Игорь некоторое время молчит, что-то, видимо, соображая про себя. Потом неожиданно говорит:

– Ждать не будем.

И излагает мне свой план.

Мы быстро обо всем уславливаемся, понимая друг друга с полуслова, и я могу остаться на месте, благо полная женщина в очках буквально прилипла к витрине, и послушать, что произойдет дальше. Моя роль кончилась.

Игорь между тем исчезает в толпе и через несколько минут уже с другой стороны неуверенно подходит к Варваре. Та смотрит на него с удивлением. Мушанский мгновенно настораживается, и я почти физически ощущаю, как правая рука его вцепляется в пистолет. Во взгляде Элеоноры Михайловны, по-моему, больше любопытства, чем испуга.

– Простите, – смущенно говорит Игорь. – Не вы сестра Олега? Он прийти к вам должен был.

– Я, – отвечает Варвара и невольно спрашивает: – А что случилось?

Тревога на ее лице появляется, как мне кажется, с некоторым опозданием. К счастью, Мушанскому сейчас не до нее, он в упор смотрит на Игоря.

– Да ничего такого, – мнется Игорь. – Вы вроде ключ должны были отдать ему?

– Ну, должна была, а дальше что? – спрашивает Варвара.

Настороженность и беспокойство ее вполне естественны и подозрений у Мушанского вызвать не могут.

– Так вот, он меня за ключом прислал.

– Еще чего! – сердито отвечает Варвара. – Сам-то он где?

Я чувствую, что она уже вошла в роль, ее задиристый, бесшабашный нрав уже дает себя знать.

Игорь совсем уже смущенно сообщает:

– Дело такое. Выпил он маленько лишнего в одной стекляшке. Мы там чуток посидели. Ну и вот... извиняюсь, уходить теперь ему оттуда... Ну как бы сказать, тяжело. Ключ вот требует...

Я чувствую, как сдерживается Варвара, чтобы не расхохотаться, как она умеет. Но голос ее звучит гневно:

– Я ему дам ключ! Я еще матери напишу. И... жене, – добавляет она для большей убедительности. – Свалился тут на мою голову!

– Ну, это уж совсем не надо, – огорчается Игорь. – Он же ценный парень. Ну, такой случай. С кем не бывает, а? – И он смотрит на Мушанского, словно ища его поддержки.

Тот пожимает плечами.

– Я его враз к себе увезу, – приободряется Игорь. – Мне только из стекляшки его вытащить. Если бы, конечно, вы помогли...

– Ну как же я могу помочь? – растерянно говорит Варвара и тоже смотрит на Мушанского.

Тот все чаще оглядывается по сторонам. Задерживаться здесь, в центре, ему опасно, это он понимает, и нервы у него натянуты до предела.

– Где находится эта ваша стекляшка? – раздраженно спрашивает он, по-прежнему не вынимая правую руку из кармана, она словно приросла у него там.

– Да совсем близко... совсем... просто рядом, – суется Игорь и вдруг оборачивается к Элеоноре Михайловне. – И вы небось знаете. Ну, точно знаете.

И тут меня прямо-таки сражает одна деталь во всей этой сцене. Элеонора Михайловна неожиданно морщится и с отвращением говорит:

– Вы, я вижу, тоже порядком глотнули.

Это Игорь-то! Минуту назад трезвый как стеклышко. От неожиданности я чуть не бодаю головой витрину «Березки».

– Так где эта самая стекляшка? – нетерпеливо повторяет свой вопрос Мушанский.

– Да тут... – сбивчиво продолжает Игорь. – Рядом. У Сандунов.

– Это где такое? – Мушанский поворачивается к Элеоноре.

– Сандуновские бани. Действительно недалеко.

– Ладно, – решает Мушанский и снова незаметно оглядывается. – Подъедем туда, вывончьем этого братца, и вы его на такси везете к себе, договорились? – обращается он к Игорю. Тот, взмахнув рукой, прижимает ее к груди.

– Точно, точно, – захлебываясь, говорит он. – Вещички его заберем, и айда.

А я краем глаза замечаю, как после этого взмаха рукой из длинного ряда машин у тротуара неожиданно выползает знакомая «Волга» и, набирая скорость, уходит в сторону площади Пушкина.

Между тем Варвара, Игорь, Мушанский и Элеонора Михайловна направляются к стоящему невдалеке «Запорожцу».

Кто-то трогает меня за плечо.

– Пошли, – шепчет Валя Денисов. – У нас тут еще машина.

Когда мы садимся, я, не удержавшись, спрашиваю:

– Где Откаленко успел хлебнуть?

Валя в ответ беззвучно смеется, а Петя Шухмин самодовольно поясняет:

– У меня тут рядом в ресторане приятель администратором работает. В момент все сообразил. Игорь рот ополоснул, и порядок.

Где только у этого Петьки нет приятелей! Просто фантастика какая-то.

Мы медленно движемся в потоке машин, не выпуская из вида желтый «Запорожец». На площади Пушкина мы поворачиваем и спускаемся вдоль бульвара до Трубной, там огибаем сквер, и вот уже перед нами полутемный, круто карабкающийся вверх узкий переулок.

До этого места Мушанский никоим образом не мог нас заметить среди других машин. Здесь же, в переулке, следовать за «Запорожцем» опасно. Мы останавливаемся перед поворотом в переулок. Впереди тускло светятся прозрачные стены какого-то закусочного павильона. Возле него темнеет машина. «Запорожец» медленно приближается к ней. Мы с Валей бежим вверх по переулку, оставив Петю Шухмина на углу. Он должен держать зрительную связь с нами и с оставленной за углом машиной.

Я вижу, как «Запорожец» тормозит возле закусочной. Нам остается до него метров сорок. Вот вылезает Варвара, за ней Игорь... и все. Мушанский остается в машине.

Все осложняется. Его, видимо, оттуда не выманишь. И оттуда он может открыть стрельбу. И попытаться удрать на машине он тоже может. Ведь Элеонора Михайловна осталась за рулем.

Мы на бегу переглядываемся с Валей.

– Плохо, – говорю я.

Он кивает в ответ.

Мы видим, как Игорь нагибается к опущенному стеклу машины. Наверное, он просит Мушанского помочь вывести подгулявшего братца из закусочной. Но тот отказывается, безусловно, отказывается, и Игорь оборачивается к Варваре. Он явно тянет время и соображает, как поступить. В соседней машине наши, но им нельзя показываться, нельзя в такой невыгодной ситуации броситься к «Запорожцу». Мушанский немедленно откроет стрельбу.

Игорь совершил ошибку. Ему следовало там же, в машине, навалиться на правую руку Мушанского, не дать ему выстрелить. И тут же подскочили бы ребята. Но Игорь, вероятно, боялся. Не за себя, конечно. Он боялся за женщин. Случайный выстрел, и кто знает, что бы он принес... Но теперь уже поздно думать об этом. Сейчас дорога каждая секунда.

Мы с Валей уже совсем близко.

И тут я решаюсь. Я знаю, все внимание Мушанского сейчас сосредоточено на Игоре и Варваре. Я подхожу с другой стороны, где за рулем сидит Элеонора Михайловна. Остановившись в двух шагах от машины и чуть-чуть сзади, так, что Мушанский меня не может уви-

деть, приветственно машу рукой. Элеонора Михайловна сразу замечает меня, открывает свою дверцу и торопливо выбирается из машины. В волнении она даже хватается за руку.

– Виталик! Опять чудо? Но это просто счастье, что вы тут. Мы попали в дурацкую историю. Жора просто взбешен.

– Разве он здесь? – удивленно спрашиваю я.

– Ну да. Он в машине. Идите к нему.

Я отстраняю ее и, не задумываясь, кидаюсь через открытую дверцу в темное, пахнущее кожей нутро машины.

Все происходит так стремительно и неожиданно, что Мушанский не успевает даже повернуть голову. Я перелетаю через спинку переднего сиденья и наваливаюсь на него. Левая рука Мушанского оказывается подмятой, а правую я хватаю и успеваю вывернуть так, что теперь он может стрелять только в самого себя.

Мушанский оказывается совсем не таким хлипким, он пытается скинуть меня, и я чувствую, что одной рукой не удержу его. Но в машине уже оказывается Игорь. Теперь легче. Моя рука проникает в карман Мушанского, я почти автоматически нащупываю нужное место на его запястье, и судорожно сжатые пальцы его слабеют. Я перехватываю пистолет. Снаружи кричит что-то Элеонора Михайловна.

Мушанский оглушен всем случившимся и не сразу приходит в себя. Его не очень любезно выволакивают на тротуар. Он изо всех сил сопротивляется, не в состоянии, видимо, сообразить, что все это уже бесполезно. На разъяренном его лице сверкают глаза, он рычит, отбивается, пробует даже кусаться. Его с трудом удерживают двое наших ребят. Рядом стоит и рыдает Элеонора Михайловна.

Снизу подползает вторая наша машина.

Игорь уже успевает связаться по радио с Кузьмичом и докладывает о завершении операции. Получен приказ доставить в отдел не только Мушанского, но и Элеонору Михайловну, Варя тоже едет с нами. Она притихла и выглядит испуганной.

Кузьмич сообщает, что дал приказ об аресте Худыша и обыске в его квартире. Это осуществит группа наблюдения. У них уже с утра на руках ордер прокурора. Осторожный Семен Парфентьевич, наверное, и сам не подозревает, сколько краденых вещей осело у него в доме. Ведь подарки супруге он за таковые не считает, и знаменитый ключ по-прежнему висит на стене.

Я сажусь в машину, куда заталкивают Мушанского. Очутившись на заднем сиденье между Петей Шухминым и еще одним сотрудником, он затихает. Петя в таких случаях всегда производит должное впечатление на задержанных.

Игорь с Варей садятся во вторую машину. Элеонора Михайловна оказывается в своей, впервые, наверное, совершая на ней путь в качестве пассажира. Она совершенно ошеломлена всем случившимся и почему-то беспрерывно спрашивает у всех: «Где Виталик?».

Итак, мы свою часть дела выполнили. Мы нашли и задержали Мушанского, обнаружили его связи, собрали и закрепили первые улики. Теперь дело за следователем. А там и суд.

Я удовлетворенно вздыхаю, прислушиваясь к тишине за моей спиной, и даже начинаю понемногу задумываться над всякими текущими делами. Все вполне естественно. Ведь не мог же я себе представить в тот момент, что раскроется на первом же допросе Мушанского.

Машины одна за другой въезжают во двор. Первым мы выводим Мушанского, поднимаемся с ним на второй этаж и оставляем в моей комнате в обществе Пети Шухмина и еще одного сотрудника.

В соседнюю комнату очень вежливо просят пройти Элеонору Михайловну. Она уже пришла в себя, кокетливо поглядывает на сотрудников, даже пытается шутить. Меня она демонстративно не замечает. Главным объектом ее внимания становится Валя Денисов. Он кажется Элеоноре Михайловне наиболее доступным для ее чар. Она бросает на него вырази-

тельные взгляды, томно вздыхает и всем видом своим дает понять, как несправедливо с ней обошлись, и как она будет признательна за сочувствие и помощь. Валя стоически выдерживает натиск. Он даже соглашается побыть с Элеонорой Михайловной, пока мы с Игорем идем на доклад к Кузьмичу.

Тот встречает нас спокойно, даже как-то буднично.

– Ну, молодцы, – говорит он. – Мушанского допросим завтра утром. Элеонору эту самую можно сейчас. Но кто-нибудь другой, не вы. И пусть себе домой отправляется. Как только закончат там обыск и привезут муженька. Этот гусь у нас останется. Санкция на его арест получена.

– А Варя? – спрашиваю я.

– Варю отвези домой. Спасибо от всех нас скажи. Пригласим ее, когда потребуется.

– Мне что делать, Федор Кузьмич? – спрашивает Игорь.

– Тебе? – Кузьмич чуть заметно усмехается. – Отправляйся-ка домой. Что-то водочкой от тебя пахнет. Как бы твоя Алла чего не подумала.

И только сейчас мы с Игорем вспоминаем про концерт, на который мы уже, правда, опоздали. Взгляды наши на секунду встречаются, и мы почти одновременно встаем.

– Разрешите идти? – спрашивает Игорь.

– Давайте.

Но Кузьмич сказал мне «отвези», поэтому я отваживаюсь попросить машину, она нам с Игорем очень пригодится сейчас.

– Бери, – разрешает Кузьмич.

Все складывается как нельзя лучше. Мы завозим Варвару домой, усталую, довольную, страшно гордую ролью, которая выпала ей во всей этой операции. Мы по очереди крепко жмем ей на прощанье руку и мчимся в театр.

Там уже заканчивается первое отделение концерта. В зал нас не пускают, и мы отправляемся в буфет. Берем по бутылке пива и гору бутербродов. Голодны мы оба зверски. Но тут я соображаю, что сейчас начнется антракт, и предусмотрительно беру еще бутылку фруктовой воды и пирожные. Игорь вполне одобряет эту акцию и, в свою очередь, покупает еще плитку шоколада. Он озабочен встречей с Аллой после утреннего конфликта. Его опоздание на концерт еще больше усугубляет ситуацию. Я его прекрасно понимаю.

– Можешь быть спокоен, – говорю я ему. – С ней все-таки как-никак Светка.

В ответ Игорь только пожимает плечами.

Мы успеваем съесть лишь по два бутерброда, как начинается антракт. Из зала валит народ, наиболее нетерпеливые уже бегут к буфету, и там мгновенно возникает очередь. Игорь остается за столиком, а меня делегирует встречать дам. Это, кстати, непростая задача – найти их в такой толпе.

Но вот, наконец, я их замечаю в кружащем по фойе бесконечном людском хороводе. Точнее, я вижу только светлую, чуть растрепанную голову Светки и рядом высоко взбитую, отливающую бронзой аккуратную прическу Аллы.

Я пробираюсь к ним.

Они весело о чем-то беседуют. Собственно, говорит Светка, а Алла, по-моему, только улыбается, статная, белозубая, с черными живыми глазами на смуглом лице. Красавица, да и только. А вот Светку я не могу описать, это что-то такое дорогое и близкое, что я не подберу слов.

Светка первая замечает меня.

– Витик! – радостно кричит она, притягивает меня за шею к себе и целует в щеку.

Я несколько смущенно принимаю ее поцелуй. Светка ужасно непосредственная, но все получается у нее так просто и мило, что ее ни в чем нельзя упрекнуть. И мне, признаться, очень приятны и ее радость при виде меня, и ее поцелуй.

– А ты чего меня не целуешь? – спрашиваю Аллу.

– А чем ты это заслужил? – улыбается она.

– Может, я твоего Игоря сегодня спас?

– Как так «спас»? – улыбка мгновенно исчезает с ее лица, и в черных глазах уже тревога. Мне становится стыдно. С нашими женами так шутить нельзя, это слишком жестоко.

– Ну, ну, – говорю я. – Все как раз наоборот. Спас меня он от взбучки. Кое-что я не сумел предвидеть. В общем, пустяки.

– А где же он, твой спаситель? – спрашивает Светка.

– Пошли, – говорю. – Он там, в буфете. Мы приготовились к встрече на должном уровне. И мы направляемся в буфет.

При виде горы бутербродов на нашем столе Светка в ужасе всплескивает руками.

– Боже мой! Вы собираетесь просидеть здесь весь концерт?

– Не беспокойся, – говорю я. – Это все нам сейчас на один зуб.

Неожиданно Игорь вытаскивает из-под столика бутылку сухого вина и невозмутимо разливает его по стаканам.

Я смотрю на него с восхищением. Светка радостно хлопает в ладоши. И даже Алла улыбается. Но тут я прихожу в себя и беру инициативу в свои руки.

– Дамы и господа, – говорю я торжественно, – прошу поднять ваши бокалы. У нас сегодня маленький праздник, признаюсь вам. Мы наконец задержали одного весьма опасного человека, и больше он никому не принесет беды. Так что мы герои сегодня, мы молодцы, что бы там начальство ни говорило.

– За героев, которых мы любим, – объявляет Светка и смеется.

Алла смотрит на своего Игоря, и тот хмуро отводит глаза.

– Красиво научился говорить, – бормочет он.

После вина мы с Игорем уже без всяких церемоний накидываемся на бутерброды. Светка и Алла деликатно откусывают свои пирожные и сочувственно поглядывают на нас. К концу антракта с бутербродами покончено. Мы направляемся в зал.

И вот Райкин. Изящный, седой, обаятельный Райкин. Мы со Светкой то хохочем как сумасшедшие, то затихаем от горько вдруг защемившей какой-то струнки в душе. И с нами вместе хохочет и затихает весь огромный зал.

Райкин меняет маски, Райкин перевоплощается. Мужчины и женщины, старые и молодые! Типы! Типы проходят перед нами. Одним мы дружески улыбаемся, над другими смеемся, третьих... третьих мы ненавидим!

Концерт кончается.

Мы выходим из театра и по дороге наперебой вспоминаем то одну сценку, то другую, то какую-то реплику, то интонацию или жест артиста.

– Здорово, что мы пошли, – говорит Игорь.

– Виталию спасибо, – добавляет Алла. – И Свете.

О, она вдвойне довольна, стоит только посмотреть на ее физиономию. И я подмигиваю Светке. Она, конечно, тоже все понимает.

Мы прощаемся. Чета Откаленко должна здесь погрузиться в троллейбус. А мы со Светкой идем пешком. Идем и идем по бесконечным улицам, взявшись за руки. Нам хорошо, лучше всех!

И когда я прощаюсь со Светкой, обнимаю и целую ее на площадке, возле двери ее квартиры, у меня вдруг срывается:

– Светка, декабрь – это слишком долго, понимаешь?

Она молча кивает головой и утыкается мне в грудь.

Утром в кабинет к Кузьмичу вводят Мушанского.

Первый допрос. Мы с Игорем присутствуем на нем тоже.

Да, он здорово полинял за ночь, этот артист. Черные с проседью волосы зачесаны небрежно, большие выразительные глаза сейчас смотрят тускло и настороженно, рот плотно сжат, и губ не видно. На его щеках и подбородке проступила седоватая щетина. Костюм измят. Но держится Мушанский пока что спокойно, даже чуть презрительно.

– Садитесь, – тоже очень спокойно говорит Кузьмич. – Кроме протокола, – предупреждает он, – запись ведет магнитофон.

– Техническая революция, – усмехается Мушанский. – И у вас тоже, оказывается. Поздравляю.

И он отвечает шутовской поклон.

– А паясничать не советую, – предупреждает Кузьмич. – И для начала назовите вашу фамилию, имя.

– Кротков Георгий...

Но Кузьмич обрывает его:

– Не надо. Не надо называть все семь фамилий. Достаточно будет только одной, первой.

Тон у Кузьмича буднично-спокойный, без тени раздражения, он скорее дает совет, чем приказывает. Мушанский несколько мгновений пристально, не мигая, смотрит на него, потом отрывисто спрашивает:

– А все семь вас не интересуют?

– Нет, – отвечает Кузьмич. – Надо, чтобы на этот раз вас судили под настоящей фамилией.

В последний раз, я надеюсь.

– Это почему же в последний? – настораживается Мушанский.

– Так я надеюсь.

– Почему вы так надеетесь?! – срывается на крик Мушанский. – Почему, я вас спрашиваю?!

О, как расшатались у него нервы, как он боится этого нового суда, где он будет фигурировать не только как вор, но, может быть, и как убийца! Кузьмич, однако, и бровью не ведет.

– Спрашивать буду я, – спокойно произносит он. – Только я. А вы будете отвечать. При чем правду. Вранье не пройдет, предупреждаю. Итак, ваша настоящая фамилия?

– Ну, извольте, Мушанский! Георгий Филиппович!

– Вот это другое дело, – невозмутимо соглашается Кузьмич. – Пойдем дальше. Где и когда родились, где учились?

Мушанский продолжает говорить правду. Это приносит ему даже некоторое облегчение. Исчезает напряженность, он перекидывает ногу на ногу, просит закурить.

– Так, значит, артистом стали, – констатирует Кузьмич. – И первая кража у вас была где, у кого?

– В Пензе, – небрежно отвечает Мушанский, изящно потягивая сигарету. – У главного режиссера театра. Редкая скотина был, я вам доложу. И бездарен к тому же чудо-овищно! Это, между нами говоря, в большинстве театров так. Бездари, карьеристы прут вверх. А настоящий, подлинный талант, он всегда незащищен. Его топчут, мнут, – он театрально вздыхает и проводит рукой по лбу. – Я это не мог вынести. Я их всех презирал, ненавидел. И страдал. О, как я страдал! Если кто-нибудь когда-нибудь на свете...

Голос его окреп, завибрировал, глаза вдохновенно заблестели. Мушанский все больше входит в роль страдальца и непризнанного гения. Но Кузьмич довольно бесцеремонно обрывает его.

– Это все потом, – он решительно прихлопывает ладонью по столу. – Насчет страданий. Займемся пока вашими преступлениями. И не старыми, а последними. Кстати, раньше вы между очередными арестами все-таки работали в театрах, а потом перестали. Это почему так, а?

– Я убедился в людской зависти и злобе, – с пафосом отвечает Мушанский. – О, если бы хоть где-нибудь меня оценили. Хоть где-нибудь. Но нет! И мой талант погибал в отчаянной, неравной борьбе. Вам это не понять. Вам не понять душу артиста! Вы...

– Ну почему же не понять, – спокойно возражает Кузьмич. – Нам всякие души приходится понимать. Пойдем и вашу.

Интересно, неужели Мушанский искренне считает, что кто-то погубил его выдающийся талант, или это зависть, обычная зависть человека, сознающего свою бездарность? В жизни встречаются, как вы знаете, оба варианта. Но есть и третий. Разглагольствования о загубленном таланте нужны только для прикрытия, а о чужой, притом всеобщей безнравственности – для оправдания своей. Мелкой, пакостной душонке без этого невозможно существовать.

– Ладно, – говорит между тем Кузьмич. – Хватит насчет театра и таланта. Теперь вопрос по другой линии. Раньше вы занимались квартирными кражами, так?

– Допустим, – снисходительно соглашается Мушанский.

– Почему вы теперь занялись кражами в гостиницах?

– Я?.. – очень естественно удивляется Мушанский. – Вы меня с кем-то путаете.

– Может быть, с Жорой Кротковым? – усмехается Кузьмич. – Супруги Худыш уверены, что вы Кротков.

– Неостроумно, – сухо отрезает Мушанский.

У него заметно портится настроение.

– А разве остроумно отрицать то, что мы уже знаем? – спрашивает Кузьмич. – Вы должны были бы это сразу понять.

– Ничего я не желаю понимать, – с вызовом отвечает Мушанский. – Повторяю, вы меня с кем-то путаете.

– Нет, мы вас ни с кем не путаем, – Кузьмич качает головой. – Вас опознают работники всех московских гостиниц, где вы побывали. А потом мы отвезем вас в Ленинград и Харьков. Там вас тоже опознают, будьте уверены. У вас очень запоминающаяся внешность. И преступления тоже. Особенно последнее.

Я замечая, как у Мушанского начинают нервно подергиваться уголки рта.

– Да-а, – невозмутимо продолжает Кузьмич. – Последний раз вы пошли на убийство. А потом у вас появился и пистолет.

– Толпа! – со злостью кричит Мушанский. – Толпа может довести личность до крайних мер самозащиты. И тогда личность берется за оружие! Понятно вам это?!

– Ну, если каждая личность будет браться за оружие, – говорит Кузьмич, – что получится?

– Я говорю не о каждой личности, – Мушанский презрительно пожимает плечами. – Я говорю о личности с большой буквы.

– Большая буква начинает слово, которое требует уважения, – говорит Кузьмич спокойно. – Имя каждого человека пишется с большой буквы. Но можно лишиться уважения и остаться только с большой буквы.

– Чьего уважения, разрешите узнать? – иронически осведомляется Мушанский.

– Людей. Больше ждать уважения не от кого.

Мушанский пожимает плечами, всем видом своим демонстрируя глубочайшее презрение.

– Ладно, – говорит Кузьмич, – хватит кривляться. Пока что вы вор, Мушанский. Самый обыкновенный вор. И это слово никогда еще не писалось с большой буквы... как и слово «убийца».

– Я не убийца!.. – кричит Мушанский и стучит кулаком по столу.

– Мы еще дойдем до этого эпизода. А пока что вы признаете шесть краж по Москве?

Мушанский резко поправляет:

– Пять!

– Какие же пять вы признаете? – спокойно осведомляется Кузьмич.

Мушанский торопливо перечисляет первые пять краж. Это он «берет на себя». Детсья тут некуда, он понимает. Но почему он «не берет» шестую? Конечно, там еще и попытка убийства. Но ведь деться от нее тоже некуда.

Все это, видимо, понимает и Кузьмич.

– А шестая? – спрашивает он.

– Шестой не было, – решительно заявляет Мушанский.

И тут я вспоминаю исчезнувшего жильца того «люкса». Вспоминаю, что мы так и не знаем, что взял в этом «люксе» Мушанский. И вменить ему ту кражу пока невозможно. Но откуда это может знать Мушанский?

– Вы были в той, шестой гостинице, – говорит Кузьмич. – Вас там видели и запомнили. Хорошо запомнили. Вы там впервые решились на убийство.

– Это не убийство!.. Я не хотел убивать!.. – снова кричит Мушанский, и в больших черных глазах его мелькает страх. – Это просто... самозащита, если угодно!.. Я не хотел! Не хотел, понятно вам?!

– Ладно, – говорит Кузьмич. – Всем этим займется следователь. Мне вы скажите только вот что: какие вещи вы взяли в шестой гостинице, в том самом «люксе», где вы напали на женщину? Вы же понимаете, что это вам ничем дополнительно не грозит. Кражей больше, кражей меньше. У вас и так их хватает. К тому же вы уже все равно признались, что в номере-то были. Ведь были?

– Был... – выдавливая из себя Мушанский.

– Что же вы там взяли?

– Ничего не взял.

К моему удивлению, он неожиданно приободряется.

– Ну, ну, – говорит Кузьмич, – я же вам сказал...

– Я превосходнейшим образом понял, что вы мне сказали.

Мушанский разваливается на стуле и просит еще одну сигарету.

Он снова принимается разыгрывать какую-то очередную роль. Момент ему кажется самым подходящим. Еще бы! Мы чего-то не знаем, а вот он знает, и, если ему заблагорассудится, он скажет. А не захочет, так и не скажет. И мы ничего тут поделать не можем.

Кузьмич остается, однако, невозмутимо спокоен.

– Почему же вы говорите неправду? – спрашивает он.

– Я говорю чистейшую правду, – отчеканивает Мушанский таким тоном, будто он никогда еще в жизни не лгал, и ему оскорбительны подозрения.

– Значит, испугались того, что случилось, и, ничего не взяв, поспешили удрать, так, что ли? – снова спрашивает Кузьмич.

– Я? Испугался?

Мушанский дает понять, что ему наносят новое оскорбление. Отвратительно это фигурально, и я удивляюсь, почему Кузьмич не поставит его на место.

– Тогда почему же вы ничего не взяли? – с непонятным мне терпением продолжает спрашивать Кузьмич.

Что ему надо? Почему он все время кружит вокруг этой кражи? Оставил бы все это следователю, тот наверняка и сам докопается. По лицу Игоря я вижу, что и он не может понять этой настойчивости.

– Почему не взял? – небрежно переспрашивает Мушанский и аккуратно стряхивает пепел сигареты. – Жалкие тряпки, больше ничего не оказалось у этого господина.

Он брезгливо морщится.

– А деньги?

– Денег не было, – отрезает Мушанский и вдруг хлопает себя по лбу: – Ах, нет! Пардон. Запомнил. Две вещички я там все же прихватил. Две весьма миленькие кофточки.

– И?..

– И скинул Эллочке, – Мушанский снисходительно усмехается.

– Заграничные? – продолжает допытываться Кузьмич.

– Представьте себе, наши.

Неожиданно Кузьмич заканчивает допрос.

– Все, – объявляет он. – Сегодня вы познакомитесь со следователем, который будет вести ваше дело.

– Простите, – учтиво спрашивает Мушанский, – а что с уважаемым Семеном Парфентьевичем?

– Малоуважаемый Семен Парфентьевич арестован, – усмехается Кузьмич. – У него в квартире найдены краденые вещи. Вами, кстати, украденные.

Затем он вызывает конвой, и Мушанского уводят.

После этого Кузьмич некоторое время молчит, утюжа ладонью затылок. Потом закури-вает. Он теперь редко курит, и как-то опасливо, неохотно.

– Ну так вот, милые мои, – говорит Кузьмич. – Теперь я вам должен кое-что сообщить. Самое время, пожалуй. Вы гражданина Николова помните?

– А как же! – чуть не хором отвечаем мы с Игорем.

Еще бы нам его не помнить. Подозрительно торопливый его отлет в Пензу. А главное, загадочный поступок нашего Кузьмича после звонка в справочную аэропорта, когда он нам объявил, что займется всем этим сам. Как же такое забыть?

Кузьмич, конечно, тоже убежден, что мы прекрасно запомнили этого гражданина Николова, но на всякий случай уточняет:

– Это у него в номере Мушанский ничего не нашел, кроме двух кофточек. Так вот. Во-первых, интересно будет на них взглянуть. Вчера, при обыске у Худыша, мы не знали, что они краденые. Надо это поправить, – он смотрит на Игоря. – Ты, что ли, съездишь? Хотя нет, – перебивает он сам себя. – Тебе неудобно. Ты с Элеонорой встречался... по-другому.

Мы, конечно, с Кузьмичом согласны. Ни мне, ни Игорю ехать с обыском туда нельзя.

– Поедет Денисов, – решает Кузьмич, тут же вызывает по телефону Валу, а нам говорит: – Вы обождите. Разговор будет.

– И еще пусть поедет к Ляле, – напоминаю я. – У нее шкатулка с редчайшими ископаемыми. Помните, с той кражи в гостинице?

Кузьмич кивает в ответ.

Через минуту в кабинет входит Валя Денисов. Он получает от Кузьмича подробную инструкцию, затем тот звонит прокурору, договаривается с ним об ордере на повторный обыск, после чего Валя уходит.

Кузьмич оборачивается к нам и продолжает прерванный разговор.

– Так вот насчет этого самого Николова. Первое. Он, как вы помните, заявил, что спешит на самолет. И даже билетом махал. И еще вы, наверное, помните, я об этом наводил кое-какие справки, – он поворачивается, вынимает из стоящего рядом сейфа уже знакомую нам папку и достает из нее лист со своими пометками, затем надевает очки и продолжает. – Справку мне дали такую. В нужное нам время, вернее, этому Николову время, самолет на Пензу не вылетал, и вообще только семь самолетов в тот час вылетало из Москвы. Кроме заграничных и спецрейсов. Я попросил проверить списки пассажиров на этих семи самолетах. Николова там не оказалось. Так что опаздывать ему было некуда. И махал он там, в гостинице, каким-то другим билетом. Отсюда вывод: он просто спешил убраться из гостиницы, скрыться. Почему? Пока неизвестно. Но все это, однако, подозрительно.

– Он мог купить билет на чужую фамилию, – вставляет Игорь. – И предъявить чужой паспорт.

– Мог, конечно, – соглашается Кузьмич. – Но это уже совсем подозрительно. Верно?

Мы молча киваем в ответ и с интересом ждем, что он скажет дальше. Конечно, все здесь подозрительно. Даже очень.

– Теперь второе, – продолжает Кузьмич. – Самое главное. Чего вы не знаете. Юрий Анатольевич, наш эксперт, нашел в номере у Николова записку. Я вам ее не показывал, чтобы вы до поры голову себе ею не забивали. И не отвлекались. Вот она, – Кузьмич достает из папки мятый клочок бумаги и бережно разглаживает его. – Тут написаны какие-то числа, большие, тысячи, десятки тысяч, даже вон сотни. Ясно, что это не Мушанский обронил. Да и не его рукой это написано. Юрий Анатольевич проверил. Образец почерка Мушанского в делах уже имелся. Значит, это Николов писал. Что за цифры, понять трудно. К тому же он тут с ними все четыре действия арифметики проделывает. Что-то складывает, что-то делит и так далее. Но вот что интересно. Не одной рукой тут все написано. Это Юрий Анатольевич тоже установил. Кто-то Николову эти цифры исправлял, зачеркивал, а другие вписывал. Или, конечно, наоборот: кто-то их писал, а исправлял Николов. Выходит, вдвоем сидели, трудились, спорили. Деловой какой-то спор у них был, конкретный, на цифрах. К тому же все они написаны торопливо, небрежно. Отсюда можно предположить, что они оба в споре их писали, что-то друг другу доказывая, что-то тут же подсчитывали. И не для памяти, не для будущего. Иначе Николов эту записку спрятал бы. А тут договорились: и записка вроде бы уже не нужна стала. Может, тут же и выпили на радостях, кто их знает. Короче говоря, очень меня эта бумажка заинтересовала. Вот взгляните-ка.

Кузьмич протягивает нам записку. Мы внимательно ее рассматриваем. Да, весьма подозрительная записка. Особенно после всего того, что сказал о ней Кузьмич.

– И еще вот что, – продолжает между тем Кузьмич. – Я тоже говорил с дежурной по этажу в той гостинице. По ее словам, Николов вернулся в тот вечер в гостиницу спокойный, поздоровался и ничего не сказал об отъезде. Зашел к себе, а минут через десять вдруг объявил, что ему надо срочно уезжать. Он очень спешил и нервничал. Так что дежурная, не найдя горничной, сама очень бегло, как она говорит, осмотрела номер. Так он ее торопил. Какой отсюда напрашивается вывод? Скорей всего он решил удрать из гостиницы, когда обнаружил кражу. Именно кражу, а не убийство. Ведь он сначала сам искал горничную. А потом он не просто удрал, он скрылся. А это что, в свою очередь, может означать? Поначалу я решил: украли у него что-то важное, что его испугало. Только Мушанский мог нам сказать, что он в этом номере украл. И вот теперь оказывается, всего две кофточки. Так стоило из-за этого такую панику пороть?

– А если он все-таки обнаружил убийство? – спрашиваю я.

– Так ведь это не было убийством, – возражает Кузьмич. – Он мог обнаружить раненую женщину. В таком случае помочь должен был, тревогу поднять. А он убежал и скрылся.

– Ничего себе картинка обрисовывается, – озабоченно произносит Игорь.

– Картина темная, – отвечает Кузьмич. – Чует моя душа, этот Николов – птица поопаснее Мушанского. И надо срочно за это дело приниматься, милые мои.

Часть вторая

Квадрат сложности

Глава 1

Темнота, в которой, однако, кое-что проступает

Итак, после ареста Мушанского, этого неудавшегося артиста и вполне сформировавшегося убийцы, всплыла новая фигура – исчезнувший жилец последнего «люкса», куда забрался Мушанский, по фамилии Николов. Он живет в Пензе, но там до сих пор не появился. Судя по всему, это темная личность. Если быть точным, то на такой вывод нас наталкивают следующие обстоятельства: его поспешный отъезд из гостиницы, как только он обнаружил кражу у себя в номере; явная ложь с билетом на самолет, ибо, во-первых, ни один самолет в этот день не увез на своем борту Ивана Харитоновича Николова, во-вторых, если Николов улетел по подложному паспорту или вообще не улетел, а уехал, допустим, поездом, то это тоже не менее подозрительно, наконец, обнаруженная в его номере странная записка с цифрами.

Однако найти нам его надо прежде всего для того, чтобы доказать шестую кражу Мушанского. И Кузьмич поручает это мне. Я доволен. Мне и самому очень интересно знать, кто же такой на самом деле этот Иван Харитонович Николов, или, как выражается один мой приятель, «в какой области лежат его жизненные интересы».

В этом смысле Пенза ничего интересного нам не сообщила и ограничилась формальной справкой. Значит, иных материалов у них нет. А это, в свою очередь, означает, что гражданин Николов или очень хитро маскирует свою темную деятельность, подлинную «область своих интересов», или она лежит вне Пензы, или, наконец, ее вообще нет, и все это чепуха и случайные совпадения.

Итак, Пенза нам пока что ничего не дала.

Но есть и второе место, где можно почерпнуть кое-какие сведения о таинственном гражданине Николове. Это гостиница, где он жил. Хотя прошло уже две недели, как он оттуда исчез, но есть люди там, которые его помнят. В частности, некий Виктор Сбокий, жилец соседнего номера. Это обаятельный парень, тренер одной известной футбольной команды класса «Б». У команды неприятности, и он тут утрясает дела в комитете. Вот он-то мне кое-что интересное и подкидывает о бывшем жильце соседнего номера.

– Знаешь, – говорит, – с ума сойти, какая к нему однажды девушка пришла. Имени, к сожалению, не знаю. Но хороша... – мечтательно добавляет он. – Вот все, что я тебе могу сказать.

Мы сидим уже полчаса. За окном непроглядная темень. Виктор протягивает мне рюмку коньяка, но я, поблагодарив, отвожу его руку. Служба!

– Понимаешь, какое дело, – говорю. – Мне этот Николов нужен, собственно говоря, по одной только причине. Он уехал, не успев заявить о краже. И мы даже не знаем, какие вещи у него пропали. А без этого, сам понимаешь, найти вора трудно.

– Что ж, вы не знаете, где он живет, в каком городе? – с интересом спрашивает Виктор. – Ведь он паспорт сдал, регистрационный листок заполнил.

– Это все известно. В Пензе он живет. Но до сих пор туда не приехал. А нам надо как можно быстрее все выяснить. Ты не знаешь, куда он собирался из Москвы ехать?

Виктор задумывается, и на минуту взгляд его становится отсутствующим. Потом он пожимает плечами.

– Кто его знает. Он при мне в разные города звонил.

– А куда, не помнишь?

– Ну, в Ростов звонил, в Одессу. Еще куда-то. Один город назвал, я даже и не слышал никогда о таком. Хотя мы на выездах во многих городах играли.

– Никуда не обещал заглянуть?

– Не помню. Хотя... – Виктор усмехается. – В Одессу его, кажется, звали.

– А здесь у него кто бывал, не помнишь? Ну, кроме той девочки, конечно.

– Да разные бывали. Но при мне никто не сидел. И ни с кем он меня не знакомил. Один раз я, правда, застал у него одного, тот уже уходил. Толстый такой, пиджак еле сходится, и брючки короткие, болтаются. Потеха. Расстроен он чем-то был.

– Как зовут, не помнишь?

– Как-то Иван Харитонович его называл. Постой-ка... Григорий... а дальше... Семенович, кажется. Не помню точно. Они уже прощались. Этот толстяк все канючил: «Только не погуби...». Противно слушать было. А еще одного я в коридоре встретил. Днем...

Виктор уже настроился на воспоминания. Ему, кажется, даже доставляет удовольствие, когда его так внимательно слушают.

– ...И чего его так все боятся, интересно знать, – продолжает Виктор, машинально закуривая новую сигарету. – Этот, второй, худенький такой, с портфелем, увидел, что я из соседнего номера выхожу, подходит и так, знаешь, вежливенько, робко спрашивает: «Не скажете, сосед ваш, Иван Харитонович, дома?». Я говорю: «А вы постучите. Может, и дома». – «Пробовал, – говорит. – Не отзывается. Думаю, вдруг да отдыхает? Тогда и беспокоить неудобно... Придется попозже зайти». Я ему говорю: «Он обычно вечерами дома». – «А как бы его днем застать, не подскажете? Вечером я никак не могу». – «А днем, – говорю, – его не бывает». В общем, культурненько так поговорили.

Меня этот разговор настораживает. Человек в коридоре почему-то запоминается мне, и мысли невольно начинают вращаться вокруг него. И в самом деле, странно он вел себя. Почему он только днем может прийти? Почему даже позвонить не может вечером? И почему он у соседа спрашивает, почему не у дежурной по этажу? Она же точно знает, дома Николов или нет.

И я решаю, что пора проститься с Виктором и кое-что еще предпринять. Я выхожу в коридор и смотрю на часы. Уже шесть часов вечера. Значит, просидел я у Виктора часа два, не меньше. Однако не зря просидел, нет, не зря.

Теперь следует побеседовать с дежурной по этажу. Но предварительно я захожу в кабинет заместителя директора гостиницы и прошу разрешения воспользоваться его телефоном. Он знает, откуда я, и, сделав широкий приглашающий жест, деликатно выходит. Я звоню Вале Денисову, он мой помощник в этом новом деле. Я даю Вале задание и договариваюсь о встрече через два часа.

Затем я снова поднимаюсь на третий этаж и отыскиваю дежурную по этажу в небольшом уютном холле с мягкой мебелью и неизменным телевизором. За столиком возле лифта немолодая полная женщина в очках и белоснежном хрустящем халате что-то записывает в тетрадь. Мы здороваемся как старые знакомые. Она меня, конечно, помнит, я же ее тем более. В ответ на мои расспросы Екатерина Осиповна задумывается, снимает очки, и тогда только я вижу, какое у нее немолодое, усталое лицо.

– Всякие к нему ходили, – говорит она. – Разве упомнишь? Вот однажды пришел человек – этого я запомнила, – солидный такой, румяный, пальто, знаете, расстегнуто, пиджак тоже, жарко ему было, что ли. А уж веселый, любезный, разговорчивый, ну прямо куда там. Очень он мне понравился поначалу. Даже проводила его до «люкса».

Екатерина Осиповна неожиданно вздыхает.

– Потом, – говорит, – что там у них случилось, не знаю, только вышел он оттуда ну, прямо скажу, на себя не похожий. Белый как мел и ноги еле передвигает, а рукой все, знаете, сердце под пальто трет. До моего стола добрал, в кресло плюхнулся и говорит: «У вас капелек

сердечных не найдется? А то у моего друга нет». Уж как до дома дошел, не знаю даже. Дня два он у меня из головы не выходил.

Она скорбно качает головой и снова вздыхает.

– К нему однажды приходила девушка, – говорю я. – Совсем молоденькая, красивая, с длинными волосами. Вы не видели?

– Девушка? – переспрашивает Екатерина Осиповна. – Нет, не помню.

– И вот еще что. Как-то днем его разыскивал один человек, – продолжаю я вспоминать свой разговор с Виктором. – Спрашивал...

Но тут у меня внезапно мелькает новая мысль, такая неожиданная и странная, что я невольно умолкаю, боясь ее упустить и в то же время не находя ей места в ряду уже известных, установленных фактов.

Воспользовавшись паузой, Екатерина Осиповна интересуется:

– А суд-то когда будет над этим злыднем, который в «люкс» залез?

– Не скоро, – рассеянно отвечаю я. – Он много куда залезал, разобраться еще надо.

И, торопливо простившись, я чуть не бегом возвращаюсь в номер, где живет Виктор. К счастью, он никуда не успел уйти. Виктор, конечно, удивлен моим внезапным возвращением и даже слегка встревожен.

– Ты можешь узнать того человека, – с места в карьер спрашиваю я, – которого днем в коридоре встретил? Ну, который еще Николова тревожить не хотел.

– Пожалуй, смогу, – неуверенно отвечает Виктор.

Неужели это был Мушанский?! Но тогда... тогда напрашивается тысяча вопросов. Нет, лучше пока об этом не думать. Условливаюсь с Виктором, когда он завтра придет к нам в отдел.

Я тороплюсь к себе в отдел, где меня ждет Валя Денисов. По дороге обдумываю добытые за день сведения. Их немало. Они довольно определенно, хотя и не совсем четко, характеризуют Николова. Фигура эта становится все более интересной. Но вот относительно того, куда он делся, никаких данных пока нет. Может быть, Валя что-нибудь откопал?

Когда я спешу, мне всегда кажется, что троллейбус тащится немыслимо медленно. Меня в проходе стиснули так, – часы пик все-таки! – что и держаться за перекладину под потолком необходимости нет, при самом резком торможении падать просто некуда. Тоже своеобразное удобство. Ростом бог меня не обидел, и потому поверх всех голов я наблюдаю за кабиной водителя и за пассажирами, выходящими на очередной остановке.

Совсем неожиданно я вдруг вижу далеко впереди Игоря. Неожиданно потому, что, по моим сведениям, он должен быть сейчас совсем в другом конце города. Еще более странно то, что рядом с ним я замечаю довольно симпатичное и смутно мне знакомое личико одной девушки, которую никакие служебные обязанности не могут свести с Игорем, хотя она в некотором смысле и наша коллега. Они молчат и даже смотрят в разные стороны, словно чужие. Гм... Мне хорошо виден профиль моего друга. Он невозмутимо спокоен. Впрочем, я достаточно изучил его лицо и в профиль, и анфас. Нет, Игорь не спокоен, он хмур, насторожен и в то же время чем-то доволен. Странное состояние.

Мне очень хочется пробраться вперед, я даже делаю незаметное движение, чтобы осуществить это намерение. Но бесполезно, я зажат намертво. А слишком суетиться, толкать людей и привлекать к себе общее внимание, в сущности, повода нет. Постепенно и неуклонно поток людей и так приблизит меня к Игорю, выходить-то нам на одной остановке.

Но вскоре я вижу, как Игорь и его спутница – безусловно спутница, хоть они по-прежнему ведут себя как незнакомые люди – неожиданно начинают пробираться к выходу задолго до остановки, которая нужна мне. Ну что ж. Увидимся с Игорем завтра, и тогда я все узнаю, конечно.

Неожиданная встреча эта на время отвлекает меня от моих мыслей. Но вот наконец и моя остановка.

Валя на месте, как всегда, аккуратен, изыщен и серьезен. Он что-то внимательно читает за моим столом. При моем появлении Валя поднимает голову, и теперь видны его огромные голубые глаза. Взгляд их, однако, строг и суховат, он сразу меняет представление о Валином характере. Я знаю, втайне Валя недоволен своей чуть женственной, хрупкой внешностью. Отсюда его неистовое увлечение самбо и плаванием, отсюда и его первые разряды в этих видах. Однако внешний облик его от этого несколько не изменился, он стал лишь еще больше обманчив, и, конечно, никто не поверит, что Валя иногда одерживает победу даже над Петей Шухминым, чемпионом по самбо московского «Динамо». Но истинное увлечение Вали – это шахматы, и здесь тоже у него первый разряд. Когда он все успевает, для меня остается загадкой. Правда, семьи у него нет, и потом, как я заметил, Валя мало читает.

– Тебе звонила Светлана, – сдержанно сообщает он.

Петя Шухмин при этом уж обязательно бы подмигнул и отпустил какую-нибудь шуточку в своем духе. Валя же серьезен и деликатен, он себе ничего лишнего в таком случае никогда не позволит.

Я невольно смотрю на часы. Всего лишь восемь.

– Ну, что у тебя? – спрашиваю я Валу. – Какая добыча?

Он протягивает мне бумагу, которую так внимательно изучал перед моим приходом.

Валя жуткий педант и аккуратист. И это иногда приносит немалую пользу, хотя многих раздражает и смешит, например, Петю Шухмина. Последнее, впрочем, неудивительно. Петя даже галстук не может завязать аккуратно в тех редких и торжественных случаях, когда он вообще вытаскивает его из кармана.

На этот раз Валя составил целую таблицу.

– Вот смотри, – говорит он. – Здесь города, с которыми этот тип разговаривал, это продолжительность разговора в минутах, это номера телефонов, которые он там вызывал, дальше дни и часы, когда происходил разговор. А вот это пустая пока графа, сюда я тебе завтра впишу фамилии лиц, с которыми он говорил во всех городах.

Ну не молодец Валя? Иметь такого помощника – одно удовольствие. И если мне нельзя в этом деле работать с Игорем, то лучше Вали никого не придумаешь. У него по сравнению с Игорем есть только один недостаток: ему не хватает инициативы, фантазии, не хватает идей и еще умения заставить фантазировать других. Валя исполнитель, идеальный исполнитель. Получив конкретное задание, он проявит дьявольскую находчивость и дотошность, чтобы его выполнить, но дать задание другому, продумать или, вернее, придумать всю операцию целиком или какой-то новый путь в розыске он, пожалуй, не сможет. Словом, Валя не стратег, он тактик, притом отличный тактик.

Мы начинаем изучать с ним таблицу междугородных телефонных разговоров Николова. За одиннадцать дней, которые он прожил в гостинице, Николов разговаривал с пятью городами. Тут и названные мне Виктором Одесса и Ростов, а также Ленинград, Куйбышев и неведомый Виктору, да и мне тоже, городок со странным названием Пунеж. Указав на него, Валя говорит:

– Районный центр.

– Очень важно знать, с кем он там говорил, – замечаю я.

– Сделал запрос. Завтра будем знать.

Со всеми городами, кроме Одессы, разговор продолжался три минуты, с Одессой – семь. За счет разговорчивости одесситов, что ли? А вот с Пунежем разговор занял у Николова всего полторы минуты. Рядом с этой цифрой в таблице стоит буква «с».

– Срочный, – коротко поясняет Валя.

Гм... Это уже интересно. Хотя срочность можно объяснить и самой простой причиной: скажем, в этот день Николов торопился по другим делам, а разговор с Пунежем состоялся в два часа дня, или, допустим, вообще сложно было получить с этим городком обыкновенный

разговор. И в то же время это означает, что разговор Николову был очень нужен, даже самый краткий.

Я рассказываю Вале о своих подозрениях в отношении Мушанского. Завтра мы покажем его Виктору. А пока что надо сделать еще одно дело, надо срочно запросить все пять городов, не остановился ли в какой-либо из их гостиниц гражданин Николов Иван Харитонович, и нет ли его у тех лиц, с которыми он вел переговоры из Москвы. Жаль, что Валя этого сразу не сделал, но и я, давая ему задание, тоже не подумал о таких важных вещах.

Все обсудив, мы расходимся. Валя отправляется на переговорный пункт спецсвязи, а я начинаю звонить Светке. Это, между прочим, совсем не простое дело. Светка страшно любит болтать по телефону с подружками. Когда это происходит при мне, я не устаю поражаться обилию тем, которые они находят. Словом, я звоню безостановочно, когда-нибудь Светка должна же сделать перерыв.

Вскоре мне все-таки везет, и я дозваниваюсь.

– Витик! – радостно восклицает Светка. – Скорей приезжай, я тебе кое-что расскажу. И вообще, я жутко соскучилась. Знаешь, сколько я тебя не видела? Но ты не устал?

Нет, я конечно, не устал. Я мгновенно натягиваю пальто, хватаю шапку и собираюсь уже погасить в комнате свет, как вдруг замечаю неубранную бумагу на столе. Это Валина таблица.

Ничего не поделаешь, придется задержаться. Я спешу достать из сейфа тонкую папку с делом Николова и так порывисто раскрываю ее, что оттуда вылетает маленький листок бумаги и, кружась, падает на пол. Я сразу узнаю непонятные расчеты Николова, хотя листок падает цифрами вниз. Я наклоняюсь за ним и внезапно вижу на обратной его стороне какие-то неясные, путаные линии.

Это меня так заинтересовывает, что я, в пальто и в шапке, подсаживаюсь к письменному столу и зажигаю лампу. Но как только я придвигаю ее ближе, линии на листке исчезают. И тогда я догадываюсь, что это оттиск какой-то записи на предыдущем листке, ведь тот, который я держу в руке, вырван из записной книжки, у него неровно лохматится только один край.

Тогда я отодвигаю настольную лампу как можно дальше, гашу яркую лампу под потолком, и теперь в косых лучах света довольно отчетливо проступают... буквы!

И вот я, с трудом, правда, но все же разбираю оттиск какой-то записки. Я даже выписываю на чистый лист бумаги отдельные, угаданные мною слова. Их немного, их всего четыре. Но смысл, странный и жутковатый смысл их, постепенно доходит до меня. Я торопливо смотрю на часы. Поздно! Поздно мчатся в научно-технический отдел управления, где специалисты прочтут всю записку, от начала до конца. Кузьмич тоже уехал уже. Значит, все откладывается до завтра.

Да в цепи розыска появился ток, теперь она под напряжением. Теперь розыск, как мне кажется, приобретает ее только смысл, но и прямую, неотложную необходимость. И Я с необычной бережностью укладываю бумаги в папку и запираю ее в сейф. При этом я замечаю, как от волнения у меня чуть-чуть дрожат руки. А перед глазами все еще стоят выписанные мною слова: «...сволочью... кончат... соберутся все».

Глава 2

Все, кто нам нужен, исчезли

И вот я снова на улице. Погода совсем не кажется мне такой отвратительной, как два часа назад, хотя пронизывающий ветер больно сечет лицо мокрым, даже каким-то остекленевшим снегом.

Вскакиваю в троллейбус, теперь уже полупустой, и удобно устраиваюсь около окна. Проклятый троллейбус, конечно же, ползет черепашим шагом, хотя теперь, когда кончились часы

пик, он, кажется, мог бы двигаться и побыстрее. Счастье еще, что мне не надо делать пересадок, и остановка у Светкиного дома.

Дверь мне открывает ее мама, Анна Михайловна. Они живут вдвоем, отец Светкин умер давно, когда Светка была еще совсем маленькая. Потом, правда, был отчим, но недолго. В общем, не сложилась жизнь у Анны Михайловны, и это несправедливо, потому что она чудесная женщина.

И ее все любят, ее просто нельзя не любить, столько в ней доброты и жизнерадостности, хотя она далеко не здоровый человек, болезненно полная, с большими отеками ног, а сердце то и дело сдает. Папа ей не раз предлагал лечь к нему в клинику, но Анна Михайловна только отмахивается. Я ни разу не слышал, чтобы она на что-нибудь жаловалась и у кого-нибудь лечилась. Просто возмутительная беспечность. Но поделаться с ней ничего невозможно.

Зато она непрерывно волнуется за всех окружающих. По любому поводу. Когда Света, например, задерживается на работе, Анна Михайловна звонит мне, тоже, конечно, на работу и шутливым тоном спрашивает: «Витик, можно уже начинать волноваться?». Но, как известно, в каждой шутке лишь доля шутки. Я в таких случаях решительно говорю: «Рано. Позвоню, когда надо начинать». Хотя прекрасно знаю, что через пять минут Анна Михайловна, не выдержав, отправится встречать Светку на улицу. В любую погоду. Такой уж она человек.

Светка обожает ее. И я, между прочим, тоже. Кажется, она мне понравилась даже раньше, чем Светка. По крайней мере, так утверждает мама, вспоминая, как я первое время рассказывал об этом семействе. Еще тогда она, смеясь, спрашивала: «Ты, собственно говоря, за кем там ухаживаешь?». Словом, дай бог всем такую тещу, какая будет у меня.

– Ну вот и Витик! – восклицает Анна Михайловна, закрывая за мной дверь.

– Иди скорей мой руки, мы ждем тебя с ужином.

Тут я уже чувствую мамины интонации. Они, кстати, удивительно быстро сдружились и, по-моему, кое-что переняли друг от друга. У мамы, например, начали прорываться какие-то совершенно бесшабашные нотки.

Светка, конечно, болтает по телефону. Услышав, что я пришел, она бросает трубку и выбегает ко мне. Анна Михайловна тактично удаляется на кухню и оттуда кричит:

– Света, отпусти Витика, он голодный! Хватит, хватит, еще успеете нацеловаться! Век как будто не виделись!

За ужином Светка смотрит на меня загадочно и тревожно и вдруг объявляет:

– Ты знаешь, Алла собирается уходить от Игоря.

Я усмехаюсь.

– Она уже сто раз собиралась. Так он ее и отпустит, как же.

– Нет, нет, – трясет головой Светка. – На этот раз все абсолютно серьезно, – и, сделав паузу, многозначительно добавляет: – Вчера от него пахло чужими духами, представляешь? И на щеке была губная помада.

– Что-о? – изумляюсь я. – Какие еще духи и помада?

– Чепуха! – безапелляционно говорит Анна Михайловна. – Алле уже черт-те что кажется.

– Вот именно, – поддерживаю я. – И помаду какую-то еще выдумала.

Меня разбирает смех. Светка машинально убирает со лба свою упрямую прядку. Тут я снова вспоминаю сегодняшнюю встречу с Игорем и в сердцах добавляю:

– При такой сумасшедшей жене фонарные столбы будешь целовать, не только женщин.

– Ты слышишь, мама, что он говорит?

Светка обиженно надувает губы, но при этом в глазах ее прыгают такие бесенята, что я невольно улыбаюсь.

– А! Правильно говорит, – машет рукой Анна Михайловна. – И ты, смотри, не будь такой дурой. А то мы с Витиком от тебя оба сбежим.

Я засиживаюсь допоздна. Мне так не хочется уходить! И Светке не хочется, чтобы я уходил, это точно.

В конце концов, свадьба и все прочее – это же чистая формальность, думаю я. Почему бы... Я смотрю в Светкины лукавые глаза и вздыхаю. А Светка смеется... Анна Михайловна делает вид, что ничего не замечает. Но мне кажется, что она готова сама предложить мне остаться. Она такая.

Потом мы со Светкой еще долго, обнявшись, шепчемся в передней.

Утром я появляюсь на работу в приподнятом настроении. Игорь уже сидит за своим столом, уткнувшись в какую-то бумагу. Вид у него невыспавшийся и угрюмый. Представляю, какая ему была вчера выволочка. Он еле здоровается со мной, словно и я чем-то причастен к его неприятностям.

– Слушай, старик, – говорю я, пытаюсь его хоть немного отвлечь и рассмешить, – ты знаешь, что от тебя пахнет чужими духами, оказывается?

– Иди к черту, – мрачно советует Игорь.

– Ну, ну. Зачем же так? – миролюбиво возражаю я.

В этот момент в комнату заходит Валя Денисов.

Он, как всегда, невозмутимо и учтиво здоровается, потом протягивает мне уже знакомую таблицу. Я замечаю, что пустая вчера вечером графа сейчас почти вся заполнена. Но я не успеваю ее просмотреть, у меня на столе звонит телефон.

– Товарища Лосева можно? – просит незнакомый женский голос.

– Слушаю вас.

– Это Екатерина Осиповна говорит... Вы у нас вчера были... в гостинице...

– Да, да! Слушаю вас, Екатерина Осиповна. Здравствуйте.

– Тут письмо пришло... Ну, этому... который уехал... Вообще-то мы переслать обязаны... но я все-таки вам раньше... вы же интересовались... – сбивчиво говорит она.

– Правильно, – отвечаю. – Мы получим разрешение прокурора и возьмем это письмо. Вы его не отправляйте.

Итак, рабочий день начался, обычный наш рабочий день.

Валя едет за письмом. Кроме того, он везет особый пакет в наш научно-технический отдел. Там прочтут отпечаток записки, полный ее текст. А я звоню нашему следователю Саше Грачеву, ведущему дело Мушанского.

После этого я успеваю посмотреть новые записи в таблице Вали Денисова. Там указаны фамилии, адреса и даже места работы собеседников Николова из четырех городов, не хватает только абонента из неизвестного мне городка Пунежа. Четверо же установленных людей весьма интересны.

Однако свои размышления мне приходится прервать, ибо сначала возвращается Валя. Он не успевает даже передать мне письмо, полученное в гостинице, что-то при этом сообщить, как дверь снова распахивается, и появляется футбольный тренер Виктор Сбокий. Я звоню Саше Грачеву, после чего инструктирую Виктора. Ознакомление Мушанского мы решили провести официально, по всей форме.

И вот в одной из комнат вдоль стены выстраиваются четыре человека, среди которых и Мушанский. Все четверо приблизительно одного возраста, роста, сложения, все, как и Мушанский, без бороды и усов, без очков, темноволосые. Тут же присутствуют и двое понятых – случайные посетители отдела, у которых нашлось время ненадолго задержаться.

Мушанский, как мне кажется, обеспокоен предстоящей процедурой, хотя внешне это не особенно бросается в глаза, он насторожен и едва заметно хмурится. Когда все наконец готово, мы просим зайти Виктора.

Он пристально вглядывается в стоящих у стены людей. Я сгораю от нетерпения, стараясь ничем, конечно, этого не показать. Минуту длится напряженная тишина, и, наконец, Виктор, насладившись всеобщим вниманием к своей особе, с усмешкой произносит:

– Узнаю вот этого гражданина.

И указывает на Мушанского. Тот равнодушно пожимает плечами.

– Могли бы и побыстрее, – говорит он. – Я, например, вас сразу узнал.

Вскоре процедура опознания заканчивается, и я предлагаю Саше Грачеву допросить Мушанского по этому эпизоду. Однако Мушанский неожиданно заявляет:

– Возражаю. Устал и время обедать.

Но я прекрасно понимаю, почему он возражает. Дело тут не в усталости и не в обеде. Просто ему, видимо, надо обдумать возникшую ситуацию, которая имеет для него, очевидно, какое-то значение. Ну что ж, пусть обдумывает. И Саша Грачев вызывает конвой. Мы с Валею возвращаемся к себе.

Прежде чем вскрыть конверт и прочесть письмо, я спрашиваю Валею:

– Ты что хотел мне сказать?

– В гостиницу опять приходил тот человек, которому Екатерина Осиповна давала сердечные капли. Помнишь?

– Конечно. И что же?

– Екатерина Осиповна сообщила ему о письме. Он предложил свои услуги, чтобы переправить его Николу. Екатерина Осиповна ответила, что они сами его отправят. И тогда он предложил за письмо... сто рублей. Представляешь?

На какой-то миг Валею даже покидает его обычная невозмутимость.

Я достаю конверт. Обратного адреса на нем нет. Почтовый штемпель места отправления неразборчив. Приходится прибегнуть к лупе. И мы с трудом разбираем название города. Это уже что-то новое.

– М-да...

Я качаю головой и с обычными предосторожностями вскрываю конверт. Письмо оказывается коротким и непонятным.

«Привет! Хорошо, что ты мне сообщил, где остановился. Письмо мое должно тебя застать. Ты очень нужен. Тетя опасно заболела. Не знаю, что делать. Дядя Петя».

– Знаем мы этих тет, – желчно замечает Валя.

– В том-то и дело, что мы их не знаем, – возражаю я. – И вообще их, как правило, не существует.

– Вот именно, – подтверждает Валя. – Запросим и этот город?

– Придется.

Я с сомнением качаю головой. Этот город не вызывает у меня почему-то доверия. Валя предполагает, что Николов, скорее всего, уехал к дяде Пете, который без него не знает, что делать. Но мне это кажется сомнительным. Ведь письмо не застало Николова. И отправлено оно всего три дня назад, следовательно, только тогда и возникла необходимость в его приезде, и «тетя заболела» только тогда.

Я внимательно перечитываю последнюю графу в Валиной таблице. С кем же разговаривал Николов? В Одессе – с некой Галиной Остаповной Кочергой, продавщицей комиссионного магазина. В Ростове – с Леонидом Васильевичем Палатовым, начальником отдела капитального строительства завода. В Ленинграде – с Орестом Антоновичем Сокольским, заместителем директора одного из промторгов, в Куйбышеве – с Олегом Ивановичем Клячко, врачом городской поликлиники. А вот в маленьком неведомом Пунеже срочный и короткий разговор произошел неизвестно с кем, на междугородной станции абонент оказался почему-то неотмеченным. Как это случилось, телефонистки не могли Вале объяснить. «Случается», – сказали они. Может быть, так оно и есть, ведь тысячи разговоров проходят через них, всякая возможна

случайность. А может быть, это не случайность? Тогда что же? Работа приучила меня не доверять случайностям. В этой механике надо будет разобраться.

Мы с Вале́й снова и снова просматриваем список лиц, с которыми говорил Николов. Одно имя все время задерживает мое внимание. Где я его встречал? Когда, при каких обстоятельствах? Не могу вспомнить. Это меня все больше раздражает, как невидимая иголочка маминого кактуса, однажды вцепившаяся мне в палец, которая напоминала о себе лишь когда я прикасался этим пальцем к чему-нибудь.

Ну хорошо. А остальные в этом списке, что собой представляют они? Неизвестно. Неужели предстоит собирать сведения о каждом из них? Но больше всего меня интригует маленький Пунеж. Кто оттуда говорил с Николовым? Мы все время словно бродим в темноте и натыкаемся вытянутыми руками на какие-то неизвестные предметы.

– Нет, так ничего не выйдет, – досадливо говорю я Вале. – Этим делом надо или заняться вплотную, или вообще бросить.

Валя пожимает плечами.

– Как решит начальство.

Мне не нравится его неизменное спокойствие. Его нисколько не зажег, не заинтересовал этот поиск. Валя лишь добросовестен и пунктуален, как всегда. Я никогда не видел, чтобы он волновался, горячился, переживал что-то. Может быть, он так глубоко это все прячет, так умеет владеть собой? Нет, непохоже. Хотя Валя никого, по-моему, особенно близко к себе не подпускает. Я, например, все время ощущаю некую дистанцию между нами, ближе начинается какой-то непонятный холодок и мягкое, но упругое отталкивание, что ли.

– Да, как решит начальство, – сердито повторяю я. – Вечером доложим.

На столе звонит телефон. Это Саша Грачев.

– Заходи, – отрывисто говорит он.

Мушанский, сгорбившись, сидит около стола Саши Грачева, зажав ладони между колен, и сосредоточенно смотрит в пол. Густые черные брови сошлись на переносице, на небритых скулах перекатываются желваки.

Некоторое время мы молчим. Потом Мушанский начинает говорить, медленно и серьезно, по-прежнему глядя в пол и зажав коленями руки:

– Ладно. Я вам кое в чем признаюсь. Видит бог, я не хотел подводить этого человека. Но вы, – он бросает на меня быстрый и насмешливый взгляд, – вы отыскиали уже тропинку к нему и, конечно, с нее не сойдете. Так ведь?

Я пожимаю плечами:

– Какого человека вы имеете в виду?

– Сейчас узнаете. И еще... – Он усмехается. – Я догадываюсь, какой вопрос вы мне сейчас зададите. Я же прекрасно помню ту встречу в гостинице и до последнего слова помню свой разговор с молодым человеком. Вы спросите, – он снова, уже пристально, смотрит мне в глаза, – откуда мне известно имя того человека, который жил в «люксе». Так ведь?

– Да, так, – киваю я.

– Ну, вот видите? – Мушанский самодовольно улыбается. – Не такой уж я, извините, дурак. Да, имя его мне было известно. И не только имя, кстати. Я рассчитывал в том «люксе» найти кое-чего побольше, чем две дрянные кофточки. Уверю вас. И нашел бы, если бы не та горничная, которая вошла в номер. Я не хотел ее трогать. Я даже сам не понимаю, что со мной вдруг случилось. Вы можете мне не верить, это ваше дело. Но все было именно так. Какая-то мутная волна страха захлестнула меня, что-то оборвалось внутри...

Я не прерываю его, пусть выговорится. Я не хочу разрушать это его состояние, его решимость все рассказать.

– Так вот, – продолжает он. – Скажу вам то, чего еще никому не говорил, – и бросает иронический взгляд на сидящего в стороне Сашу Грачева. – В этом деле у меня был помощник, весьма ценный, кстати, – и вдруг, прерывая себя, спрашивает: – Почему вы не записываете?

– Запишу, – отвечаю я.

– Да уж, придется, – каким-то странным тоном подтверждает Мушанский. – Хотя вам этого записывать и не захочется. Потому что помощником моим была... Варя Глотова.

Он теперь не спускает с меня глаз. Но я уже взял себя в руки и внешне совершенно невозмутим. Мушанский явно неудовлетворен моей реакцией и нахально спрашивает:

– Вы не хотите вспомнить эту красавицу?

– Сейчас вопросы задаю я. Что сообщила вам Глотова о том гражданине?

– Глотова сообщила мне, – спокойно говорит Мушанский, – где остановился этот Иван Харитонович, сказала, что он набит деньгами, и посоветовала его... навестить.

– Вы подтверждаете свои первоначальные показания о том, что взяли там только две кофточки? – спрашиваю я.

И в тот же момент вспоминаю, что точно такую же кофточку я видел у Варвары.

– Конечно. После... инцидента с горничной я уже не имел времени.

– Что вы знаете об этом Иване Харитоновиче?

Мушанский издевательским тоном отвечает:

– Пардон. Я не собираюсь вам помогать. Ищите, ловите. Вам за это платят. Или, может быть, вы мне тоже заплатите? Тогда извольте. Тогда я готов. Сколько дадите? Из личной симпатии к вам сделаю скидку.

Да, он может себе позволить так разговаривать. Я же позволить себе этого не могу. Я не могу и не должен отвечать ему тем же.

Я навсегда запомнил случай, который произошел чуть не в первый месяц моей работы. Мы задержали бандита, который с ножом напал на женщину где-то в темном подъезде. И когда, еще разгоряченные, мы приступили к допросу этого грязного животного, тот харкнул мне в лицо. И я потерял самообладание. Ослепленный, полный отвращения и ненависти, я развернулся и ударил его. А потом кинулся к умывальнику. У меня дрожали руки, и тошнота подступала к горлу. Через час меня вызвал Кузьмич и сказал примерно так: «Ты, парень, нам не годишься. Нервный. А главное, ни себя, ни нас не уважаешь. С кем ты вровень стал? До кого опустился? Да он теперь этот синяк, как орден, носить будет, он всем его будет показывать: вот вам милиция. Форменный позор. Я уж не говорю, что он теперь рта не раскроет. А нам надо через него на всю их шайку выйти. Словом, спасибо тебе. Иди в отдел кадров. Не подходишь ты нам». Вот так примерно сказал мне тогда Кузьмич. И добавил: «Поднять руку на человека, который ответить тебе не может, который в твоей власти, может только трус, подлец или дурак. Запомни это и ступай». И я запомнил. А что на следующий день было, мне до сих пор стыдно вспоминать. Как я просил Кузьмича, как ребята за меня просили...

Вот такой был случай. И потому Мушанскому на его издевательства я тем же ответить не могу.

И вообще мне некогда, у меня тысяча дел. Поэтому я заканчиваю допрос. Больше Мушанский уже ничего интересного не окажет. Думаю, он сам больше ничего не знает. Хотя и то, что он сказал, немаловажно. И главное здесь – Варвара.

Но еще важнее оказывается заключение экспертизы из научно-технического отдела. Восстановлен полный текст той записки. Он выглядит так, если при этом выделить угаданные мною места: «Приходи, посоветуемся. С этой СВОЛОЧЬЮ ОКОНЧАТЕЛЬНО надо рассчитаться, когда СОБЕРУТСЯ ВСЕ».

Вот так, не более и не менее.

Об этом я и докладываю в конце дня на совещании у Кузьмича. Здесь же присутствуют Игорь, Валя, Петя Шухмин и еще несколько сотрудников.

– М-да... – задумчиво произносит Кузьмич, когда я кончаю свой доклад. – М-да... Действительно, интересно все тут поворачивается. И пока темно.

Он достает из ящика стола начатую пачку сигарет, медленно вытаскивает одну, словно прикидывая, сколько он уже выкурил за день.

– Пятая, Федор Кузьмич, – говорит Петя Шухмин, щелкая зажигалкой.

– Ладно тебе, счетовод, – прикуривая, ворчит Кузьмич и, затянувшись, продолжает размышлять вслух: – Однако в этой темноте кое-что все же обрисовывается. Как считаете?

– Что верно, то верно, – говорю я. – Обрисовывается. Но дело это трудоемкое, Федор Кузьмич. Тут надо в принципе решить.

– В принципе? – усмехается Кузьмич. – Ну, давайте сначала в принципе. Какие будут соображения?

Первым высказывается Петя Шухмин:

– Между прочим, нас никто не заставляет его искать, Николова этого. Тут и дела-то никакого не возбудишь, если на то пошло. Ничего человек не совершил, ничего не нарушил. Мотнул из гостиницы? Домой вовремя не вернулся? На бумажке чего-то считал? Ну и что? Какой тут, спрашивается, криминал? Да и записка, прочтенная экспертом, неизвестно еще, кому принадлежит. И означать она может все что угодно. Это только Лосеву тут почему-то убийство мерещится. А намеки этого Мушанского вообще ничего не стоят.

Петя у нас реалист и прагматик, не верит ни в какие ощущения, чутье, интуицию и прочие иррациональные категории. Он всегда ставит вопрос ребром, ему все до конца должно быть ясно. Да или нет? Неопределенность его нервирует и всякие сомнения тоже. Им не место в работе. Иначе, по его мнению, будет хаос и всеобщая путаница.

– Так... – кивает Кузьмич. – У кого еще есть соображения? – И смотрит на Игоря. – Что скажешь, Откаленко?

Я настораживаюсь. Но Игорь, не поднимая глаз, цедит сквозь зубы:

– Согласен с Шухминым.

На Игоря это совсем не похоже. Что с ним происходит?

Кузьмич тоже недоволен, он хмурится и сердито сминает в пепельнице недокуренную сигарету. Потом поворачивается к Вале и коротко бросает:

– Давай ты, Денисов.

Валя невозмутимо пожимает плечами.

– Формальных оснований к розыску нет, конечно, – говорит он. – Кроме одного: нужен свидетель по шестой краже Мушанского. Но еще и подозрения есть. Тут Лосев прав. Если прикажете, можно заняться, Федор Кузьмич. Но можно вытянуть и пустой номер.

– Та-ак, – медленно произносит Кузьмич и трет ладонью макушку. – Пустой номер, говоришь...

– Не обязательно, – осторожно поправляет его Валя.

– Понятно, что не обязательно. А приказать, Денисов, это самое простое. Но дел у нас, как ты знаешь, и так невпроворот, конкретных дел.

– Федор Кузьмич, – не выдерживаю я. – Все-таки разрешите мне встретиться с Варей.

– Можно, – соглашается Кузьмич. – Даже нужно. Но вот эти города... – Он задумывается. – Повтори-ка, с кем он там разговаривал.

Не дают ему покоя эти города. И мне почему-то тоже.

Когда я кончаю читать Валину таблицу, Кузьмич некоторое время молчит, потом задумчиво произносит:

– Да, с Варей этой встретиться, конечно, надо. А вот ты, – обращается он к Вале, – все-таки, будь добр, выясни, что это за люди в тех городах. Может, они нашим товарищам там известны? С каждым из них, видимо, придется побеседовать о Николове. Осторожно, конечно.

– Кто же будет беседовать? – ревниво спрашиваю я.

– Если надо, то и мы подьем, – отвечает Кузьмич. – Там поглядим. Но что-то в этой темноте должно проступить.

И проступает. На следующий день. Часа в два меня с Игорем неожиданно вызывает Кузьмич. У него, оказывается, сидит Валя Денисов.

– А ну повтори, – приказывает ему Кузьмич.

– Странная новость, – говорит Валя. – Все перечисленные в таблице граждане исчезли.

Глава 3

Новые факты

На работу я в этот день прихожу несколько позже, чем обычно. Дело в том, что сначала я поехал к Варваре. Но, оказывается, успел уже забыть ее «расписание». В этот день Варвара работала в утреннюю смену, и визит пришлось отложить до вечера.

В коридоре я сталкиваюсь с Петей Шухминим, он взволнован и одновременно чем-то смущен, по-моему.

– Слушай, – говорит. – Тут, понимаешь, такое дело случилось.

И рассказывает мне довольно неприятную историю.

Оказывается, утром к дежурному является какой-то гражданин и в панике сообщает, что его дочь грозятся убить. Говорит он сбивчиво, бестолково, и дежурный ничего понять не может, тем более что его непрерывно отвлекают. В это время приходит Петя, и дежурный просит его побеседовать с гражданином.

Петя не отказывается и приглашает того к себе. И гражданин снова повторяет свой рассказ.

– Вы только подумайте, – говорит он. – Это же черт знает что! Звонят моей Надюше, грозят. Раз, другой, третий...

– А первый раз когда звонили? – осведомляется Петя.

– Первый? Да я еще домой вернуться не успел!

– Откуда?

– Как то есть откуда? – Гражданин настороженно смотрит на Петю. – Боже мой, какое это имеет значение? Ну, допустим, с работы.

– Не «допустим», а точно говорите, – прицепляется к нему Петя.

Гражданин вызывает у него антипатию и какое-то интуитивное недоверие. Толстый, потный, шумливый, даже скандальный и вдобавок еще до того неряшливый, что это режет глаз даже Пете, который, как известно, сам не отличается особой аккуратностью. К тому же гражданин говорит действительно бестолково. Петя почему-то не учитывает его состояние и нешуточную причину, которая пригнала его к нам.

– Не обязан я вам это говорить! – взвизгивает гражданин. – Причем тут откуда я пришел?! Убить грозят, вам понятно?! Убить! Мою дочь, понятно?! Вот о чем спрашивайте! А не...

– Я сам знаю, о чем спрашивать, – грубо обрывает его Петя. – Вы меня не учите. Так откуда вы пришли в тот день?

Что-то в интонациях этого гражданина, в его непонятном упрямстве, во всем этом визге и крике Пете не нравится. Хотя это и не дает ему права так вести разговор. Но Петя тоже взвинчивается.

– А я вам повторяю, это не имеет значения! – багровея, почти кричит на него гражданин. – Вы что, издеваетесь надо мной?!

Словом, разыгрывается безобразнейшая сцена.

Первым приходит в себя Петя и, спохватившись, примирительно говорит:

– Ладно. Погорячился я. Вы уж извините. Давайте спокойненько разберемся, что к чему.

– Вас не извинять, а наказывать надо за такие вещи! – гневно выпаливает гражданин. – Строжайшим образом! Я к вашему начальству сейчас пойду.

– Да успокойтесь вы, в самом-то деле.

– Не желаю успокаиваться. Кто ваш начальник?

– Ну, майор Цветков.

– Вот я к нему и пойду. Я это так не оставлю!

Гражданин вскакивает со стула и шаром выкатывается из кабинета.

Петя досадливо и растерянно смотрит ему вслед, потом плетется к дежурному. По дороге он встречает меня.

– Ну и где этот гражданин? – спрашиваю я.

– Сидит, ждет Кузьмича, – отвечает вконец расстроенный Петя. – Представляешь, что теперь будет? Ты бы с ним потолковал, а?

– Ладно, – говорю я Пете. – Черт с тобой. Попробую. Но ты-то хорош, нечего оказывать.

Петя в ответ лишь горестно машет рукой и уходит, а я, поднявшись на второй этаж, направляюсь в конец коридора, где на скамье замечаю одинокую фигуру.

Когда я подхожу ближе, то вижу толстого потного человека в расстегнутом пальто, под которым виден тоже расстегнутый пиджак, съехавший набок галстук и громадный живот, туго обтянутый белой сорочкой. Отвислые, заросшие черной с проседью щетиной щеки его багрового цвета, а маленький носик, зажатый между ними, наоборот, совершенно побелел. За сильными стеклами очков в тонкой золотой оправе огромные, как у совы, серые встревоженные глаза. При моем приближении человек вскакивает. Короткие широкие брюки смешно болтаются на тонких ножках. На секунду они будят у меня какие-то неясные воспоминания, которые, впрочем, тут же начисто пропадают.

– Это вы начальник? – запальчиво спрашивает меня гражданин, и взгляд его сквозь очки становится одновременно воинственным и растерянным.

– Нет, я не начальник, – отвечаю. – Но мне сказал дежурный, что вы пришли по серьезному делу. Может быть, пока майора Цветкова нет, вы мне расскажете, в чем дело? – и представляюсь. – Инспектор уголовного розыска старший лейтенант милиции Лосев.

Мой титул, видимо, производит благоприятное впечатление, как и мой доброжелательный, спокойный тон. И гражданин отвечает, все еще, правда, нервно, но уже с оттенком доверия:

– Да, да, да! Я вам сейчас все расскажу.

– Тогда пойдемте ко мне.

Когда мы располагаемся в комнате, я предлагаю:

– Прежде всего давайте познакомимся. С кем имею честь говорить? – и, предупреждая его поспешное движение, добавляю. – Паспорт мне не нужен. Просто как к вам обращаться?

– Понимаю, понимаю, – кивает человек, и на полном лице его исчезает напряжение, щеки постепенно приобретают нормальный цвет, и нос, кстати, тоже.

– Очень приятно. Пирожков Григорий Сергеевич.

– Ну вот и прекрасно, – говорю я. – Так в чем дело, Григорий Сергеевич? Кто угрожает вашей дочери?

– Если бы я знал! В том-то и дело...

– Но у вас есть какие-нибудь подозрения или предположения?

– Видите ли... что-либо определенное... – Пирожков неожиданно мнетяся. – Пожалуй, трудно сказать...

Я вижу, что ему есть что сказать, но он явно не решается это сделать. Впрочем, так бывает, и мне его состояние понятно. Человек, попавший в такое сложное положение, обычно не знает, как себя вести. Он боится заподозрить кого-либо понапрасну, выглядеть глупым,

наивным или трусливым, наконец, боится направить нас на ложный след, помешать нашему квалифицированному, профессиональному расследованию, на которое он так уповает.

– Григорий Сергеевич, – говорю я как можно спокойнее и внушительней, – если вы действительно обеспокоены этими угрозами, то прежде всего должны быть с нами абсолютно искренни. Иначе мы бессильны будем вам помочь. Не бойтесь, мы во вред вам ничего не истолкуем и ничего не предпримем.

– Ах, если бы... – горестно бормочет Пирожков и вытирает скомканным платком лоб и шею. – Если бы!.. Но вот ваш товарищ, например...

Он бросает на меня укоризненный взгляд. Серые глаза его за стеклами очков неправдоподобно увеличены, расплывчаты и кажутся полными слез.

– А насчет моих подозрений... – продолжает Пирожков и нервно трет пухлые руки. – У Наденьки нет таких знакомых. Это точно. Это безусловно. Она умница. Она хорошая девочка...

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать.

– Значит, никаких подозрительных знакомств?

– Ну конечно! У нее таких знакомых нет. Это точно... А вот у меня... кажется...

Пирожков растерянно умолкает, пытаясь собрать какие-то разбегающиеся мысли.

У меня такое ощущение, что сейчас он брякнет какую-то несусветную глупость. Он, видимо, совсем помешался от страха. Ну, какие могут быть у этого пожилого, вполне приличного человека знакомые, которые бы угрожали его дочери? Если только сын кого-нибудь из них или, допустим, молодой сослуживец, ухаживания которого были отвергнуты? Но тогда это скорей всего сущая чепуха.

– Господи, – вдруг вырывается у Пирожкова. – Я так устал от этой жизни. Если бы вы только знали...

Мне и в самом деле становится его жалко, даже если все эти страхи ему и померещились.

– От какой жизни, Григорий Сергеевич? – участливо спрашиваю я.

– Ах, все не объяснишь, – он машет рукой.

Но вдруг рука его застывает в воздухе, словно ему внезапно пришла в голову какая-то новая мысль. Пирожков бросает на меня испуганный и одновременно странно-пытливый взгляд, словно заподозрив меня в том, что я подслушал какие-то его мысли, затем торопливо говорит:

– Впрочем, я, пожалуй, не прав. Насчет того человека. Он... он уже уехал из Москвы. И неизвестно когда вернется. Да, да... И вообще... что я, в самом деле...

– Он с вами работал? – спрашиваю я единственно для того, чтобы что-то спросить, ибо и в самом деле что-либо подобное предположить трудно.

– Нет, нет... Он так, знаете... проездом... – сбивчиво отвечает Пирожков. – Остановился в гостинице... и вот уехал... У меня просто ум за разум заходит...

Слово «гостиница» меня совершенно невольно настораживает. Это уже почти рефлекс. Я теперь вообще не могу спокойно его слышать. У меня это слово немедленно ассоциируется с Мушанским, кражами, допросами, словом, чертовщина какая-то. Но я ничего с собой поделать не могу. И машинально спрашиваю:

– Где же он – проездом – остановился?

– Ах, какое это имеет значение! – досадливо машет рукой Пирожков, но в тоне его проскальзывает неуверенность, и он добавляет, словно убеждая самого себя. – Он уехал, и все. Звонили уже после его отъезда. Звонили и грозили. Вы понимаете? Боже мой! Если из-за меня что-нибудь случится с Наденькой, я этого не переживу! Я руки на себя наложу!

Теперь я уже окончательно ничего не понимаю.

– Почему же из-за вас? – удивленно спрашиваю я. – Вы сами говорите...

Вид у него совершенно измученный, даже, я бы сказал, затравленный какой-то.

– Да, да, да! Я знаю, что говорю!.. А впрочем, глупости, глупости. Я просто с ума схожу! И сердце вот... – он трет грудь под пиджаком. – Каждый день болит. Однажды в гостинице так прихватило, что если бы не дежурная...

Пирожков неожиданно вскакивает и бежит к двери.

– Куда вы, Григорий Сергеевич?

Он так же поспешно возвращается. Короткие брючки смешно полощутся на его тонких ногах. Пальто и пиджак готовы вот-вот соскочить, застегнуть их невозможно, кажется, что они никогда не сойдутся на огромном круглом животе.

– Нет, нет, я никуда, – бормочет Пирожков, обессиленно плюхаясь на стул. – Мне показалось, я забыл...

А у меня вдруг мелькает странная догадка. Я наклоняюсь через стол и тихо спрашиваю:

– Григорий Сергеевич, а ведь его фамилия Николов, не так ли?

Пирожков вздрагивает и испуганно смотрит на меня сквозь очки.

– Вы... разве... позвольте, какой Николов?

– Тот самый, Григорий Сергеевич, – уже твердо говорю я, сам, однако, до конца не веря в эту сумасшедшую удачу. – Мы имеем в виду одного и того же человека.

– Но... ради бога...

– Вы знаете, почему он так неожиданно исчез?

– Понятия... понятия не имею. Но откуда...

– Его обокрали там, в гостинице.

– Не может быть!

Пирожков даже всплескивает короткими пухлыми ручками и с неподдельным изумлением смотрит на меня.

– Представьте себе, – говорю я и повторяю свой вопрос. – Куда же он так неожиданно исчез?

Пирожков отводит глаза и секунду молча трет руки, пытаюсь, видимо, собраться с мыслями. Какая-то жестокая борьба идет в нем. Щеки снова становятся багровыми, и постепенно странно белеет тонкий нос между ними.

Но вот Пирожков наконец принимает решение. Огромные водянистые серые глаза за стеклами очков теперь смотрят на меня грустно и отрешенно. Пирожков начинает говорить, осторожно, неуверенно, но вполне, однако, связно:

– Видите ли, я познакомился с ним недавно. Он был у нас в тресте, пытался достать весьма дефицитный стройматериал. Ему это не удалось. И тогда он предложил мне... как бы вам сказать... ну, довольно сомнительную сделку. Короче говоря, жульническую, конечно. Я отказался. Я и так, знаете, ночи не сплю со своими делами. Тогда он намекнул, что располагает какими-то компрометирующими меня документами и предложил встретиться, показать их. Я пришел к нему в гостиницу. Хотя я понимал, что таких документов не существует, но все-таки, знаете... мало ли что. Никто не хочет лишних неприятностей. И он мне действительно кое-что показал. Нет, нет! – Пирожков выставляет перед собой руки, словно отталкивая что-то. – Никакого уголовного дела! Но однажды... я уступил одному человеку, своему начальнику. Нарушил ради него строжайший приказ главка... тут не было взятки, клянусь вам. Просто... он приказал, а я... ну, в общем, подчинился. Вы понимаете, не было сил возражать. Он бы меня... Потом он еще раз приказал... Ну, словом, вот так. Потом начальник этот ушел. Все стало на свое место. И вдруг теперь этот человек... Но это не главное! Это бы я еще пережил как-нибудь. Но он сказал... сказал, что я мало люблю Наденьку. И... и очень ею рискую. Это была уже наглость!

– Но вы испугались?

– Да, конечно. Больше всего, знаете, от неожиданности. Откуда он знает про Наденьку?

– Откуда же?

– Понятия не имею. Может быть, кто-нибудь из моих сослуживцев... Ведь он копии-то тех документов как-то сумел раздобыть. Так вот. Он мне сказал, что кто-то приедет в Москву, кто знает Наденьку, и если... Ну, в общем, чушь, чушь, чушь!..

– А куда он сам уехал?

– Откуда же я знаю?

– Но вы обещали переслать ему письмо.

– Ах, вот что! Так я вам скажу честно: я солгал этой дежурной. Я решил, что узнаю из него, кто приедет. Я готов был на все, лишь бы заполучить это письмо. Поймите меня. Я же все-таки боюсь. Я так боюсь за Наденьку!.. Она такая доверчивая, увлекающаяся... Я просто не знаю, что теперь делать. Ну скажите, ради бога...

Да, история, конечно, странная и очень подозрительная. Но главное тут заключается в том, что я чувствую: Пирожков говорит искренне, говорит правду, и он действительно очень напуган.

– Итак, звонили вам три раза? – спрашиваю я.

– Да, да, три.

– Все три раза после отъезда Николова?

– Нет. Первый раз еще при нем. Я только успел вернуться из гостиницы.

– Звонил Николов?

– Нет, нет. Кто-то другой. Такой, знаете, молодой, грубый голос. Хриплый немного. Хулиганский какой-то голос.

– Что он сказал?

– «Это, – спрашивает, – папаша?» – «Чей, – говорю, – папаша?» – «Сам знаешь чей. Так вот, девку твою завалим, если будешь кобениться. А то еще чего и похуже сделаем. Понял?». Так прямо и говорит. Представляете? Это же ужас какой-то!

– А второй раз тот же голос звонил?

– Да! Сначала подошла жена. Так он меня позвал, мерзавец. Ах нет! Это уже в третий раз, вчера вечером. А во второй раз Наденька подошла. Утром звонил, я был на работе. Она мне вечером рассказала. Он специально велел мне рассказать про его звонок. Представляете?

– Что же он ей сказал?

– Приблизительно то же самое, что и мне. Наденька была так напугана. Умоляла меня избавиться от этого типа. А я мог это сделать... ну, в общем, вы понимаете какой ценой... И когда он позвонил в третий раз, я не выдержал. Я прибежал к вам. Я совершенно теряю голову. И... и не хочу иметь дело с этим подонком, этим...

Я слушаю прерывающийся, взволнованный рассказ Пирожкова, вижу, как трясутся его губы, и обильные струйки пота текут по вискам на толстые щеки, и чувствую, что все это так и было, как он рассказывает: и вымогательство, и шантаж, и угрозы, и его испуг. Все тут достоверно. И никто, конечно, его Наденьку убивать не собирается... Примитивнейший шантаж. Но Пирожков производит впечатление человека, на которого это может подействовать. И подействовало, хотя и не так, как рассчитывал Николов. Интересно, что звонили и после его отъезда. Выходит, он еще вернется и психологически готовит свою жертву к тому, чтобы уступить шантажу. И еще это означает, что у Николова в Москве есть сообщник. Ну да. И в записке ведь было сказано: «Приходи, подумаем...». Но звонит Пирожкову не тот человек, с кем Николов собирался «подумать». Звонит, судя по лексикону, явный уголовник. Что ж, у Николова под рукой может быть и такой тип.

Пожалуй, из рассказа Пирожкова пока не ясен лишь один пункт. Действительно Пирожков только что познакомился с Николовым, или они были знакомы раньше? Искренен в этом пункте Пирожков или нет? Я вспоминаю рассказ Екатерины Осиповны.

– Григорий Сергеевич, – говорю я, – когда вы уходили от Николова, вы просили его вас не погубить.

Пирожков вскидывает голову и несколько секунд ошалело смотрит на меня сквозь стекла своих очков, потом дрожащей рукой, в которой зажат мокрый платок, проводит по лбу и шее.

– Так вы... вы что же... знаете этого человека? – хрипло спрашивает он и откашливается.

– Нет, пока не знаю. Но дежурная запомнила вас, когда вы были у него.

– Но, значит...

– Да, – киваю я. – Мы знали о вашей встрече. Мы только не знали, что это были именно вы. Я же вам уже сказал, что в номере у Николова произошла кража. И мы интересовались всеми, кто к нему приходил. Дежурная вспомнила и вас.

– Надеюсь, вы не подумали...

– Нет, не подумали. Тем более что вскоре вор был задержан, – я ловлю себя на том, что мне приятно вслух констатировать этот факт. – Но Николов исчез, а нам надо было, чтобы он опознал украденные у него вещи.

– Я представления не имею, куда он уехал, – Пирожков пожимает плечами и с вновь пробудившейся тревогой смотрит на меня. – Да не это сейчас главное: меня волнует безопасность дочери. Что же будет, товарищ Лосев? Что нам делать?

Я, как могу, успокаиваю его. Я ему доказываю, что его дочери ничего не угрожает, что все это мелкий грубый шантаж, и больше ничего. Я ссылаюсь на свой опыт и опыт моих товарищей, я привожу кучу всяких примеров. И кажется, добиваюсь своего. Пирожков немного успокаивается, даже чуть заметно улыбается, сконфуженно и виновато. Тогда я перехожу к главному.

– Давайте схитрим, – предлагаю я. – Давайте создадим впечатление, что вы клюнули на его удочку, что вы сдаётесь, капитулируете и готовы уступить его требованиям. Так и скажите, когда вам еще раз позвонит этот тип. Давайте превратимся из жалкой рыбешки в рыболовов. И сами закинем удочку. Пусть только он появится, этот Николов. И тогда мы с ним как следует поговорим, тогда мы ему навсегда отобьем охоту жульничать и пакостить людям.

– Ну, давайте, – не очень уверенно соглашается Пирожков.

Я пытаюсь вселить в него бодрость, я ему доказываю, что это ничем ему не грозит, и Николов никогда не узнает, какую роль сыграл в его разоблачении он, Пирожков. Главное сейчас найти Николова, во что бы то ни стало найти.

В конце концов мы обо всем улаживаемся, и Пирожков, тяжело вздыхая, уходит.

А я вытаскиваю лист чистой бумаги и, пока все еще свежо в памяти, записываю главное из того, что я сейчас услышал. Но обдумать все это я не успеваю. В комнату заходит Игорь.

Мой друг внешне, как всегда, невозмутим и сдержан, широкое его лицо с чуть приплюснутым носом и выступающим подбородком прямо-таки дышит неколебимой уверенностью. Движения неторопливы и чуть небрежны. Словом, любой посторонний взгляд должен был бы залюбоваться этим спокойным и сильным человеком. Но я не посторонний, взгляд у меня особый, и, кроме того, у меня есть с чем сравнивать. И потому я сразу замечаю, что все эти признаки спокойствия и самоуверенности выданы с чуть уловимым перебором. А вертикальная складочка между бровями появляется у Игоря только в особых, и притом весьма затруднительных обстоятельствах.

Кивнув мне, Игорь садится за свой стол и, озабоченно хмурясь, вытаскивает из стола какие-то бумаги, всем своим видом демонстрируя нетерпеливое намерение углубиться в их изучение. Все это, однако, в заблуждение меня не вводит. И Игорь в тот же миг прекрасно это улавливает.

Он пристально и мрачно смотрит на меня, потом отводит взгляд в сторону и говорит:

– Я развожусь с Аллой.

– Ну да? – невольно вырывается у меня. – Ты что, спятил?

– Думаю, что так будет лучше нам обоим.

– Нет, ты действительно спятил! – кричу я, навалившись грудью на стол.

– Алла уже знает?

– Она сама предложила.

– Она это тысячу раз предлагала. Это чепуха!

– Нет, теперь уже серьезно.

На этот раз я пристально смотрю ему в глаза.

– Старик, ты не все мне говоришь.

– Чего же тебе еще?

– Сам знаешь.

Некоторое время мы молчим и довольно нервно курим.

– У всякого человека есть предел терпения и выдержки, – наконец говорит Игорь. – У меня он тоже есть.

– У всякого человека есть еще голова, – отвечаю я, – у тебя она тоже есть.

Игорь угрюмо смотрит в сторону и цедит сквозь зубы:

– Бесплезный разговор.

– Но Алка тебя любит. И потом Димка. Что ты делаешь?

– Я все понимаю.

– Но не все мне говоришь.

Игорь молчит.

– Ты Алле сказал о своем решении?

– Она мне сказала о своем решении!

– Она тебе уже тысячу раз это говорила. Что ты ей ответил?

– Ответил, что согласен.

Теперь мы уже оба молчим.

Да, дело серьезное. Никогда еще Игорь не отвечал на Алкины выходки согласием. Раньше он всегда отшучивался и успокаивал ее. И теперь я не знаю, что сказать. И, честно говоря, не убежден, что Игорь действительно спятил. С Аллой жить трудно, она невозможно вспыльчива, подозрительна и замучила Игоря ревностью.

Когда я думаю о таком конфликте спокойно и абстрактно, то понимаю, что разводы бывают разные, и иногда это лучший выход. Но сейчас я не могу думать об этом спокойно и тем более абстрактно. Игорь мой друг, самый близкий друг. И его развод – это разрушение какой-то частицы моей собственной жизни, привычной, усвоенной и потому, как мне кажется, правильной, необходимой. И еще мне кажется, что Игорю будет плохо, и Алле, и Димке. Всем! И мне тоже. Хотя, может быть, я не прав, и Игорю будет лучше? Но в то же время я чувствую, что в моих словах и советах нет веских аргументов, да и быть не может. Мне попросту не хватает жизненного опыта, и потому нет ясной позиции в этом сложном конфликте. Что я могу посоветовать Игорю? Что я должен от него требовать?

Но сейчас меня беспокоит не это. И я неуклюже и высокопарно спрашиваю:

– Ты полюбил другую? Только честно.

Игорь пожимает плечами.

– Я не предлагал развода. Предложила Алла.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Я не предлагал развода, – с ноткой раздражения упрямо повторяет Игорь.

Но тут звонит один из телефонов. Это Кузьмич. Он приказывает мне и Игорю явиться к нему.

В кабинете начальства мы застаем Валю Денисова.

– А ну повтори, – велит ему Кузьмич, когда мы с Игорем усаживаемся возле его стола.

Валя спокойно повторяет:

– Все перечисленные в таблице граждане, как я уже говорил, выехали в неизвестном направлении. Словом, исчезли.

– Выехали одновременно?

– Почти.

Наступает длительная пауза. Мы с Игорем пытаемся переварить эту неожиданную и странную новость. Да, странная новость. Вернее, даже не странная, а подозрительная. Я тут же вспоминаю конец той записки: «...когда соберутся все».

– Выходит, Николов протрубил сбор, – говорю я.

– Или его самого вызвали на сбор, – возражает Валя и добавляет. – В любом случае тут что-то нечисто.

– Вот что, – говорит наконец Кузьмич и обращается к Вале. – Свяжись со всеми четырьмя городами. Пусть наши хлопцы там пошуруют. Наверное, кто-то из этих людей выехал в командировку или, допустим, к родным. Выехать в не известном никому направлении они не могли.

– Слушаюсь, – коротко отвечает Валя.

– В Пунеж этот самый тоже позвони, – веско добавляет Кузьмич. – Теории теориями, знаешь.

Я смотрю на часы. Мне пора: Варвара, наверное, уже вернулась с фабрики.

И вот я снова еду к Варваре. Серый короткий день незаметно и быстро кончается. Еще только пять часов, но небо уже непроглядно темное, на улицах медленно загораются фонари, вспыхивают витрины магазинов. Ветер стих, падает снег, мокрый, крупный и совсем редкий. Под ногами густая слякоть, ее только завтра начнут соскребать с тротуаров. Мокрая грязь веером разлетается из-под колес проносящихся машин, и прохожие озабоченно жмутся к домам.

Вот, наконец, и моя остановка. Я поспешно выскакиваю из троллейбуса и оглядываюсь. Напротив, через улицу, темнеет громада знакомого дома с черной дырой подворотни. В окнах Варвары сквозь занавески виден желтоватый свет. Некоторое время я наблюдаю за этими окнами и одновременно обдумываю, как вести разговор.

Итак, Варвара знает Николова. Что она о нем знает, откуда? Вот это и надо выяснить. Это самое главное. О Мушанском я решаю ей не напоминать без особой необходимости. В конце концов, откуда он знает мое имя, это сейчас не так уж важно. Кроме того, я не верю, что Варвара дала Мушанскому «подвод», специально указала на Николова. Скорей всего, она случайно о нем проболталась. Но она Николова знает, вот что важно.

Я захожу в подворотню и сразу тону в густой и вязкой ее темноте. И тут же на меня с воем налетает ветер. Я к этому уже готов и все-таки с большим трудом, согнувшись и придерживая шляпу, преодолеваю его напор. Удивительное место эта подворотня. Я бреду вслепую, шаря по холодной выщербленной стене справа от себя. Дверь, обитую старой клеенкой, я нахожу не сразу. Потом долго нащупываю маленькую холодную кнопку звонка.

Дверь открывается внезапно и, как мне кажется, бесшумно. В освещенном проеме я вижу Варвару. Она зябко кутается в платок и не сразу узнает меня. Узнав, весело говорит:

– Заходите, заходите скорее. Жуть как дует. Давно не видались. Я уже подумала, забыли.

И вот мы снова пьем чай в знакомой до мелочей кухне. После всяких пустяковых разговоров и воспоминаний – Варвара безмерно горда своей ролью в задержании этого негодяя Мушанского, и воспоминания о нем, оказывается, нисколько ее не тяготят – я, выбрав момент, как бы между прочим спрашиваю:

– Кстати, вам не знаком человек по фамилии Николов?

Варвара удивленно смотрит на меня.

– Знать не знаю. И не слышала даже.

Я чувствую, что она не лжет, она действительно впервые слышит эту фамилию. Но тогда... все очень странно.

– Попробуйте вспомнить, Варя, – прошу я. – Он, наверное, ухаживал за вами или пытался, во всяком случае.

– Да мало ли их! – беспечно машет рукой Варвара. – Пруд пруди. Может, и этот попался. Паспортов они мне не предъявляют. Там штамп стоит. А они все одинокие, – она заразительно смеется. – Как вы говорите, Николов?

– Его зовут Иван Харитонович, – торопливо добавляю я, поняв свою ошибку.

– А-а... – в глазах ее появляются веселые искорки. – Помню, помню. Встречались, как же.

– Кто же он такой?

– Да на фабрику к нам приезжал. Забыла уж, из какого города. Ихний торг его послал, что ли. Длинный такой, худой и лысый. Ничего кавалер, а? – она прыскает от смеха.

– Он вас куда-нибудь приглашал?

Варвара смущенно усмехается, при этом слегка краснеет, но, тем не менее, отрицательно качает головой.

– Никуда я не пошла.

– А если честно, Варя?

– Ну... в ресторане была. Что тут такого?

– Он рассказывал вам о себе?

– Да ничего он не рассказывал, – сердито отвечает Варвара. – Вина подливал да о чувствах говорил, старый хрыч. Чтоб он подох. У него денег куры не клюют. Сама видела. А потом он достает коробочку. В ней знаете чего? Браслет! Ой, какой! – Варвара от восхищения даже прижимает ладони к лицу и закрывает глаза. – Умрешь.

– И он вам этот браслет подарил?

– Совал, – с неожиданной брезгливостью отвечает Варвара. – Только я не продажная. Я любить человека должна. Тогда меня и без этих камушков взять можно.

Я невольно вспоминаю громадного, вихрастого, самодовольного дурака Толика, его разбитый кулак и налитые кровью глаза. Видимо, Варвара тоже вспоминает о нем и густо краснеет.

– Не взяла я его браслета, – тихо говорит она, опустив глаза. – Вот честное слово, не взяла.

– Как же вы с ним расстались?

– А так вот и расстались, – Варвара, не поднимая глаз, насмешливо улыбается. – С товарищеским приветом. Каждый при своих интересах.

– Он что же, адрес вам оставил, телефон?

– Ага. Телефон записал. Просил позвонить. Только на фиг он мне нужен, телефон этот. Выбросила я его.

Наступает неловкая пауза. Все-таки разговор у нас получился, что ни говорите, деликатный.

Потом я спрашиваю:

– Вы никому об этой встрече не рассказывали?

– Кому же мне о ней рассказывать?

Ладно. Не буду ей напоминать о Мушанском и о том вечере, который она провела с ним. Да и не помнит она, конечно, тот вечер и что болтала, тоже не помнит. И не важно это сейчас. А вот о Николове она мне больше ничего не сообщит, это ясно. Осторожен, очень он осторожен. Вот только с браслетом, кажется, промахнулся.

Мы прощаемся. Я благодарю за чай. Варвара уже успокоилась, улыбается скромно, застенчиво, потупив глаза. Такое у нее сейчас настроение. Вот только о Паше на этот раз не было сказано ни слова. Не к месту были бы эти слова. И Варвара это почувствовала.

Я еду к себе в отдел.

По дороге я размышляю о Варваре. Что за странный характер! Ее прямо-таки магнитом тянет ко всяким приключениям и похождениям, к легким соблазнам и рискованным ситуациям. У нее нет других интересов. Главное, у нее нет семьи. А ей нужна семья, дом, дети,

заботы и хлопоты о них, все радости и тревоги, с ними связанные. До других интересов Варвара просто не доросла, например, до книг, музыки, театра, до мыслей о мире, в котором она живет. Ей кружит голову ее собственная красота, ее успех, бесчисленные ее ухажеры. Они, конечно же, не составили, они отняли у нее счастье.

А вообще-то говоря, что есть счастье? Я часто задумываюсь над этим. Ведь счастье – огромное понятие, неохватное и разное. У каждого человека свое счастье, вернее, свое представление о нем. Говорят, это то, что трудом и мечтой добыто. Э, нет! Разная бывает мечта и разный труд.

У одного это деньги, власть. В этом его мечта и труд. Чтобы нажить, обхитрить, обойти, пригнуть других к земле. У нас еще есть такие. Кем же надо быть, чтобы это считать счастьем, чтобы этим жить?

Я ненавижу таких людей. Потому что рядом вижу других. За их счет пытаются жить эти, за счет подлинного труженика, открытого и доброго человека. И пусть не шепчут, не думают те, первые, пусть не говорят мне, что иначе, чем хитростью, изворотливостью, подножкой и злой силой, жить нельзя, что все, мол, хитрят, комбинируют, тащат и обманывают... Ложь!

Вот я думаю о себе. Ведь я самый обыкновенный человек. Что для меня счастье? И тут у меня перед глазами сразу встает Светка в своем голубом облегающем свитере, очень стройная, легкая, узкие плечи, перепутанные волосы и плутовской, задорный взгляд. Она наверняка знает, что такое счастье, моя Светка. И я знаю. И буду знать еще лучше, когда мы будем вместе, вдвоем, совсем. Когда я усну, и рядом будет Светка. Когда я проснусь, и она снова будет рядом. Вот счастье. Мне не нужно другого.

И еще у меня есть моя работа. Я ею горжусь и ее люблю. Мне ужасно интересно работать, а главное, я ощущаю каждый день, каждый час, как эта работа нужна людям. Уголовный розыск – я бы так сказал – это инструмент или, точнее, первое оружие справедливости. Ибо каждое преступление – это дерзкий вызов всему обществу, это горечь и оскорбление, это утрата и некая социальная микрокатастрофа к тому же. Значит, помешать этому, сделать все возможное, чтобы это предотвратить, – важная и святая задача. А уж если оно произошло, то найти, во что бы то ни стало найти преступника и отдать его в руки правосудия. Так было с Мушанским. Так будет и с Николовым, который задумал расправу над кем-то. Должно так быть.

От высоких мыслей о счастье я невольно перехожу к своим сегодняшним делам и заботам. Да, надо найти этого Николова, и как можно быстрее, пока не случилось непоправимое.

Но разговор с Варварой почти ничего не дал. Почти...

Я возвращаюсь к себе в отдел, в дверях сталкиваюсь с Валей Денисовым.

Ого! Валя непохож на себя, Валя взволнован. Он, такой сдержанный, даже хватает меня за лацкан пальто и говорит:

– Слушай, Виталий! Только что получена шифровка из Пензы. Николов вернулся домой! Как миленький вернулся. Ты представляешь?

Я ошеломленно смотрю на него.

Глава 4

Вот это номер

С утра у меня все валится из рук. Я ни на чем не могу сосредоточиться. Мысли заняты только одним: нашелся Николов, вернулся домой, сам вернулся, как ни в чем не бывало! Что это может означать? Ну, во-первых, нам теперь не надо метаться по разным городам в его поисках, разыскивать и допрашивать уйму людей и ломать себе голову. Вот он, Николов, собственной персоной. Конечно, с ним придется повозиться и задать ему немало весьма щекотливых вопросов. Он, естественно, будет лукавить, темнить и петлять, хитро и заранее продуманно, однако все это уже не идет в сравнение с тем, что предстояло бы нам, не вернись Николов

домой. Во-вторых, его возвращение означает, что таинственная встреча «всех» окончена, и с той «сволочью» они, видимо, разделались. Вот это уже серьезно. Это может оказаться непорочно. И наконец, в-третьих, дело, так или иначе, близится к концу. Теперь надо поскорее добраться до этого Николова, посмотреть на него, потолковать. Мне надо ехать в Пензу, вот что, и как можно быстрее!

Все эти соображения я и излагаю на совещании у Кузьмича, когда он наконец появляется у себя в кабинете. С утра его вызвали к начальству, и поэтому совещание наше состоялось только в середине дня.

После моей речи, горячей и торопливой, которой наше совещание и началось – я просто не в силах был удержаться, чтобы побыстрее не выплеснуть все свои соображения, – Кузьмич, ухмыльнувшись, говорит Вале Денисову:

– Ну а теперь доложи толком и подробнее, что сообщила Пенза.

И Валя невозмутимо докладывает:

– Николов вернулся два дня назад. А вчера сам пришел в милицию и подал заявление об утере паспорта. Он его потерял, мол, в дороге, когда возвращался из Москвы домой. Ну, его вежливо и осторожно, так, чтобы не спугнуть, спросили по этому факту, и насчет кражи у него в гостинице тоже, конечно. Это не допрос был, а так, беседа.

– Что же он ответил? – спрашиваю я нетерпеливо.

– Насчет паспорта ничего особенного. Потерял, и все. А может быть, и украли. В поезде.

– Так он поездом, значит, приехал?

– Говорит, поездом.

– Интересно. Ну, дальше.

– А вот насчет гостиницы, тут он уже крутит, – продолжает свой доклад Денисов. – Правда, гостиницу он назвал верно, ту самую. Но утверждает, что кражи в его номере никакой не было, и ничего у него из вещей не пропало.

– Как же так, а кофточки? – снова вмешиваюсь я.

– Говорит, никаких кофточек у него не было.

Все озадачены. Я тоже. Что это еще за номер такой? Какой смысл Николову отрицать очевидный факт, ничем, казалось бы, ему не грозящий?

– Больше ни о чем его не спрашивали, – заканчивает Валя. – Приняли заявление насчет паспорта, и все.

– Это правильно, – кивает Кузьмич и добавляет. – Ну, теперь насчет второго дела доложи, насчет всех этих странствующих и путешествующих граждан из четырех городов.

– Слушаюсь.

Валя развязывает тонкую папку, которую все это время держал на коленях, и вынимает оттуда уже известную мне таблицу. Я сразу замечаю, что в ней появилась еще одна графа, почти вся уже заполненная.

– Значит, так, – говорит Валя, поглядывая в таблицу. – Установили, кто куда уехал. Дело это оказалось нетрудное.

– Вот так-то, – басит со своего места Петя Шухмин. – А то сразу: «исчезли». Не в джунглях небось живем.

Валя пропускает его замечание мимо ушей и ровным голосом продолжает:

– Данные получены следующие. Леонид Васильевич Палатов из Ростова отправился в Свердловск, в командировку.

– Ты сразу и место работы их напоминай, – говорит Кузьмич.

– Слушаюсь. Палатов – заместитель начальника ОКСа ростовского завода. Теперь дальше. Галина Остаповна Кочерга, продавец комиссионного магазина в Одессе, взяла неделю отпуска за свой счет и уехала к заболевшей матери в Краснодар. Между прочим, предъявила телеграмму с вызовом. Орест Антонович Сокольский, директор торгового предприятия в Ленинграде, тоже

выехал в командировку, в Харьков. Наконец, Олег Иванович Клячко, врач из Куйбышева, выехал в Астрахань по самому прискорбному поводу – хоронить отца.

И тут я неожиданно вспоминаю, наконец, эту фамилию. По паспорту этого человека жил на вокзале в комнате для транзитных пассажиров Мушанский! Ну конечно же! Сейчас, правда, это особого значения не имеет. Но я все же испытываю облегчение.

– А насчет Пунежа, Федор Кузьмич, ничего сказать нельзя, – заканчивает между тем Валя. – Там абонент Николова пока не установлен.

Теперь, однако, все это не имеет значения, раз Николов нашелся. Теперь надо браться за него самого. И конец делу.

Кузьмич неопределенно хмыкает и переводит взгляд на Игоря.

– Ну а ты, Откаленко, что скажешь?

– Согласен с Лосевым, – хмурясь, говорит он и добавляет: – Ему надо самому ехать в Пензу.

– Да, ехать надо, – соглашается Кузьмич и, помолчав, неожиданно говорит: – А теперь, Лосев, скажи нам, что это за гражданин Пирожков, и почему он так рвался со мной поговорить.

Я невольно бросаю взгляд на Петю Шухмина. Он отводит глаза.

А я рассказываю о Пирожкове, все рассказываю, в том числе и о том, как Петя с ним обошелся, и что тот собрался жаловаться на него Кузьмичу. Рассказываю я все это горячо и даже, наверное, запальчиво, резко. Потому что мне жалко Пирожкова, я к этому толстяку проникся даже некоторой симпатией. Я вижу, как все больше мрачнеет Кузьмич, как настораживаются ребята, и от этого горячусь еще больше.

Когда я наконец умолкаю, Кузьмич сухо произносит:

– Дело не в том, хороший этот Пирожков или на очень хороший, или вообще плохой, дрянной человек. Главное сейчас в том, что этот человек прибежал к нам за помощью. Понятно? К нам, к первым прибежал. Защиты у нас попросил. А на что нарвался? На хамство, на равнодушие, на черт знает что!

Кузьмич наш все больше свирепеет. Это редчайший случай, когда Кузьмич так накаляется, и тогда неизвестно, чем все может кончиться.

– Мы тут для чего поставлены, по-вашему? – грозно продолжает он. – Для чего государственный хлеб едим? Жуликов ловить? А ради чего? Ради них самих, думаете, или ради искусства? Нет, милые мои. Так дело у нас не пойдет. Шухмина гнать надо, раз он не понял суть нашей работы! И любого из нас тоже! Потому что мы жуликов, убийц и всяких прохвостов ловим не ради галочки или там премии какой, а ради людей, тех самых, кто помощи, защиты нашей ждет! Всех людей, любых, понятно вам? И если мы этих людей сами оскорблять да обижать станем, мы в держиморд превратимся! Мы страх и презрение заслужим, а не уважение. И я тогда первым уйду, и позором для себя эту работу считать буду, – Кузьмич сурово смотрит на красного как рак Петю и заключает. – И ты нас, Шухмин, не позорь, ты презрение к нам не смей вызывать. И работу нашу тоже не позорь. Первый и последний раз тебе это говорю, и всем, кстати, тоже. Прогоним, учти, Шухмин. Без сожаления прогоним, с позором.

Он умолкает и с раздражением достает из ящика стола неначатую пачку сигарет. Петя на этот раз не осмеливается щелкнуть своей зажигалкой. Никто не осмеливается. Все мы подавленно молчим. Кузьмич закуривает и, разогнав рукой дымок, говорит уже спокойнее:

– Ну а теперь давайте работать. Что же нам дал этот Пирожков?

– Выходит, ничего особенного, – негромко говорю я, еще не вполне оправившись от гневных слов Кузьмича. – Потому что Николов... я надеюсь, что теперь он появится в Москве только под конвоем. И тогда Пирожков нам не нужен.

– Я тоже надеюсь, – сухо соглашается Кузьмич. – Но Пирожков дал нам первую прямую улику против Николова. Вот что важно. Шантаж и принуждение к незаконной сделке мы Николову предъявить теперь можем.

Он умолкает, что-то, видимо, обдумывая про себя. Мы тоже молчим. У всех у нас испорчено настроение после этой необычной его вспышки. Такого разноса мы давно не имели. И никому неохота вылезать с разговором.

Впрочем, Кузьмич ничего от нас и не ждет. Он уже принял решение и говорит:

– Ну вот что. В Пензу летят Лосев и Откаленко. Ты, Откаленко, за старшего. Летите завтра ночью. До этого Лосев уточняет кое-какие неясные моменты. С «люксом» и прочее. Тебе все ясно, Лосев?

Я молча киваю.

– Так, – продолжает Кузьмич. – Дальше. Ты, Денисов, свяжись сейчас со всеми четырьмя городами. Пусть там побыстрее соберут хоть самые первичные данные об уехавших. Начнем знакомство с ними. Потом свяжись с городами, куда эти граждане выехали. Пусть их там разыщут. Понятно? На все это тебе даю ну два дня, не больше. Все. Можете быть свободны. И на свободе, кстати, подумайте еще раз, о чем я вам тут говорил. Особенно ты, Шухмин. Ты особенно.

Мы все так же молча расходимся. В коридоре я смотрю на часы. Пожалуй, еще сегодня я успею уточнить некоторые моменты. А то, что я лечу в Пензу вместе с Игорем, меня даже радует. Во всех отношениях.

Итак, первый момент, который надо уточнить, – это гостиница. В самом деле, как Николов получил там «люкс»? Я прекрасно помню свой разговор с миловидной девушкой-администратором в день кражи у Николова, то есть недели две назад. Как эту девушку звали? Кажется, Надя. Да, да, Надя! Как и дочь Пирожкова. И она же, эта Надя, назвала мне имя второго администратора, тоже женщины, во время дежурства которой Николов и поселился в «люксе». Надя даже предположила, что было «окно». Как же зовут второго администратора? Надя всего один раз и притом мельком назвала ее имя.

Пока я дохожу до своей комнаты, надеваю пальто и шляпу, я вспоминаю и это имя. Вот что значит, между прочим, профессиональная память. Итак, второго администратора зовут Вера Михайловна. Конечно, это можно было легко выяснить, приехав в гостиницу, но я доволен, что вспомнил сам.

Мне везет. Когда я приезжаю в гостиницу, то оказывается, что Вера Михайловна сегодня дежурит. Это величественная пожилая дама в роговых очках, в строгом темном костюме, вокруг полной розовой шеи пенятся белоснежные кружева. Вера Михайловна изящно курит длинную заграничную сигарету, и, когда она держит ее между пальцами, на мундштуке видны ярко-красные следы помады.

Возле окошечка, как обычно, толпятся жаждущие получить номер. Мне видно, как Вера Михайловна с неприступно-каменным лицом отвечает на их вопросы. Конечно, свободных номеров нет. Это видно по разочарованным, встревоженным лицам тех, кто отходит от окошечка. Мне их искренне жаль. Черт возьми, когда мы наконец решим эту проблему!

Некоторое время я издали наблюдаю за неприятной процедурой этих отказов. Всего один раз лицо Веры Михайловны слегка смягчается, и на нем появляется слабое подобие эдакой снисходительной улыбки, даже, скорее всего, лишь намек на нее. Она протягивает какому-то человеку квадратик регистрационного листка. Этому счастливцу, очевидно, заказан номер.

Улучив момент, когда у окошечка становится пусто, я захожу за перегородку и предъявляю недовольной Вере Михайловне свое удостоверение. Моя улыбка при этом нисколько на нее не действует. Кажется, даже наоборот: Вера Михайловна еще больше настораживается.

Мы знакомимся. И я напоминаю про недавнего жильца «люкса». Вера Михайловна сухо отвечает, что она уже не помнит, как этот человек там поселился. Я, однако, прошу это обстоятельство уточнить. Вера Михайловна, со вздохом пожав плечами и всем своим видом демонстрируя великое терпение к всевозможным человеческим слабостям и глупостям, тем не менее, начинает просматривать записи в книге регистрации и в каких-то блокнотах и тетрадах, а также

довольно пухлую стопку различных заявок на солидных бланках с печатями самых солидных учреждений.

Запись о проживании Николова в «люксе» мы находим довольно быстро, а вот заявки на него не обнаруживаются. Одновременно мы устанавливаем, что поселился он в тот день, когда работала Вера Михайловна. Это для нее, как вы понимаете, малоприятное открытие. Вера Михайловна с минуту сосредоточенно курит, то ли вспоминая, то ли придумывая обстоятельства, по причине которых Николов поселился в «люксе». Наконец она безапелляционно изрекает:

– Видимо, случайно было «окно».

Действительно, «окно» было: предыдущий жилец выехал, оказывается, за несколько часов до Николова. Причем это было не ночью, не рано утром, а в двенадцать часов дня, в самый, так сказать, пик, наплыв алчущих свободный номер. Но Вера Михайловна почему-то держала «люкс» свободным эти несколько часов, пока не появился Николов. Мало того. Она даже не удовлетворила две заявки на «люкс» из весьма солидных учреждений и поселила людей, указанных там, в обыкновенные номера.

Все это оказалось нетрудно установить, стоило мне только с полчаса поразмышлять над всякими записями и документами, пока Вера Михайловна «ликвидировала» скопившуюся было очередь у своего окошка. Когда она вновь оборачивается ко мне, я вынужден задать ей целый ряд неприятных вопросов, которые у меня возникли.

Некоторое время Вера Михайловна молчит, что-то обдумывая и устремив взгляд в пространство, затем, словно очнувшись, поправляет пальцем очки на переносице, не спеша закуривает, энергично чиркнув спичкой, и, наконец, говорит, слегка понизив голос:

– Я вспомнила. Да, да, конечно. Сверху был звонок насчет этого гражданина, – она бросает на меня многозначительный взгляд. – Мы в таких случаях обязаны прислушиваться.

– Чей же именно звонок?

– Ну, это я запомнить не в состоянии. У нас десятки таких звонков в течение дня.

– Но вы их, кажется, записываете, – возражаю я и раскрываю одну из тетрадей. – Вот, пожалуйста. В тот день вы тоже записали. Видите? Звонили из Совета Министров насчет директора сибирского завода Воловика, из президиума Академии наук насчет академика Сорокина. А насчет гражданина Николова никакой записи нет.

– Значит, не успела записать. У нас же тут сумасшедший дом, а не работа. Вы же видите.

– Выходит, простой недосмотр?

– Боже мой, ну конечно! У меня и сегодня с самого утра невыносимая мигрень.

Вера Михайловна прикладывает ладони к вискам, и на суховатом лице ее отражается страдание.

Нет, она больше ничего не скажет. И к откровенности расположить ее невозможно. Тем более что она прекрасно понимает, что откровенность сулит ей одни неприятности.

– Видите ли, Вера Михайловна, – говорю я тоже весьма многозначительно. – Мы не случайно заинтересовались этим гражданином. Он замешан в весьма неблагоприятных делах. Поэтому «сверху» вам звонить о нем не могли. Это первое. Теперь второе. Раз уж мы им заинтересовались, то в конце концов все раскопаем, как вы понимаете. Если вы не расскажете мне все, как было, вы нам, конечно, помешаете, но...

Тут я вынужден прерваться. К окошечку подходит интересная молодая особа и, нагнувшись, говорит:

– Мама, я тебе принесла...

Но тут же растерянно умолкает. Ибо Вера Михайловна бросает на нее весьма выразительный взгляд и при этом подчеркнуто безразличным тоном говорит:

– Хорошо, хорошо, Инночка. Оставь пока. Я же понимаю, тебе тяжело с такой покупкой идти еще и в продуктовый магазин. А Стасик все равно после работы зайдет ко мне. Я ему передам. Так каждый хороший муж должен поступать. Не правда ли?

Молодая женщина натянуто улыбается и, торопясь, передает Вере Михайловне довольно объемистый пакет.

– Спасибо, мама. До свидания. Спешу.

В первый момент я лишь рассеянно прислушиваюсь к их разговору, хотя реплика Веры Михайловны рассчитана целиком на меня. Я не сразу могу понять, чем привлекла меня внешность подошедшей женщины. И только спустя какое-то мгновение я наконец догадываюсь: на ней под расстегнутым модным пальто с очень красивым меховым воротничком надета прелестная голубенькая кофточка, как капля воды похожая на те, что были украдены у Николова.

Я забыл вам сказать, что одну из этих кофточек я решил показать Светке. Это было недели две назад. Увидев ее, Светка всплеснула руками.

– Ой, Витик, где ты достал эту прелесть? – воскликнула она. – Мама, посмотри, что Витик принес! Это, наверное, французская, да?

Она торопливо приложила кофточку к себе, потом кинулась смотреться в зеркало.

Словом, впечатление было сильнейшее. Мне даже стало неудобно перед Светкой за всю эту сцену. Но впечатление усилилось еще больше, когда я сообщил, что кофточка эта нашего производства. Светка сначала не поверила, потом отыскала метку фабрики и наконец заявила, что никогда ничего подобного в продаже не видела. Кофточка оказалась дефицитнейшей вещью, и мне было страшно неловко объяснять Светке, что в данном случае она выступает только в качестве эксперта.

И вот сейчас я снова вижу такую же кофточку на этой молодой особе. В обычное время я бы не придал никакого значения подобному факту, но сейчас случай особый.

Впрочем, мысли об этой кофточке отвлекают меня лишь на какое-то мгновение, после чего я уже довольно внимательно прислушиваюсь к происходящему разговору, и мне, конечно, бросается в глаза его натянутый и не очень естественный тон. Как и явное смущение обеих женщин, вызванное присутствием постороннего человека, то есть меня. Застигнутые врасплох, они не очень искусно разыгрывают передо мной этот спектакль.

Я также с интересом провожаю взглядом большой пакет, который Вера Михайловна довольно поспешно сует куда-то вниз, под свой стол. Когда молодая особа удаляется, я собираюсь было закончить свою в высшей степени многозначительную речь, но Вера Михайловна величественным жестом прерывает меня и, вздохнув, говорит:

– Можете не продолжать, молодой человек. Я и так все понимаю. Видимо, лучше признаться в малом грехе, чем вызвать подозрение в большом. Я буду с вами абсолютно откровенна. Абсолютно. И если вы захотите причинить мне неприятности по службе, то я их буду, конечно, иметь. Но только по службе. В жизни моей я не имела отношения к уголовным делам. Тут я щепетильна. Я даже свидетелем никогда не была. А вот по службе... Но вы, кажется, интеллигентный человек, вы сможете меня понять.

– Я вовсе не заинтересован причинять вам неприятности, – несколько туманно заверяю я.

– Правда? Я так и знала. А дело вот в чем, – Вера Михайловна вздыхает так томно, что, кажется, может разжалобить камень. – Этот мужчина произвел на меня впечатление. Его манеры, голос, наконец, внешность – седые виски, английское пальто. К тому же он так на меня посмотрел. Я даже решила, что это Мессинг или кто-то вроде этого, – она слегка краснеет и нервно мнет в пепельнице недокуренную сигарету. – Словом, я решила, что должна ему помочь.

– Мне кажется, – с улыбкой замечая я, – если быть уж абсолютно откровенным, материальные аргументы в наш век всегда сильнее мистических ощущений.

– Ах, есть разные натуры. Я всю жизнь страдаю из-за своего доверчивого характера, – она бросает на меня быстрый испытующий взгляд и, снова томно вздохнув, продолжает. – Хотя, не буду скрывать, он меня потом отблагодарил. Нет, нет, не подумайте дурно. Просто он дал мне возможность приобрести очень милые вещицы.

– В том числе кофточку, которая была на вашей дочери? – довольно прямолинейно спрашиваю я.

Вера Михайловна, на секунду смешавшись, кивает головой.

– Да, кофточку я тоже купила. Инночке она так к лицу.

Слово «купила» она заметно подчеркивает. Теперь я знаю все, что мне требуется. И на прощание говорю Вере Михайловне:

– Я думаю, в наших общих интересах сохранить пока между нами этот разговор.

– О да. Конечно.

По пути в отдел, в холодном и до предела набитом троллейбусе – часы пик уже начались – я перебираю в уме все детали состоявшейся беседы.

Итак, Николов дал взятку, обыкновенную вульгарную взятку, которая сработала безотказно. И манеры его, и внешность лишь гарантировали ей безопасность и выгодность этой операции. Только и всего. В том числе он преподнес Вере Михайловне и ту кофточку. Опять кофточка...

В этот момент троллейбус неожиданно тормозит, и пассажиры неудержимо валятся вперед, давя друг друга. Но вот равновесие восстанавливается, и мы едем дальше.

Однако мысли мои неожиданно приобретают совсем другой характер. Мне все начинает казаться подозрительным в недавнем разговоре. Неужели Николов действительно произвел на нее такое неотразимое впечатление? Я себе представляю, сколько приезжих пытались таким образом получить номер. Почему Вера Михайловна не устояла именно в этом случае? Такую крупную взятку предложил Николов? Но тогда она особенно рисковала, имея дело с совершенно незнакомым человеком. Тем более речь-то шла о «люксе», на который были официальные заявки. Нет, Вера Михайловна не легкомысленная девочка и первому встречному не доверится. Значит, Николов был не первый встречный...

Внезапно перед моими глазами всплывает пакет, который передала Вере Михайловне ее дочь, эта самая Инночка. Пакет был завязан вполне профессионально, но не так, как завязывают в магазине, а более основательно и солидно. Словом, и пакет мне начинает казаться тоже подозрительным. И к тому же смущение обеих женщин, особенно дочери... И вдруг я ясно ощущаю: Вера Михайловна мне нагала. Все нагала. И если так, то я, сообщив ей, что уголовный розыск интересуется Николовым, совершил серьезнейший промах. С этим чувством вины и каких-то неизбежных ее последствий я приезжаю к себе в отдел и захожу в кабинет Кузьмича. На столе у него замечаю знакомую папку с делом Николова.

Я подсаживаюсь к столу и рассказываю все от начала и до конца, со всеми подробностями, как обычно и требует Кузьмич. При этом я не скрываю своих подозрений и особенно опасений.

Когда я кончаю, Кузьмич некоторое время еще молчит, потом качает головой.

– Да, вполне возможно, что ты свалил дурака!

Он снова что-то обдумывает про себя и наконец решительно произносит:

– Вот что. В Пензу надо лететь немедленно, – и смотрит на часы. – Сейчас ровно двадцать. Посмотри, когда ближайший рейс.

Я встаю и подхожу к стене, где висит расписание воздушных рейсов. Выясняется, что ближайший самолет вылетает через четыре часа.

У меня в запасе три часа, и я все должен успеть. Мысленно прикидываю время. Сейчас попрошу машину и через двадцать минут буду дома, полчаса на сборы и прощание, еще пятнадцать минут на дорогу к Светке, там я могу пробыть час, и тогда час пять минут останется на дорогу в аэропорт. Надо только суметь выдержать график.

Кузьмич разрешает мне взять машину. Она же потом доставит меня в аэропорт.

Первые этапы графика выдерживаются безукоризненно, тем более что дома я никого не застаю, и прощание ограничивается короткой запиской. Свой большой дорожный портфель я складываю мгновенно, список необходимых вещей давно отработан. Я успеваю даже позвонить Светке и предупредить, что я сейчас приеду. По-моему, она даже не расслышала, что я уезжаю, и что времени у меня совсем немного.

Дома у Светки я неожиданно застаю Аллу.

Светка здоровается со мной необычно сдержанно, и только ее плутовские, сияющие глаза убеждают меня, что эта сдержанность вынужденная. Ей, конечно, неловко перед Аллой, я понимаю. И потому сам здороваюсь со всеми одинаково ровно и как бы буднично.

У Аллы припухшие веки и еще влажные глаза, нос слегка покраснел. Она, конечно, только что плакала. Уголки красивого рта еще дрожат, и смотрит она на меня, как мне кажется, со скрытым упреком, будто я тоже перед ней в чем-то провинился. Словом, обстановка здесь невеселая, это ясно. Анна Михайловна шумно вздыхает и, с трудом поднявшись, удаляется в кухню.

– А ну вас, – говорит она – Давайте ужинать. Никакие переживания его не отменяют. Витик, ты пока отдохни. Впрочем, разве с этими сумасшедшими девками отдохнешь?

– Со мной тоже не отдохнешь, – отвечаю я. – И не поужинаешь. Через час улетаю.

– Улетаешь? – с тревогой переспрашивает Светка, и я чувствую, что все другие мысли мгновенно выветрились у нее из головы. – Куда ты улетаешь?

– В один большой город, – беспечно отвечаю я.

– Ой, Витик... – Светка подходит ко мне и, встав на цыпочки, обнимает меня за шею. – Я всегда так боюсь, когда ты улетаешь.

– Пустяки...

Я же боюсь шевельнуться, чтобы не спугнуть ее, боюсь неосторожным движением напомнить ей, что она хотела быть сдержанной.

– Ну да, пустяки... – у Светки дрожат губы, и она еще крепче прижимается ко мне. – Прошлый раз ведь тебя ранили, когда ты улетел.

– Редчайший случай, – отвечаю я.

И осторожно глажу ее по спутанным волосам.

– А перед этим, в Снежинске, помнишь, ты попал в больницу?

Она поднимает ко мне встревоженное лицо.

– Так это же я заболел. Это со всяким может случиться.

– Ну да. А почему ты тогда не узнал меня на улице, почему побоялся подойти? И сам был... Ой, я не могу это вспоминать.

И тогда я сам обнимаю ее и крепко прижимаю к груди. Господи, какое счастье, что она у меня есть, моя Светка.

Но Светка уже справилась с волнением и вырывается из моих рук.

– Почему Федор Кузьмич всегда посылает тебя? – сердито говорит она и тут же через силу улыбается. – А, все вы одинаковы. Ты один летишь?

– С Игорем.

И тут мы невольно оба смотрим на Аллу.

Теперь через силу улыбается она.

– Мне уже все равно. С меня хватит, – говорит Алла, и губы ее дрожат. – Пусть волнуется... другая.

– Ну хватит вам, в самом деле, – вмешивается Анна Михайловна, снова заходя в комнату. – Витик, не обращай внимания. С этими бабами с ума сойдешь. Вот что тебя ждет, бедный, представляешь?

– Представляю, – мечтательно говорю я и смотрю на Светку.

Она почему-то краснеет и с упреком говорит Анне Михайловне:

– Мама, ну что ты, в самом деле, давайте ужинать.

Я просто не успеваю уследить за сменой ее настроений. Глаза у нее уже высохли и снова озорно блестят. Она полна энергии.

– Витик, – командует Светка, – иди мой руки.

Начинается суета. Даже Алла втягивается в этот круговорот и начинает помогать накрывать на стол. Появляется недопитая нами вчера бутылка сухого вина.

Когда мы усаживаемся, Анна Михайловна объявляет:

– Ну, первый тост за странствующих и путешествующих. Так полагается во всех книгах.

И она решительно поднимает рюмку.

– Мамоchка, тебе нельзя, – вмешивается Светка. – И вообще это моя рюмка.

– А, наплевать! За Витика я должна выпить. А ты себе налей другую.

Я знаю, с Анной Михайловной в таких случаях спорить бесполезно, не надо было Светке выставлять вино.

Мы все чокаемся, хотя Алла делает это явно неохотно.

– Аллочка, – говорит Светка, – вот увидишь, все образуется. Игорь тебя любит.

Как раз в этом я начинаю сильно сомневаться. Особенно в свете полученных мною недавно сведений.

– Меня это совершенно не интересует, – резко отвечает Алла. – Абсолютно. Пусть другую это волнует.

– Ну ладно, – беспечно машет рукой Анна Михайловна. – И не думай тогда больше об этом. Вот только... – она на секунду умолкает, и полное, отечное лицо ее горестно сморщивается. – Димочку, конечно, жалко.

Она приподнимает очки и проводит ладонью под глазами.

– А я вам говорю, все будет хорошо, – упрямо трясет головой Светка.

И тут Алла неожиданно опускает голову, и плечи ее сотрясаются от беззвучных рыданий. В этот момент в коридоре раздается звонок.

– Это за мной, – говорю я, поднимаясь.

– Немедленно все доедай, – командует Анна Михайловна, грузно поворачиваясь в мою сторону. – Света, открой.

Светка срывается со стула.

– Это Володя! Я его сейчас попрошу обождать.

Она уже знает всех наших сотрудников по именам, включая шоферов. И, по-моему, все в ней души не чают. Володя, в частности, будет теперь ждать меня хоть до утра. Тем не менее, через пять минут я уже сижу в машине, но мне кажется, что я все еще обнимаю и целую Светку, и голова у меня чуть-чуть кружится.

В толпе спящих людей у входа в аэропорт я сразу замечаю Игоря. Он в кепке и пальто, с портфелем в руке, покуривая, разговаривает с незнакомым мне офицером милиции.

Я подхожу. Офицер оказывается сотрудником отделения милиции аэропорта. Он вручает нам билеты, желает счастливого полета и, откозыряв, уходит.

– Пензу предупредили? – спрашиваю я Игоря.

Он пожимает плечами.

– Конечно.

Мы не спеша прогуливаемся по длинейшему залу ожидания первого этажа. Наконец объявляют посадку и на наш рейс.

В узком чреве самолета мы пробираемся на свои места и, не сняв пальто, устраиваемся поудобнее в креслах, вытаскиваем из-под себя пристяжные ремни.

Я достаю прихваченный из дома журнал. Рядом угрюмо молчит Игорь, уставившись в одну точку перед собой. Что он такое думает все время?

Полет начался.

Я раскрываю журнал. Читать мне не хочется, глаза рассеянно бегут по скучным строчкам. Я перелистываю страницы. И упрямо молчу. Я не хочу навязываться Игорю со своими разговорами.

Глаза у меня незаметно начинают слипаться.

– Я ее люблю, – вдруг глухо произносит Игорь. – По-настоящему люблю. Не могу без нее.

– Догадываюсь.

Дремота мгновенно покидает меня.

– Ничего ты не догадываешься. Ты это не можешь понять.

– Почему же? Это понять нетрудно.

Я говорю, не отрывая глаз от журнала.

– Трудно. Все страшно трудно.

Игорь тоже не смотрит на меня, говорит словно в пространство. Так нам обоим легче вести разговор.

– Лене тоже трудно?

Игорь впервые скашивает на меня глаза.

– А ты как думал?

Он слегка озадачен моей осведомленностью.

– Думаю, тоже трудно, – уступаю я.

– Именно что. А тут еще Димка, – задумчиво продолжает Игорь. – Димка главное. Потом, может быть, поймет. Но это потом. Через двадцать лет. А пока что он будет думать?

– Да, Димка главный пострадавший, – подтверждаю я.

И при всей трудности нашего разговора я чувствую, что счастлив, словно я вновь обрел друга.

Игорь не замечает моих маленьких переживаний.

– Что же мне делать? – с тоской вырывается у него.

В самом деле, что ему делать?

– Мне кажется, – медленно говорю я, – что главное тут – быть уверенным в том человеке, в своем чувстве к нему и остаться хорошим отцом Димке.

– И тогда?.. – настораживается Игорь.

– И тогда развод.

– А Алка?

– Время поможет, – с несвойственной мне мудростью заключаю я.

– Н-да...

Игорь снова умолкает.

В этот момент впереди, на кабине пилотов, зажигается табло: «Не курить. Пристегнуть ремни». Через некоторое время голос стюардессы оповещает по радио:

– Граждане пассажиры, наш полет заканчивается...

Через минуту самолет, вздрагивая, катится по широкой бетонной полосе, сбоку вдоль нее бегут красные огоньки.

Утром мы просыпаемся от телефонного звонка. За окном еще темно. Семь часов утра. Именно в это время мы и попросили нас разбудить дежурную по этажу. В восемь за нами заезжает Рогозин и везет к себе в горотдел.

Рогозин высок и широкоплеч. А физиономия круглая и простецкая, ну, совершенно простецкая. В коротких темных волосах густо проступила седина, но это нисколько не придает ему солидности и значительности. Рогозин бывший моряк, и руки его сплошь покрыты татуировкой, вплоть до пальцев. Он ее стесняется и руки старается прятать. Я себе представляю, что у него творится на груди. Рогозин – начальник уголовного розыска города. Он отличный работник и, несмотря на свою простецкую внешность, хитрец, каких мало.

Мы с ним уже не раз встречались. Меня он зовет по имени, Игоря тоже, а мы его по имени-отчеству, все-таки он лет на пятнадцать старше, да и званием повыше.

Мы усаживаемся в его кабинете на довольно стареньком кожаном диване и закуриваем.

Рогозин интересуется:

– Ну, парни, как отдохнули, заправились?

– Прилично, – отвечаю я за двоих.

– Обедать будем вместе, – многозначительно предупреждает Рогозин. – А сейчас слушайте. Вот какие, значит, пироги. Насчет вашего Николова.

Оказывается, за эти два дня сведений о Николове успели собрать немало. Но интереса они для нас не представляют. В том числе и кислые характеристики по месту работы. Может быть, у него и недостаточная квалификация по специальности, и рвения он не проявляет, зато в другой, известной нам области и квалификации и рвения у него, кажется, с избытком. Только одна деталь привлекает наше внимание: частые поездки в Москву, а может быть, и не только в Москву. Иной раз даже за свой счет несколько дней выпрашивает. А в остальном все в жизни Николова ординарно и совсем не примечательно: женат, сыну одиннадцать лет, живут как будто довольно скромно, и даже мало-мальски подозрительных знакомств никаких нет. Какое разительное отличие от жизни Николова в Москве! Жене, наверное, и не снилось такой жизни, какую он собирался устроить для Варвары. Кстати, с женой Николов часто ссорится, и тогда она, захватив сына, переезжает на несколько дней к родителям.

Вот и все, что известно местным товарищам об этом проходимце. Как видите, небогато. Мы знаем куда больше.

– Как он себя ведет эти два дня? – спрашивает Игорь.

– Нормально. Из дому на работу, с работы домой. Вчера с женой даже в кино пошел, – усмехается Рогозин – Мир у них сейчас.

Потом мы просматриваем всякие справки, сообщения и свои собственные записи, уточняем с Рогозиным отдельные детали. Неожиданно выясняется, что уже десять часов. Звонит телефон, и дежурный сообщает, что пришел гражданин Николов.

Ну вот, теперь начинается самое главное. Добро пожаловать, гражданин Николов, очень любопытно будет с вами познакомиться и послушать, как вы объясните некоторые свои поступки. Вряд ли нам после этого суждено расстаться с вами. Мы улаживаемся, что разговор с Николовым проведу я, поскольку я лучше знаю все материалы по этому делу.

Кстати, я забыл сказать, что перед отъездом мы провели интересную экспертизу, вернее, по нашей просьбе ее провели. Почерк записки, оттиск которой я обнаружил, сравнили с почерком Николова в регистрационном листке, который он заполнил, поселившись в гостинице. И все совпало. Ту странную, подозрительную записку написал он, Николов.

Словом, нам есть о чем поговорить с ним.

Рогозин просит дежурного направить Николова к нему.

Через минуту, после деликатного стука в дверь, на пороге появляется высокий худощавый человек с седыми висками и большими залысинами на широком лбу, уши как-то нелепо торчат в стороны, лицо улыбочное и, я бы сказал, довольно приятное. Одет он в скромный костюм, короткое нейлоновое заграничное пальто расстегнуто, на шее яркое мохеровое кашне, в руке держит плоский, весьма модный сейчас темный чемоданчик-портфель. С виду Николов настроен абсолютно спокойно, даже как будто оптимистично. Хотя во взгляде его я улавливаю настороженность.

Я встаю ему навстречу. Игорь и Рогозин сидят в стороне, на диване и заняты каким-то своим разговором. Нечего создавать у Николова впечатление, что все мы собрались здесь ради него. Николов здоровается со мной весьма непринужденно и одаряет обаятельной улыбкой. Начинается разговор.

– Хотелось бы, Иван Харитонович, – говорю я, – уточнить некоторые обстоятельства вашей поездки в Москву.

– Пожалуйста, – с готовностью соглашается Николов.

Но я чувствую, как внутренне он весь напрягается, и улыбка становится несколько вымученной.

– Где вы остановились, будучи в Москве?

Николов называет уже знакомую мне гостиницу.

– Когда вы из нее выехали?

И тут Николов, к моему удивлению, называет совсем не тот день, когда он на самом деле покинул гостиницу. По его словам, это произошло всего четыре дня назад. Странно, как он не подготовился к такому элементарному вопросу.

– Нет, Иван Харитонович, – вежливо возражаю я. – Вы уехали оттуда за две недели до этого дня. Вот справка из гостиницы.

Я протягиваю ему через стол эту справку.

Николов внимательно и, как мне кажется, с некоторым удивлением и любопытством изучает ее, потом что-то обдумывает про себя и наконец очень спокойно спрашивает:

– А какое, собственно, имеет значение, когда я оттуда уехал? Ну, допустим, на две недели раньше, что из этого?

– Где же вы были все это время?

Николов уже не улыбается и сердито отвечает:

– Это никого не касается, где я был.

Вот это точный ход. Действительно, пока не возбуждено уголовное дело и не начато официальное следствие, он вправе не отвечать на такие вопросы.

– Да, конечно, – соглашаюсь я. – Пока вы можете на этот вопрос не отвечать. Вернемся к гостинице. В день вашего действительного отъезда в номере «люкс», который вы занимали, произошла кража.

– Ни о какой краже я не знаю, – нервно возражает Николов, пожалуй, даже слишком нервно. – Я уже говорил. И у меня ничего не пропало. А паспорт у меня украли позже, в дороге.

– Да, паспорт у вас, видимо, украли позже, – соглашаюсь я. – Но вор, забравшийся к вам в номер, задержан и, представьте, сознался.

– Понятия об этом не имею, – упрямо повторяет Николов. – Не было у меня кражи, и все.

– Однако мы изъяли у него ваши вещи. Вот. Узнаете?

Я достаю злополучные кофточки, украденные Мушанским из «люкса», и показываю Николову. Он спокойно, хотя и с некоторой неприязнью смотрит на них и качает головой.

– Это не мои вещи.

Что ж, надо признать, что некоторая логика в избранной им линии поведения есть, хотя ни к чему хорошему она не приведет.

– Они взяты из вашего номера, – говорю я. – И есть свидетели кражи. Дежурная по этажу, горничная.

– Вполне возможно. Но я свидетелем быть не могу.

– Конечно. Вы пострадавший. Вы, так сказать, жертва.

Я с трудом сдерживаю улыбку.

– Да никакая я не жертва! – взрывается Николов. – Первый раз слышу об этой краже! И не понимаю, чего вы от меня хотите, в конце концов. Какие-то кофточки!..

– Ну хорошо, – примирительно говорю я. – Оставим пока эту кражу. Займемся другим фактом, если вы не возражаете.

– Возражаю, – буркает Николов.

– И все-таки придется заняться. Он касается вас, раз вы жили в том номере. После вашего отъезда мы нашли там листок с какими-то расчетами. Не могли бы вы нам их объяснить?

Я протягиваю ему листок. Но Николов, бросив мимолетный взгляд на него, отстраняет мою руку.

– Извините, но я ничего подобного не писал.

– Вот как? А вы все-таки возьмите и посмотрите на обратную сторону.

Николов неохотно берет листок и переворачивает его.

– Ну и что? – раздраженно спрашивает он. – Ничего здесь нет.

Я чуть-чуть наклоняю листок в его руке.

– Линии какие-то, – говорит Николов.

– Это оттиск записки, написанной на предыдущем листке, – поясняю я. – Вот увеличенная фотография ее, сделанная в косых лучах.

Я показываю ее Николову.

Он с интересом вглядывается в нее и восклицает:

– А ведь тут что-то написано!

– Именно. И наши эксперты не только ее прочли, но и установили автора. Это вы писали, Иван Харитонович.

– Я?!..

– Да, вы. Вот текст записки. Прочтите.

На лице Николова проступает беспокойство. Но по мере того, как он читает записку и улавливает ее смысл, беспокойство сменяется очевидной тревогой.

– Это не я писал, – говорит он и отодвигает от себя лежащие перед ним бумаги.

– Вы, Иван Харитонович. Вот заключение экспертов. Прочтите.

– Не желаю! – почти кричит Николов. – И грош цена вашим экспертам в таком случае!

Ну это уж слишком. Он же умный человек. В конце концов, ему можно напомнить и некоторые имена. Все, кроме Пирожкова, его упоминать не следует, это тоже ловушка для Николова, и пусть она останется в резерве. Впрочем, она, возможно, сейчас и не понадобится. В глазах у Николова нарастает страх, пальцы нервно барабанили по чемоданчику, лежащему на коленях. Да, я себе представлял его совсем другим, этого Николова, умнее и сильнее, что ли.

– Иван Харитонович, – говорю я. – Дело гораздо серьезнее, чем вы полагаете. Вот послушайте. После кражи вы внезапно и поспешно скрываетесь, заявив дежурной, что вам срочно надо вернуться в Пензу. Это был обман, в Пензу вы не поехали. В Москве вы вели себя тоже достаточно подозрительно. Об этом свидетельствует, в частности, жилец соседнего номера, с которым вы познакомились, некий Виктор, вы его помните?

– Не знаю такого! – с вызовом отвечает Николов.

– А Варю, с которой вы познакомились на трикотажной фабрике, вы тоже не знаете? Очень красивая женщина, кстати.

– Тоже не знаю!

– А она вас хорошо запомнила. Вы ей собирались подарить такой роскошный браслет. Как же так, Иван Харитонович?

– Повторяю, никакой Вари я не знаю и на трикотажной фабрике никогда не был.

– Но все это не самое важное, – с ударением говорю я. – Самое важное – вот эта ваша записка. В ней прямая угроза расправы с кем-то. И мы...

– Да не писал я ее! – с неожиданным отчаянием восклицает Николов. – Честное слово, не писал! Это... это ошибка, уверяю вас!

– Она написана вашим почерком, – терпеливо говорю я. – Вашим. Тем самым, каким вы заполняли регистрационный листок в гостинице. Понятно вам?

– Ошибка! Вот мой почерк! Вот! Смотрите!

Николов дрожащими пальцами открывает свой чемоданчик и лихорадочно роется в лежащих там бумагах.

Я с усмешкой спрашиваю:

– Что же, в Москве вы писали другим почерком? Тогда зачем, разрешите узнать?

– Да нет же!..

Тут Николов, видимо, на что-то решается, перестает рыться в своем чемоданчике и, оглянувшись в сторону Игоря и Рогозина, понизив голос, говорит:

– Ну хорошо. Можно с вами поговорить наедине?

Я отрицательно качаю головой.

– Нет. Этот товарищ приехал со мной из Москвы, – я указываю на Игоря. – А это начальник уголовного розыска Пензы. Они должны все знать. Так что наедине разговор не получится.

– Ну хорошо, хорошо! – взволнованно восклицает Николов. – Но секреты вы, по крайней мере, умеете хранить?

Я с удивлением смотрю на него и машинально отвечаю:

– Да, конечно, – но тут же с улыбкой добавляю: – Впрочем, смотря от кого.

– От моей жены, например!

– Да, тут вы гарантированы, будьте спокойны.

Я начинаю ощущать неясное беспокойство. Мне кажется, Николов собирается выкинуть новый фокус, и я почему-то не уверен, что мы сможем быстро в нем разобраться. Пожалуй, Николов не так прост, как это мне показалось вначале.

– Так вот... – торопливо произносит он, наваливаясь грудью на стол. – Так вот, – повторяет Николов и проводит ладонью по лбу, – если хотите знать, я никогда не жил в той гостинице, ни одного дня! И паспорт у меня украли сразу, как я приехал в Москву, в ресторане, на вокзале. А жил я все время... ну у одной знакомой, в общем. Если уж на то пошло, можете проверить! Я вам дам адрес. И жильцы соседних квартир подтвердят. Пожалуйста! И вы можете устроить новую экспертизу с моим почерком! И можете показать меня в гостинице! Ноги моей там не было!

Я ошеломленно смотрю то на него, то на Игоря и Рогозина. На их лицах такое же изумление, как и на моем. И тревога тоже.

Вот это номер! У меня нет сомнения, что Николов сейчас говорит правду. Значит, в гостинице по его паспорту жил совсем другой человек, двойник этого Николова! А сам он все это время находился у своей приятельницы, боясь даже заикнуться о потере паспорта, и, так сказать, «срывал цветы удовольствия».

Глава 5

Убийство

Итак, все предстоит начинать сначала. Весь поиск, все распутывание сложнейшего клубка. Степень опасности того неведомого человека намного возрастает. Жить по подложному, чужому паспорту – для этого надо иметь серьезные причины, не так ли? А пока что надо выяснить у Николова, на этот раз подлинного Николова, как же все-таки его паспорт попал к тому человеку, может быть, он какую-нибудь ниточку нам даст?

Между тем Николов заметно успокаивается: он чувствует, что мы ему верим, и опасность оказаться замешанным в каком-то неведомом ему преступлении, кажется, миновала. Ну, а грешок, в котором он признался, нас, очевидно, не интересует.

– Скажите, Иван Харитонович, – обращаюсь я к нему после минутного молчания, – как же украли у вас паспорт? Вы ведь даже помните, где именно это произошло?

– В том-то и дело, что помню. Прекрасно помню, – охотно подтверждает Николов. – На вокзале, в ресторане. Но вот как это случилось, ума не приложу. Я уже все перебрал, буквально все. Хотя... – он нерешительно умолкает. – Пожалуй... после того, что вы мне сообщили...

– Что же после этого?

– Видите ли, в поезде, на пути в Москву, я познакомился с одним человеком. Весьма, кстати, приличным, я бы даже сказал, интеллигентным и солидным.

– Он ехал тоже из Пензы?

– Нет. Из Куйбышева. Тут произошла забавная история. Подхожу я к вагону, а около него с каким-то неизвестным стоит мой приятель, он вернулся из Куйбышева. Ну, обнялись, и он говорит: «Ваня, передаю тебе моего попутчика. Знакомьтесь. Скучать не будете». Вот так и получилось.

– А кто этот ваш приятель?

– Сева Страхович, мой сослуживец.

Я смотрю на Рогозина, и тот незаметно мне кивает. Взял, значит, на заметку этого Севу. А еще через минуту Рогозин выходит из кабинета.

– Ну, когда поезд отошел, мы разговорились, – продолжает между тем Николов. – Он всякие забавные истории рассказывал. Перекинулись в картишки, коньячок у него с собой оказался. Словом, все было весьма приятно. А поезд в Москву пришел среди дня. Ну и решили мы на прощание вместе пообедать, тут же на вокзале, в ресторане. Посидели мы там часа два, хотя ресторан, конечно, не ахти какой. И вот, понимаете, паспорт... Боже упаси, я ни на минуту не думаю на Михаила Александровича...

– Он так себя назвал?

– Да, да. Именно так. Я, повторяю, не могу даже помыслить, что он... Да и как, сами посудите? Не мог же он в карман ко мне залезть? Выпили мы, кстати, самую малость.

– А почему вы думаете, что паспорт украли? – спрашиваю я. – И именно в ресторане? Может быть, вы его в поезде потеряли? Или там его и украли?

– Нет, нет, – убежденно возражает Николов. – Перед самой Москвой мне проводница вернула билет, и я его положил в бумажник. Паспорт был на месте. Это и я хорошо помню.

– Скажите, – вдруг вмешивается Игорь, – а вы с этим Михаилом Александровичем не условились продолжить знакомство? Не обменялись адресами, телефонами?

– Ну как же! Обменялись, конечно.

– Он москвич?

– Нет, он тоже приезжий. Дал телефон, где остановится. Представьте, – Николов разрешает себе усмехнуться, – тоже у приятельницы. Сам же он из Одессы. Одесский адрес мне и дал.

– У вас при себе его адрес? – интересуюсь я. – И тот телефон?

– Да, да. Одну минуточку.

Николов торопливо достает старенькую потертую записную книжечку с алфавитом и начинает перелистывать густо исписанные странички.

– Забыл, знаете, его фамилию... Сейчас... сейчас... На какую же букву я его записал?... – бормочет он. – Тут нет... Тут тоже... А, вот! Зурих Михаил Александрович, он самый...

Николов диктует мне одесский адрес своего случайного знакомого и номер его телефона в Москве.

– А свой московский телефон вы ему дали?

– Дал, – конфузится Николов. – И даже предупредил, что хотя всем говорю, что останавливаюсь в гостинице, – он называет ту самую, где жил по его паспорту Зурих, – но на самом деле это частная квартира. На что он почему-то сказал: «Очень удачно». Что тут, собственно говоря, удачного, я, признаться, не понял.

Но мы понимаем.

– Разрешите взглянуть вашу запись?

– Пожалуйста. Вот она.

Николов передает мне раскрытую записную книжку и пальцем указывает на последнюю строчку. Так я и думал. Запись эта сильно отличается от других. Почерк размашистее, круп-

нее, небрежнее. Они за обедом, видимо, хорошо выпили. И новый знакомый сумел каким-то образом вытащить у Николова паспорт. Но паспорт был в бумажнике, бумажник во внутреннем кармане пиджака, а пиджак... Они сидели в ресторане два часа, обильный обед, много выпито...

– Скажите, – снова спрашиваю я, – вы за обедом снимали пиджак, не помните?

– Да. Очень жарко было и душно невыносимо. Мы оба сняли.

– И отлучались куда-нибудь?

– Ну, куда же? – улыбается Николов. – А впрочем... помнится, действительно отлучались.

По очереди. Извините, в туалет.

Вот все и стало на свои места.

– Еще один вопрос, – говорит Игорь. – Вы звонили Зуриху по тому телефону, что он дал?

– Кажется, нет... Нет, нет, не звонил, я теперь точно вспомнил. Это он звонил. Приглашал посидеть в ресторане. Но мы... в общем, не смогли.

– Больше он не звонил?

– Нет. Обещал написать.

Дальнейший разговор с Николовым ничего не прибавляет к нашим сведениям о неведомом гражданине Зурихе Михаиле Александровиче. Впрочем, подлинность и этой фамилии вызывает у нас серьезные сомнения, как и одесского адреса этого типа, не говоря уже о телефоне в Москве.

Мы прощаемся с Николовым.

– Смотрите, – напоследок говорю я, – в наших взаимных интересах, чтобы вы не очень болтали о состоявшемся разговоре.

Николов молитвенно прижимает руки к груди, и по глазам его я вижу: он надеется, что так же немы будем и мы.

– В этом вы можете быть абсолютно уверены, – горячо заверяет он.

– И если придет письмо от Зуриха, – добавляет Игорь, – не откажите в любезности, прежде чем ответить, показать его нам.

– Даже не сомневайтесь!

И Николов уходит, осторожно прикрыв за собой дверь. Отправляется получать новый паспорт.

А через некоторое время появляется Rogozin. Он уже успел побеседовать со Страховичем. Тот повторил рассказ Николова, сообщил, что с Зурихом он вместе сел в поезд в Куйбышеве, и того провожал на вокзале какой-то молодой худощавый мужчина, которого Страхович может в случае необходимости опознать, он его хорошо запомнил. В пути Зурих ничего интересного для нас Страховичу не сообщил.

Итак, командировка наша закончена. Дневным рейсом мы вылетаем в Москву. Мы везем пренеприятнейшие новости. Ни о чем другом мы сейчас просто не в состоянии думать.

– Спорить могу, – говорю я, – Зурих – это тоже обман. Никакой он не Зурих. И ты подумай, каков наглец! Украл у человека паспорт, живет по нему и еще осмеливается приглашать свою жертву в ресторан. Это же надо!

– Неспроста, – Игорь качает головой. – Припасает его для будущего. Подходящий человек. К тому же архитектор, к строительству близок. Будет он просто так его приглашать, как же.

– Где и кого теперь искать, вот вопрос.

– Придется искать, между прочим, и Зуриха Михаила Александровича. Наверное, этот тип и у него документы украл.

– Не обязательно. Мог эту фамилию и придумать.

– Все равно, – упрямо повторяет Игорь. – Надо проверить.

– Сколько еще впереди проверок, – со вздохом говорю я и, щурясь, смотрю в иллюминатор. Самолет идет на посадку.

В кабинете у Кузьмича мы застаем Валю Денисова.

Главное они уже знают, главное мы сообщили по спецсвязи еще из Пензы. Теперь мы выкладываем все подробности и детали. Когда я называю одесский адрес, оставленный Зурихом, Валя спокойно замечает:

– Это тот самый адрес.

Я как ужаленный поворачиваюсь к нему.

– Какой «тот самый»?

– Разве ты забыл? – удивляется Валя. – Это же адрес Галины Кочерги, продавщицы комиссионного магазина.

Мы сразу вспоминаем Валину таблицу – конечно, он знает ее лучше всех нас! – и среди четырех человек, нет, пяти – неизвестный из маленького городка Пунежа там ведь тоже обозначен, – всплывает эта самая Галина Кочерга. Почему же именно ее адрес дал Зурих? Просто подвернулся в памяти ему этот адрес? Ну нет. Вряд ли это случайность. А раз так, то, может быть, не выдуман и номер телефона в Москве? Но из этого следует, что Зурих решил установить двустороннюю связь с Николовым. Значит, он ему нужен. Зачем только?

– Надо проверить этот телефон, – говорит Кузьмич и поворачивается ко мне. – Завтра же утром проверь сам, – и уже другим тоном продолжает: – Ну-с, что еще дает нам этот эпизод?

Кузьмич, набычившись, вопросительно оглядывает нас поверх очков.

– Он приехал в Москву из Куйбышева, – задумчиво говорит Игорь. – А в Куйбышеве живет... кто-то там живет из таблицы.

– Олег Иванович Клячко, – без запинки произносит Валя. – Врач городской поликлиники.

– Так, так, – кивает головой Кузьмич. – Это мы тоже не забудем. Что еще?

Ну, еще этот эпизод пополняет наши сведения о внешности Зуриха, о его повадках, тактике. Впрочем, у нас этого материала и так хватает. Мы знаем его манеру общения с женщинами – например, с Варварой, со случайными знакомыми – например, с Виктором Сбоким, а теперь и со Страховичем, с людьми, ему нужными, вроде Пирожкова, Николова или администратора гостиницы Веры Михайловны. Теперь надо узнать, как общается он со своими друзьями и сообщниками, какие отношения у него с ними. Надо узнать все, что можно, и о них самих, ведь они могут привести нас и к самому Зуриху, должны привести. Таких ниточек у нас пока нет в Москве. А среди этих людей пока что самая интересная фигура – это, пожалуй, Галина Кочерга из Одессы.

Вот примерно так рассуждаем мы, и, когда доходим до этой последней мысли, Кузьмич впервые вмешивается и обращается к Вале:

– Ну-ка достань свою таблицу знаменитую.

Валя развязывает папку, и на столе Кузьмича появляется всем нам знакомая таблица. Он ее бегло проглядывает и недовольно замечает:

– Где же данные об этих четырех?

– Вы мне дали на это два дня, – невозмутимо отвечает Валя. – А прошел один. Завтра будут данные. А пока что установлено, что трое из четырех уже прибыли к месту назначения. При этом все они опоздали туда на три дня, считая с момента отъезда из дому и, конечно, с учетом дороги, даже если ехать поездом. Вот такая пока картина, Федор Кузьмич.

– Гм... Интересная картина, – задумчиво произносит Кузьмич и смотрит поверх очков на нас с Игорем. – Что скажете, милые мои?

Меня почему-то начинает разбирать смех.

– Значит, конференция продолжалась три дня, Федор Кузьмич, – говорю. – Ну, если день приезда и день отъезда за один считать, как положено, то два дня на заседания ушли. Повестка дня большая и докладчиков много...

– Ты не очень-то веселись, – с неожиданной серьезностью обрывает меня Кузьмич и спрашивает у Вали. – Кто еще не приехал на место назначения?

– Галина Кочерга, – вставляю я. – Ручаюсь.

– Не угадал, – качает головой Валя. – Не приехал еще из Куйбышева в Астрахань врач городской поликлиники Олег Иванович Клячко.

– Отец-то его в самом деле там умер? – с интересом спрашивает Игорь.

Кажется, наш стремительный бросок в Пензу и обратно неплохо на него подействовал. Игорь заметно встряхнулся и начал проявлять интерес к окружающему миру и, в частности, к нашим делам.

– А ты как думал? – усмехаюсь я. – По-твоему, притворился старик, что ли?

– Есть ли он там вообще, – сварливо возражает Игорь. – Вот с чего бы я начал.

– Завтра доложу, – обещает Валя и делает аккуратную пометочку в своей таблице.

– Тогда надо проверить и остальных, – говорю я и, придвинув к себе таблицу, перечисляю. – И Сокольского Ореста Антоновича из Ленинграда, заместителя директора промторга, который выехал... куда же он выехал?.. Ага! Вот. В Харьков, в командировку. Дальше. Палатова Леонида Васильевича из Ростова, заместителя начальника отдела капитального строительства завода. Он тоже якобы в командировку отправился, в Свердловск. Интересно, каким числом им прибытие туда отметят? Ну и вот Галина Кочерга поехала к больной матери в Краснодар. Тогда надо и это выяснить. Больна ли матушка, к примеру.

– Ну и что? – упрямо говорит Игорь. – Раз надо, так надо. Трудно это?

Валя не спорит, он лишь делает пометки в своей таблице, вернее, он прибавляет в ней еще одну графу. Предыдущая у него гласит: «Куда выехал 28 октября?», а новую Валя обозначает: «Проверка причины выезда». Между прочим, это уже одиннадцатая по счету графа. Валина таблица становится уникальной и бесценной. Без нее мы бы давно запутались, честное слово. Из вертикальных граф пока целиком пусты две: «Данные местного отд. мил.» на всех пятерых лиц, указанных в таблице, и новая графа «Проверка причины выезда». А вот из горизонтальных строчек лишь одна заполнена меньше чем наполовину, та, где в графе «Место жительства» стоит «Пунеж». Здесь зияют пустотой и важнейшие графы «Ф.И.О.», и «должность», а также «Куда выехал 28 окт.». Да, Пунежем еще предстоит заняться особо.

И, словно прочтя мои мысли, Кузьмич с ударением произносит:

– Еще про Пунеж не забудьте. С кем там этот Зурих говорил полторы минуты, интересно знать.

– Срочный разговор, – добавляет Валя. – С вызовом на переговоры. И среди дня. А все остальные разговоры состоялись вечером, по личным телефонам.

– Можно туда скатать, в этот Пунеж, – предлагаю я.

– Ты пока проверь тот телефончик, – говорит Кузьмич. – Завтра же с утра проверь. А ты, – поворачивается он к Игорю, – продумай вопрос с этим Пунежем. Вот так. Ну и хватит на сегодня.

Светка встречает меня неожиданно холодно, даже, я бы сказал, сердито. Она почему-то вовсе не кидается мне на шею. И никакой радости в ее глазах, как мне кажется, нет. Сдержанно подставив мне щеку для поцелуя, она говорит, пока я снимаю пальто:

– Как быстро ты вернулся. Ну, проходи.

– Светка, – говорю я с беспокойством, – ты почему такая странная? И совсем мне не рада. Что случилось?

Я же знаю, долго дуться и отмалчиваться Светка не может, ей непременно нужна ясность во всем, все точки над «и» должны быть немедленно расставлены.

– Ты нехорошо поступаешь, – говорит Светка. – Некрасиво.

Она кутается в яркий синий мохеровый шарф, который ей ужасно идет, и забирается с ногами на тахту, подальше от меня.

Ее слова для меня полнейшая неожиданность.

– Некрасиво поступаю? – удивленно переспрашиваю я, опускаясь на краешек тахты.

– Да, некрасиво. Когда ты вчера уехал, Алла мне все рассказала. Ну как ты мог?

– Что же она тебе такое рассказала?

Я невольно улыбаюсь. Мне уж ясно, что это какая-то чепуха, что Алла что-то просто выдумала, ее распаленное воображение вечно рисует самые несуразные картины.

Но Светка даже розовеет от возмущения, и глаза ее становятся совсем уже сердитыми.

– Не смейся, пожалуйста, – резко говорит она. – Это вовсе не смешно. Оказывается, у Игоря кто-то есть, какая-то женщина? Которую зовут Лена? И это ты их познакомил? Как тебе не стыдно.

– Ну, это уж неправда, – смущенно возражаю я.

Смущение мое объясняется тем, что ту девушку действительно зовут Лена, и я ее знаю. Все остальное, конечно, Алка выдумала. Непонятно только, откуда она узнала про Лену, ведь Игорь ей ничего не говорил.

– Что именно неправда? – сердито уточняет Светка.

– Что я их познакомил.

– А остальное?

– Остальное правда, Светка.

– Почему же ты мне ничего не рассказывал?

– Потому что сам Игорь рассказал мне об этом только вчера, когда мы летели в самолете.

– Неправда! Ты знал это давно.

– Раньше я только догадывался.

– Почему же ты не рассказал мне о своих догадках?

– Потому что это несерьезно.

– Нет, Витик, это очень серьезно, – Светка хмурится и качает головой. – Разрушить семью легко, а вот сохранить... Тут и должен помочь настоящий друг. И потом я думаю, что та женщина поступает нечестно. Она ведь знает, что у Игоря семья, ребенок. Как же можно?

– Я не знаю, как это можно, – тоже хмуро отвечаю я. – Я знаю только, что нельзя в такие дела вмешиваться, пока тебя не попросят.

– Вот Алла меня и попросила.

– Что она попросила?

– Поговорить с тобой. Чтобы ты повлиял. Ты же самый близкий его друг.

– Светка, это же смешно.

– Смешно? – и на глазах у Светки неожиданно наворачиваются слезы. – А Димку оставлять без отца тоже смешно? – и еле слышно добавляет. – Я знаю, как без отца...

Тут я не выдерживаю, придвигаюсь к Светке и молча обнимаю ее. Она на секунду замирает, потом отталкивает меня.

– Димка не спит по ночам, – говорит она, и губы ее дрожат. – Просыпается, вскрикивает, зовет отца. Это ты знаешь?

– Да. Игорь мне об этом сказал. Ночью. В гостинице. Он тоже не спал.

– Вот видишь.

– Но тут виновата Алла. Она все время внушает Димке: «Твой папа плохой, он нас бросает, попроси папу остаться». Ну не дура, скажи?

Я не могу скрыть свое раздражение.

– У нее пропала гордость, – огорченно отвечает Светка. – Она слишком любит Игоря. Разве можно ее за это обвинять? Она его любит, пойми!

Мне начинает казаться, что Светка сейчас воюет не только за Аллу, и страшно ей тоже не только за нее. И мне становится не по себе, становится почему-то холодно и тоже страшно.

– Нет, – убежденно говорит Светка, – во всем виновата та женщина. Недавно я прочла рассказ, где женщина отвергла женатого человека, который ее давно любил, и которого она любила, и сохранила ту семью. Хотя жена у него была отвратительная.

– Ну и что хорошего? – и я вспоминаю этот рассказ. – Заставила его всю жизнь мучиться, жить без любви. И себя лишила ее. Слава богу, это очень мало похоже на правду.

– Да, мало похоже, – грустно соглашается Светка.

Некоторое время мы молчим. Я закуриваю и снова начинаю чувствовать, как устал за сегодняшний день.

– Что же будет? – спрашивает Светка, глядя куда-то в пространство. – Неужели ничего нельзя сделать?

Я снова не выдерживаю, обнимаю, прижимаю ее к себе, словно пытаюсь защитить от чего-то. Светка на этот раз не вырывается.

– Мне страшно, – шепчет она и зябко поводит плечами.

И мы снова молчим. Долго молчим. Мы думаем об одном и том же. Может быть, впервые мы думаем об этом так серьезно. И одновременно я думаю об Игоре, о том, как же ему поступить, на что решиться. Я же его люблю, этого молчаливого и упрямого типа. Поэтому я невольно думаю сразу и о нем, и о нас со Светкой.

Кто-то из папиных друзей однажды сказал: «Порой я вдруг начинаю мыслить двухслойно. И тогда не могу сосредоточиться. Для ученого весьма нежелательное состояние». После этого сколько раз я себя ловил на том же. Вот и сейчас так, но думать мне это не мешает, серьезно думать.

Неужели и мы со Светкой, и вообще никто и никогда не гарантирован от того, что случилось у Игоря? Неужели Светка когда-нибудь вдруг так полюбит другого, что сегодняшняя ее любовь покажется ей пустяком или даже еще хуже – мукой? Или я, например? Невероятно! И так ужасно, что я не могу себе представить что-либо подобное. Но, в общем-то, большинство, или по крайней мере многие, находят же друг друга на всю жизнь. И счастливы. Вот хотя бы мои родители. Но разве я знаю, как они прожили все эти годы? И может быть, их друзья им тоже когда-то помогли? Но как я могу помочь Игорю? Уговорить остаться? Это будет правильно, если все случившееся с ним – минутное затмение. А если нет? И я, допустим, его уговорю. Скажет он мне потом спасибо? Разве можно всю жизнь прожить с женщиной без ощущения радости от этого, только с мыслью, что так надо, что ничего не поделаешь? Всю жизнь!.. Нет, невозможно. И недопустимо! Даже дети, по-моему, почувствуют всю фальшь такой семьи. Нет, жить надо по любви, и только пока она есть. А это может продолжаться всю жизнь, я уверен в этом. Надо только сделать очень верный выбор.

Я чуть-чуть отстраняюсь и смотрю на Светкин тонкий профиль, ловлю непривычно задумчивый взгляд и переполняюсь нежностью до дрожи в пальцах. Я в силу прижимаю Светку к себе и шепчу ей на ухо:

– Не могу без тебя жить, слышишь?

Светка молчит, но я чувствую, что она улыбается, и еще я чувствую, что она думает сейчас то же самое.

Звонит телефон. Светка неохотно отрывается от меня и сползает с тахты.

– Наверное, Зоя, – говорит она.

Но оказывается, просто ошиблись номером. Это теперь случается почему-то очень часто. И Светка терпеливо объясняет кому-то, что это не больница, а частная квартира. И наконец вешает трубку.

– Да, ты знаешь, – говорит она, возвращаясь на тахту, – Зоя достала точно такую кофточку, что ты мне однажды показывал, помнишь?

Я невольно настораживаюсь.

– Где достала?

– Ну, где достают? – лукаво улыбается Светка, двумя руками поправляя волосы. – У спекулянтки, конечно.

– Сколько же она заплатила?

– Кажется, тридцать пять рублей.

Ого! Это почти на десять рублей больше государственной цены.

– А ты знаешь эту спекулянтку?

Светка смеется.

– Тоже хочешь купить? Или хочешь арестовать ее?

– Просто интересно, – я равнодушно пожимаю плечами.

– Витик, ты со мной никогда не хитри. Я тебя для этого слишком хорошо знаю, – Светка, улыбаясь, грозит мне пальцем. – Тебя очень заинтересовало то, что я сказала.

– Ну, допустим.

– Так вот. Я ее не знаю. Я только один раз видела ее у Зои.

Снова звонит телефон. Светка тянется к трубке.

Вскоре приходит запыхавшаяся, усталая и, конечно, с тяжелой продуктовой сумкой в руке Анна Михайловна. Сумку она пытается спрятать, чтобы не видела Светка. Я снимаю с Анны Михайловны пальто и перехватываю злополучную сумку.

Она заходит в комнату и грузно опускается на тахту. Широкое оплывшее лицо ее бледно, на лбу выступили капельки пота.

– Эти собрания меня доконают, – жалуется она.

Светка кончает болтать по телефону и накрывает на кухне стол.

После ужина я ухожу. Светка, обнимая меня в передней, шепчет на ухо:

– Витик, поговори с той Леной. Тебе удобно? Ты ведь сразу все почувствуешь. Я же знаю. Я киваю головой, хотя решительно не представляю, как может состояться такой разговор.

Утром я прежде всего связываюсь с телефонным узлом, которому принадлежит номер, сообщенный нам Николовым. Через некоторое время мне дают справку: номер этот принадлежит некоему Бурлакову Светозару Еремеевичу. В картотеке телефонного узла значится и адрес абонента.

Пока что это имя мне ничего не говорит. Надо копать дальше. Хотя возможно, что время я потрачу попусту, и Зурих просто выдумал этот номер для Николова. Впрочем, вряд ли. Мне кажется, Николов его чем-то заинтересовал. Иначе зачем бы он дал ему одесский адрес, зачем звонил, предлагал встретиться и, наконец, обещал писать?

Все эти мысли приходят мне по дороге, пока я еду в местное отделение милиции. Там я встречаюсь с участковым инспектором, еще кое с кем из сотрудников, смотрю некоторые материалы. Затем я иду в домоуправление кооперативного дома, где живет Бурлаков, и знакомлюсь с двумя весьма симпатичными и болтливыми особами, бухгалтером и делопроизводителем, которые довольно быстро проникаются ко мне симпатией, и я в конце концов получаю довольно интересные сведения о гражданине Бурлакове.

Вообще я вам должен сказать, что собирать о ком-то сведения и рыться в его «грязном белье» – занятие не из приятных. Но тут есть нравственные принципы, через которые нельзя перешагивать, и твердое убеждение в справедливости борьбы, которую мы ведем. В чем заключаются эти принципы? Во-первых, ты должен интересоваться в личной жизни человека только тем, что непосредственно относится к делу, которым ты занят; во-вторых, твой интерес никто не должен обнаружить, между прочим, еще и потому, что это может бросить незаслуженно тень на того человека и чем-то ему повредить; и, наконец, в-третьих, ты не смеешь злоупотреблять полученными данными или даже просто выболтать их посторонним лицам. Все полученные тобой сведения о каком-либо человеке, который отнюдь не всегда в конечном счете оказыва-

ется преступником, автоматически становятся служебной тайной, которая охраняется нами так же строго, как, допустим, тайна медицинская.

У нас как-то был разговор на эту тему с отцом. Они с мамой ведь оба медики и тоже вынуждены хранить немало интимнейших секретов своих пациентов. «Тут есть одна существеннейшая разница, – заметил отец. – Человек сам доверяет мне свои секреты, а вы узнаете о них без его ведома». – «Что из этого, по-твоему, следует?» – спросил я. «Надо иметь особый такт, – подумав, ответил отец. – Особую, что ли, щепетильность. Не знаю, учат ли вас этому». Конечно, лучше бы вообще не заниматься этим. Так, по-моему, в глубине души думает и отец. Да, лучше, если бы... если бы не справедливость борьбы, которую мы ведем.

Я сейчас не говорю об искоренении причин преступности и ее самой как социального явления. Это дело всего общества. Но вот наша борьба, моя и моих товарищей, включает в себя лишь две, но, однако, весьма важные и вполне конкретные задачи. Первая – это предотвращение готовящегося преступления, вторая – непременно раскрытие уже совершенного и задержание преступников. Борьба эта справедливая и в высшей степени нравственная, не так ли? Вы скажете, что такую борьбу нельзя вести безнравственными методами, а копаться без ведома человека в его жизни – это безнравственно. Вообще? Всегда? При любых обстоятельствах, спрошу я вас? Но, как известно, абстрактных истин нет, истина всегда конкретна. Что есть добро? Что есть зло? Не оборачивается ли одно другим при определенных, конкретных обстоятельствах? Рана от ножа бандита – это зло, но рана от ножа хирурга – это уже добро. Свободная воля – это добро, но как часто она оборачивается злом! Безнравственное любопытство при определенных условиях оборачивается нравственно необходимым знанием. Все конкретно, все оценивается исходя из условий жизни и борьбы. И если на наше узнавание человеческих жизней наложить те принципы и те задачи, о которых я говорил, то это добро, а не зло, это нравственно. И никто мне не докажет обратное.

Я не случайно сегодня вспоминаю тот вечер и свою беседу, почти спор, с отцом, именно сегодня, когда знакоюсь с жизнью и характером гражданина Бурлакова.

О, внешне тут все выглядит вполне благопристойно. Вот уже год, как ушел Бурлаков на заслуженный отдых. Жена его еще работает. Живут супруги тихо и дружно в своей большой кооперативной квартире в ЖСК «Строитель». Светозар Еремеевич страсть как любит детишек, для них всегда припасены у него в кармане дешевые леденцы. Любит он и поиграть в шахматы с такими же стариками-пенсионерами из своего подъезда и ходит в чемпионах, чем весьма гордится. Все жильцы помнят, как помогал Светозар Еремеевич строительству их дома. Если бы не он, когда бы еще этот дом построили. Ведь что ни день возникали перебои: то техника подводила, то материала не хватало. И Светозар Еремеевич выручал: был он какой-то начальник в строительных делах. И на собраниях пайщиков вечно благодарил его председатель правления, отмечая его заслуги. А Светозар Еремеевич сидел в первом ряду, возвышаясь над всеми, огромный, седой, всегда красиво, по моде одетый, и снисходительно, добродушно улыбался в ответ на аплодисменты. Да и теперь то и дело навещается к нему новый председатель правления, просит посодействовать то с ремонтом, то в каких-то делах с райисполкомом. И Светозар Еремеевич никогда не отказывает, связи у него всюду остались. Потому неизменно и единогласно выбирается он всякий раз в правление и пользуется всеобщим уважением и почетом. Трое взрослых детей у Светозара Еремеевича и его супруги, два сына, оба женаты, инженеры, кажется, и дочь тоже замужем. Ну, сыновья, правда, навещают стариков редко, а вот дочь с мужем то и дело приезжают к ним: их серенький «Жигуленок» частенько стоит у подъезда. Словом, все как у людей, приятно даже посмотреть.

Вот как живет и что собой представляет Светозар Еремеевич Бурлаков, телефон которого по странной случайности попал к жителю Пензы архитектору Николкову.

После всего, что узнаешь о гражданине Бурлакове, хочется, усовестившись, снять перед ним шляпу и горячо, вполне искренне извиниться за неуместное вторжение в его личную

жизнь. И всего лишь какие-то маленькие шероховатости и еле заметные неувязочки мешают мне сделать это.

Начнем с того, что пай за квартиру оказался у Бурлакова на сорок процентов ниже, чем у других членов кооператива, а его квартира, размещенная на последнем этаже, была вопреки первоначальному проекту, так сказать, продолжена на чердачное помещение, и там образована еще одна, весьма просторная и почти совсем уже даровая комната, в которую ведет красивая внутренняя лестница. Однако все это было разрешено официально гражданину Бурлакову общим собранием пайщиков за его заслуги перед кооперативом, хотя сейчас уже многими и забыто.

Можно было бы также пропустить мимо ушей и недобрый слухок о том, что с сыновьями Светозар Еремеевич находится в весьма натянутых отношениях по причине, правда, никому не известной, и даже на день рождения они к отцу уже который год не являются. Говорят даже, что он хотел одному из них подарить якобы машину, да тот почему-то отказался. Но это и вовсе сомнительно и даже невероятно.

И уж никто не обратит внимания, что еще год назад, когда Светозар Еремеевич занимал свой высокий строительный пост, у него под началом служил, оказывается, некий Пирожков.

Однако меня все эти мелкие обстоятельства все же останавливают в желании снять шляпу перед Светозаром Еремеевичем, и какое-то смутное беспокойство заставляет продолжить знакомство с ним, все больше расширяя круг исследуемых фактов. Ох, кажется, большой промах совершил неведомый гражданин Зурих, дав телефон Светозара Еремеевича пензяку Николову. Ну да разве мыслимо все предусмотреть в столь беспокойной и опасной жизни, какую, по-видимому, ведет этот гражданин Зурих.

Первое серьезное открытие ждет меня, когда я в домовой книге обнаруживаю супругу Светозара Еремеевича. Оказывается, ее зовут... Вера Михайловна, и работает она администратором в гостинице. Вот так, не более и не менее. И теперь я с особой ясностью понимаю, какого я свалил дурака в разговоре с ней два дня назад. И уж теперь она найдет способ, как предупредить Зуриха, что им в Москве интересуется уголовный розыск. Да, веселенькое объяснение ждет меня сегодня вечером у Кузьмича. И все же обнаружение этой связи – факт большой важности, с какой стороны к нему ни подойти.

Новые открытия я предвкушаю, когда в середине дня еду в трест, где работал Светозар Еремеевич, и где до сих пор трудится Григорий Сергеевич Пирожков.

Задача мне предстоит там не из легких. Я ни в коем случае не могу напрямую расспрашивать о Бурлакове, никто не должен даже предположить, что он меня интересует, и в то же время мне необходимо многое узнать о нем. Маскировка тут нужна, чтобы не насторожить людей, не вызвать лишних разговоров, догадок, слухов, чтобы рассказывали мне о Светозаре Еремеевиче непредубежденно и не специально, а как бы мимоходом, между прочим, не придавая тому значения. Тем более, что при всей неприязни, которая растет во мне по отношению к Бурлакову, я, тем не менее, ни в чем пока обвинить его конкретно не могу и потому не имею не только служебного, но и морального права навлечь на Бурлакова хоть малейшее подозрение со стороны его бывших сослуживцев.

Особые надежды я тут, конечно, возлагаю на Пирожкова, все-таки у нас установились вполне доверительные, почти союзнические отношения.

На троллейбусе мне приходится ехать довольно долго.

Трест расположен в помещении старинных торговых рядов в самом центре города.

Возле третьего или четвертого подъезда я наконец обнаруживаю нужную мне вывеску, захожу в гулкое полутемное нутро и, поднявшись по широкой деревянной лестнице на второй этаж, приступаю к поискам и расспросам.

– Идемте, идемте, – говорит мне поджарый седоватый человек в меховой кепке и коричневой дубленке с белыми овчинными отворотами, в руке он держит пухлый портфель. – Я тоже туда.

Разговор у нас завязывается естественно и свободно, тем более, что путь, как выясняется, нам предстоит неблизкий. Для начала надо будет по другой лестнице снова спуститься на первый этаж и пройти его из конца в конец, а потом снова подняться на второй.

Мой попутчик оказывается представителем заказчика, который уже не первый год по различным объектам связан с этим трестом. Поэтому исторический аспект в разговоре о делах треста подхватывается им весьма охотно и компетентно. Вехами тут, естественно, служат имена прежних руководящих товарищей, и фамилия Бурлакова всплывает как бы сама собой.

– Удельный князь Светозар, – усмехается мой попутчик. – Как же, как же. Имели счастье. Большие дела проворачивал. Во все стороны.

– То есть?

– И направо, и налево. Ха, ха! И связи всюду. Крепко сидел. И на пенсию вовремя ушел. Проводить успели с почетом. А потом... Вот теперь греют нового. Молодой, энергичный, дело знает. Он мне вчера говорит: «Десять лет трест разваливали, а теперь хотят, чтобы я за один год все наладил». Роман! А вы сами от кого?

– Кооператив «Строитель», – без запинки отвечаю я.

– А-а. Светозар любил кооперативы.

– За что их особенно любить?

– Сами знаете, – мой спутник насмешливо шурится. – Если захотеть, вас ой как прижать можно. А кооператив выкручивайся, ищи ходы и выходы. То проект, сказывается, кое в чем подправить требуется, то дефицитный материал достать и вовремя завезти, то техникой обеспечить, которой и так не хватает. Знаем ваши дела. Вот тут Светозар и брал вас за жабры. Я с ним был завязан не по одному кооперативному объекту, когда в субподрядном тресте работал. Насмотрелся.

Словом, постепенно начинают выясняться любопытнейшие факты. На одной лестнице я даже предлагаю отдышаться и перекурить.

– Хе-хе. Был еще, помню, и такой случай, – со вкусом закуривая, продолжает мой спутник, явно довольный наличием столь внимательного и совсем, очевидно, желторотого слушателя. – Светозар трубы погнал аж в другой город, представляете? И трех сварщиков с ними. Приятель там какой-то помочь попросил, план у него горел. Во фокусник был! А уж по городу, к примеру, с вашими кооперативами чего он делал!

– И ни разу не попался? – с наивным интересом спрашиваю я.

– Раза три на моей памяти его ОБХСС тягал. Выкручивался. Говорят, рука была. Других сажали, а он в свидетелях. Ну, раз, кажется, суд в его адрес все-таки частное определение вынес. По вопросу о создании условий. Но этим он только утерся. А уж как всерьез запахло, Светозар наш – р-р-раз! – и на пенсию.

Беседуя таким образом, мы наконец добираемся до комнат, в которых разместился трест. Тут мы сердечно прощаемся. Я приступаю к поискам моего приятеля Пирожкова. И накрепко запоминаю словоохотливого и эрудированного Виктора Борисовича Степаненко, сейчас инженера отдела капитального строительства одного из институтов.

Виктор Борисович ныряет в какую-то дверь.

А я вскоре выясняю, что Пирожков болен и на работу третий день не выходит. И сообщают мне это, представьте, с каким-то неожиданным для меня уважением к Пирожкову, с какой-то, я бы сказал, внимательностью к нему, теплотой даже. И я чувствую, что дело не только и даже не столько в том, что Пирожков заведует сейчас одним из отделов треста (хотя и совсем недавно, лишь при новом начальстве), сколько в каких-то личных его качествах, которые всем тут, видимо, импонируют, а я, наверное, просто не сумел разглядеть.

Но тогда тем более досадно, что Пирожков заболел. Я ведь именно через него и собирался начать знакомство с многообразной, как я убедился, и кипучей деятельностью «удельного князя» Светозара Еремеевича. Так что Пирожков мне нужен непременно, в первую очередь именно он.

Я разыскиваю в длиннейшем коридоре телефон-автомат и звоню Пирожкову. Сначала трубку снимает, видимо, дочь, голосок юный и весьма бойкий. Потом подходит и сам Пирожков. Мне он несказанно рад. Я даже не ожидал такой реакции.

– Что, есть новости, Григорий Сергеевич? – спрашиваю я.

– В том-то и дело! И вот... – голос его срывается на страдальческой ноте, – даже, видите, прихватило.

– Тогда я приеду к вам.

И Пирожков торопливо диктует мне свой адрес.

После этого я звоню Кузьмичу и коротко, а также весьма иносказательно докладываю ему о своих делах, ибо рядом уже топчутся двое нетерпеливых граждан, жаждущих поговорить по телефону. Кузьмич одобряет мою встречу с Пирожковым.

Снова троллейбусы, сначала один, потом другой, кружат меня по Москве. А мысли мои кружатся вокруг Пирожкова. Как, однако, все закономерно в жизни, как все логично цепляется одно за другое, и один поступок неизбежно влечет за собой следующий, его даже можно предсказать, стоит только найти какое-нибудь звено в цепочке событий и верно определить житейские и психологические связи. К примеру, Пирожков...

Я прямо-таки сгораю от нетерпения повидать его.

Вот, наконец, и дом, который мне нужен, огромный, светлый и совсем новый, он растянулся на целый квартал.

Дверь мне открывает девушка в пушистой коричневой кофточке и совсем коротенькой бежевой юбке. Прямые светлые волосы падают на плечи. Девушка весьма привлекательна и, видимо, прекрасно это осознает. Она чуть насмешливо улыбается и, оглядев меня, говорит:

– Здравствуйте. Таким я себе вас и представляла. Заходите.

– С чьих же слов? – спрашиваю я, снимая пальто в маленькой и тесной передней.

– С папиных, конечно. Он в вас, между прочим, влюблен.

– Ну, это не опасно, – шучу я.

– Не волнуйтесь, я в вас не влюблюсь. Вы не в моем вкусе. Слишком высокий.

Девочка, однако, бойкая. Папаша, помнится, обрисовал мне ее совсем по-другому. Впрочем, это обычная история.

– Меня зовут Надя, – говорит она. – А вас? Товарищ Лосев?

– Виталий.

– Вы собираетесь меня защищать? – иронически осведомляется Надя.

– А вам требуется защита?

Она небрежно пожимает плечами.

– Папа почему-то так считает.

– А вы как считаете?

– Я? – Надя кокетливо улыбается. – Что ж, такого защитника иметь всегда приятно.

– Благодарю. А нужен ли он вам все-таки?

Надя смеется.

– Папа вам сейчас наговорит. Он, по-моему, на этом пунктике немного того... – она вертит наманикюренным пальчиком около виска. – Как всегда, тысячи страхов.

– Значит, у вас свое мнение на этот счет?

– У меня всегда свое мнение. А если слушать папу...

В этот момент в передней появляется Пирожков. Он в пижаме и домашних шлепанцах, редкие седые волосы взъерошены, очки перекосились на тонком носике, в пухлой руке зажата газета.

– Наденька, почему ты держишь гостя в передней? – сердито говорит он и оборачивается ко мне. – Извините, пожалуйста. Прошу.

Он распахивает дверь в комнату. Надя небрежно пожимает плечами и удаляется.

Мы с Пирожковым проходим в комнату, довольно уютно обставленную чешским гарнитуром, с новомодной хрустальной люстрой под потолком, и усаживаемся в низкие кресла возле круглого журнального столика.

– Так что случилось, Григорий Сергеевич? – спрашиваю я.

– Случилось то, что я и предполагал, – нервно отвечает Пирожков, и маленький носик под очками начинает белеть от волнения. – Этот человек опять позвонил.

Он снимает очки и, близоруко щурясь, торопливо протирает их огромным синим платком с красной каймой, потом снова водружает на место.

– И вы?..

– И я ему сказал, как мы условились. Что я согласен все сделать для этого самого гражданина.

– Прекрасно.

– Да?.. Вы полагаете, что это прекрасно?.. А если... Вы только представьте на минуту... – Пирожков нервно откашливается, и пухлые пальцы его начинают непроизвольно барабанить по подлокотнику кресла.

– Не надо ничего воображать, – мягко перебиваю я его. – Все будет так, как я вам обещал. Кстати, кто звонил?

– Все тот же хулиган.

– Он вам сказал, когда приедет этот деятель?

– Сказал, скоро. Вот и все. Жди тут, волнуйся... А знаете, – неуверенно произносит вдруг Пирожков, – я по тону его понял: этот негодяй доволен, что запугал меня и заставил капитулировать. Выполнил, значит, задание. И я позволил себе задать ему один вопрос.

– Какой вопрос? – настораживаюсь я.

– «Вы, – спрашиваю, – мне не будете больше звонить?» А он и говорит: «Я все, я уматываю, папаша, в город-маму. Фартовая командировочка отломила. Адью, папаша. Теперь тебе сам позвонит, как приедет. А мы с тобой, папаша, увидимся, когда тебя подколоть надо будет. Или девку твою». Ну, вы себе представляете? Я просто слово в слово все запомнил. Это ужас какой-то! И кто может послать этого хулигана в командировку, скажите мне?

Пирожков растерянно и тревожно смотрит на меня.

– В свое время все узнаем, – спокойно говорю я.

Но про себя я тоже недоумеваю. В самом деле, кто может послать в командировку этого типа? Уж не Зурих ли? И куда? «Город-мама» – это скорее всего Одесса. Опять Одесса!

– Пока же будем ждать звонка... Ивана Харитоновича, – добавляю я, ибо Зурих представился ему как Николов. – Кстати, я хочу вас попросить вот о чем. Расскажите мне, Григорий Сергеевич, какие незаконные махинации совершал ваш бывший начальник Светозар Еремеевич Бурлаков. И вообще, что вы помните о его малопочтенных делах?

– Господи, ну зачем сейчас это ворошить? – жалобно говорит Пирожков. – Уверяю вас, все сроки давности уже миновали.

– Не в этом дело, – мягко возражаю я. – Видите ли, Григорий Сергеевич, вот вы мне тогда сказали, что встретились с этим так называемым Иваном Харитоновичем – другим он представляется иначе – впервые, да?

– Ну конечно, боже мой!

– И ничего о нем не знаете?

– Да, да. Я же вам говорил.

– Ну вот. А Бурлаков, как мне кажется, знаком с ним давно и много чего о нем знает.

– Что вы говорите?! Он знает этого бандита?..

– Так мне кажется. Но чтобы заставить Бурлакова все рассказать, нам надо кое-что узнать о нем самом.

– Да, да... Я понимаю... понимаю... – в полной растерянности бормочет Пирожков.

Постепенно, однако, он приходит в себя, успокаивается и начинает рассказывать. Я вижу, он вполне искренне стремится мне помочь напасть на след человека, который причинил ему столько волнений и страхов. А заодно Пирожков дает выход своим давним и гневным чувствам по отношению к Бурлакову.

Всегда, знаете, в любом большом коллективе есть такой незаметный человечек, эдакий маленький-премаленький «винтик», который, однако же, все видит, от которого не очень-то даже и скрывают всякие там нечистоплотные делишки и секреты, иной раз даже используют на побегушках и для мелких услуг, считая его абсолютно бессловесным, сверхпреданным и к тому же недалеким. А человек этот, между прочим, имеет порой и душу, и голову, и свой взгляд на все, и, кстати, совесть тоже. Такой до поры до времени лишь оскорбленно молчит и то ли от страха, то ли от врожденной исполнительности делает все, что ему приказывают. И копится в его душе обида и негодование. И чувствует он, что не для побегушек и всяких там услуг создан, а может кое-что и побольше, позначительней сделать, может не на снисходительность, а на уважение рассчитывать. Но скромность, даже робость не позволяют ему заявить об этом. Однако стоит только измениться окружающему его нравственному, так сказать, климату, и человечек этот вдруг осознает себя человеком, получает возможность самоутвердиться и показать, чего он на самом деле стоит.

Вот так приблизительно получилось с Пирожковым. И теперь он жгуче стыдится и негодует по поводу роли, которую он играл при Бурлакове. И когда гнев пересиливает стыд, Пирожков рассказывает мне все, что знает и помнит.

И я узнаю немало интересного о второй, неофициальной, так сказать, деятельности Светозара Еремеевича в годы его «удельного княжения».

Такие пустяки как бесплатные путевки, различные сверхожидаемые премиальные, а также театральные билеты на премьеры, заграничные ручки, сигареты, зажигалки, даже импортные дубленки и прочее барахло, доставляемые и устраиваемые ретивыми заказчиками в надежде на скорейшее завершение их объектов, Пирожков, конечно, не в состоянии сейчас припомнить и перечислить. Но были дела и покрупнее. К примеру, ловкие махинации со стройматериалами, механизмами, которых, конечно же, всегда и всюду не хватало, с процентовками, с дополнительными работами, не вошедшими в смету, наконец, манипуляции с самими сметами, которые как резиновые то раздувались, то сжимались в зависимости от поведения заказчика, причем каждый раз на вполне «законных» основаниях, благо всякого рода справочников, а также корректирующих и дополняющих их постановлений, инструкций и временных указаний всегда имеется в избытке.

Характерным тут было незаметное, казалось бы, вползание некоторых окружавших Бурлакова, поначалу вроде бы честных работников во все эти более чем сомнительные операции, с виду как бы диктуемые интересами самого дела, плана, престижа, даже соревнования с другими трестами. А потом уже возникала некая повседневная, привычная, весьма полезная и всеми как бы признанная «практика», без которой, казалось, уже ступить было нельзя. Да и подачки со стола «удельного князя», суэта встревоженных заказчиков, как и многие то и дело подсовываемые ими соблазны довершали этот губительный процесс.

Но особенно настораживает меня сейчас другая обнаруженная в свое время Пирожковым черта в подпольной деятельности Светозара Еремеевича. Заключалась она в том, что махинации, проводимые вначале в пределах города и подведомственных тресту объектов, с какого-то

момента начали приобретать иные географические рамки. И тут в рассказе Пирожкова начинают мелькать уже известные мне по Валиной таблице названия городов: Ростов, Ленинград, Одесса. Пирожков вспоминает, что трубы были направлены именно в Ростов, а двадцать тонн дефицитного керамзита – в Одессу. В другой раз было отгружено в Ленинград несколько тонн не менее дефицитного рубероида и импортного стенового пластика.

– Выходит, уже прямое хищение? – спрашиваю я.

– А! – безнадежно машет рукой Пирожков. – Там разве можно было разобраться? Я ведь в эти дела не ввязывался, я их как огня боялся. Не знал, какому богу молиться, когда Светозар наконец убрался от нас.

И я верю ему. Нет, Пирожков не ввязывался в эти махинации не только из трусости, ему мешала и совесть. Он не только боялся Бурлакова, он еще и презирал его. Трусость, ощущение своей унижительной зависимости и ничтожества мешали ему разоблачить все эти махинации, презрение и совесть мешали соучастию в них.

Между тем иногородние махинации Бурлакова наводят меня на мысль о возможных его связях по этой линии с мнимым Николовым-Зурихом. Я только не могу понять роль последнего в таких делах. Но об этом я еще посоветуюсь с компетентными ребятами из ОБХСС.

В этот момент в передней раздается звонок. Я слышу, как Надя пробегает по коридору, и через минуту ее хорошенькая головка просовывается в дверь комнаты, где мы сидим.

– Папа, к тебе Анна Игнатьевна.

– Ах, это мой районный врач, – спохватывается Пирожков и смущенно смотрит на меня.

– Идите, идите, – говорю я. – А мы пока вот с Надей поговорим. Если она, конечно, не возражает, – и я поворачиваюсь к ней.

– Конечно, не возражаю, – улыбается Надя и заходит в комнату. – Даже интересно.

Пирожков тем временем, кивнув, исчезает за дверью, и голос его доносится уже из передней. Надя с рассчитанным изяществом опускается в кресло, где только что он сидел. Мы оба закуриваем.

– О чем же будем говорить с вами? – довольно иронически осведомляется она.

– О грозящей вам опасности, – в тон ей отвечаю я. – Вы этим не обеспокоены?

– Я? – усмехается Надя. – Я, знаете, не дура.

– Но звонки-то были? И угрозы, кажется, тоже?

– Ну и что? Какой-то шизик выпендривается, а я должна психовать, по-вашему?

– А кто этот шизик, вы не знаете?

– Понятия не имею.

– Может, его просто подослали?

Что-то новое вдруг мелькает в ее взгляде, я только не успеваю разобрать, что именно. Надя, как-то странно улыбнувшись, задумчиво говорит:

– Может быть, кто-то и подослал. Откуда я знаю.

Но мне начинает казаться, что она что-то знает или, во всяком случае, о чем-то догадывается. Странно. Ведь звонили-то по поручению Зуриха?..

И тут вдруг у меня в мозгу как бы происходит некое замыкание, некая вспышка, словно соединили два оборванных конца провода, и возникла цепь, загорелась лампа, высветила кое-что в темноте.

– Надя, – говорю я, – зачем вы приходили в гостиницу к тому человеку?

Упрямо вздернув подбородок, она откидывается на спинку кресла и перебрасывает ногу на ногу, при этом юбочка ее уползает вверх, но Надя и не думает ее одергивать. Ноги у нее, надо сказать, весьма красивые. Надя глубоко затягивается и продолжает демонстративно молчать. Я таких упрямых девчонок знаю. С ними бывает труднее, чем с любым парнем.

– Так и будем молчать? – спрашиваю я.

– А что делать? – безмятежным тоном отвечает Надя и улыбается. – Если вам больше не о чем со мной говорить.

– Все в свое время, – говорю я. – А пока я жду ответа на мой вопрос.

– Вам придется очень долго ждать.

– Ничего. Я терпеливый. И вопрос достаточно серьезный. Если вы все-таки захотите на него ответить, позвоните мне. Вот мой телефон, – я достаю ручку, пишу свой номер телефона на листке блокнота и, вырвав его, кладу на столик.

– А я пойду. С Григорием Сергеевичем мы уже обо всем поговорили. До свидания, Надя. Я встаю и направляюсь к двери.

Надя поднимается вслед за мной. И с демонстративной небрежностью берет со столика листок, мол, просто так, чтобы не валялась лишняя бумажка, потом ее можно и выбросить. Игра довольно наивная. Я понимаю, что телефон она не выбросит.

Итак, постепенно начинают выявляться связи Зуриха в Москве. Но, конечно, еще далеко не все. Вряд ли, например, Бурлакову была адресована та записка: «Приходи, посоветуемся...». Иначе он тоже уехал бы из Москвы на тот «слет». А он никуда не уезжал. И еще одна деталь. У Бурлакова нет дачи. А Зурих приглашал Варвару на дачу к приятелю, близкому, очевидно, приятелю. Его необходимо найти. Он-то уж наверняка приведет к Зуриху.

И еще одна ниточка требует внимания. С кем же все-таки встречался Зурих на фабрике, где работает Варвара? Ведь именно там она его и увидела, там он к ней и прицепился. А вот к кому он туда приехал, Варвара, по ее словам, не знает. Это вполне возможно. Но одно ясно: какие-то темные дела привели его туда, не иначе.

Такова вторая линия поиска Зуриха в Москве. А третья – это Надя. Зачем она приходила в гостиницу? Конечно же, именно ее видел там Виктор Сбокий, от нее пришел в восторг. Это, кстати, легко будет теперь уточнить. Помнится, Виктор сказал, что Зурих вовсе не ухаживал за девушкой. Значит, какие-то другие дела у них? А может быть, Виктор ошибается? Нет, вряд ли. У него на такие ситуации глаз наметанный. Тогда все это выглядит весьма подозрительно.

Да, дел с Зурихом и по одной Москве хватает. А тут еще пять других городов и пять человек там. Интересно, что узнал Валя Денисов об этих людях, какие данные сообщили ему наши товарищи оттуда?

Но как только я приезжаю к себе в отдел, на меня обрушивается ошеломляющая новость: убит Олег Иванович Клячко, врач из Куйбышева.

Значит, «окончательный расчет» все-таки состоялся.

Глава 6

Надо быть ко всему готовым

Итак, убит Олег Иванович Клячко, врач из Куйбышева. Сообщение об этом было получено еще утром, и к моему приезду Игорь и Валя Денисов многое уже успели выяснить.

Труп был обнаружен случайно близ железнодорожного полотна, в ста километрах от областного центра, много севернее Москвы. Он был зарыт в снег, и если бы не собака одного из местных жителей, то пролежал бы там, наверное, до весны. Клячко был убит ударом в затылок каким-то тяжелым предметом. По заключению медэксперта, смерть наступила три дня назад – на следующий день после отъезда Клячко из Куйбышева. Ни документов, ни денег при нем обнаружено не было. Однако в одном из карманов пиджака оказался старый рецепт, выписанный им на бланке куйбышевской городской поликлиники. Местные органы милиции немедленно связались с Куйбышевым. А в это время Валя Денисов запрашивал там данные о Клячко. И ему тут же передали сообщение об убийстве.

После этого уже Игорь связался с тем областным центром. И он же сделал первый важный вывод из полученных данных: оказывается, Клячко был убит на железнодорожном перегоне от этого областного центра к Пунежу.

Мы сидим в прокуренном кабинете Кузьмича, Игорь как раз докладывает обо всем этом происшествии.

– Я продумал вопрос с Пунежем, как вы приказали, – обращается он к Кузьмичу. – И мнение свое изменил. Они собрались именно там. Хотя это и глупо. В маленьком городке каждый приезжий на виду.

– Они могли собраться в том областном центре, – негромко и спокойно замечает Валя.

– Нет, – возражает Игорь слишком, пожалуй, резко. – Зачем тогда Клячко сразу же едет в Пунез? Скорей всего, кто-то встретил его в том городе, и дальше они поехали вместе. И этот человек...

– Стойте, стойте! – вдруг вспоминаю я. – Ведь письмо на имя Николова в гостиницу пришло как раз из того города, по-моему. Помните? Где это письмо?

Письмо мы тут же находим в Валиной папке.

– Все равно, – упрямо говорит Игорь. – Его мог написать тот человек из Пунежа, а отправить из областного центра.

– Ну-ка, Денисов, доложи, что сообщает Куйбышев об этом самом Клячко, – говорит Кузьмич.

Валя невозмутимо достает из папки еще один листок и, поглядывая в него, докладывает:

– Клячко... Тридцать семь лет... Врач городской поликлиники, стоматолог... Холост. Живет широко... То есть жил, – очень спокойно поправляет себя Валя и дальше говорит о Клячко уже в прошедшем времени. – Подозревался в скупке золота и незаконном изготовлении протезов и коронок. В прошлом он зубной техник.

– Скорей всего именно к нему и приезжал Зурих, – вставляет Игорь. – Наверное, его-то и видел на перроне Страхович.

– Между прочим, – говорю я, – по паспорту Клячко три дня жил в Москве Мушанский, помните?

– Все, что касается Клячко, теперь особенно важно. Особенно, – задумчиво произносит Кузьмич.

Он снимает трубку внутреннего телефона и набирает короткий номер. Я слежу за его пальцем и догадываюсь, что он звонит нашему следователю Саше Грачеву.

– День добрый, – гудит в трубку Кузьмич. – Это Цветков. Ну правильно, вечер. Вот что. Просьба есть. Как у тебя с Мушанским, психологический контакт найден? Тогда допроси его, будь добр, насчет еще одной кражи. Паспорт на имя Клячко Олега Ивановича. Записал?... Мушанский жил по нему в Москве...

– И вот что надо еще сделать, – говорит Кузьмич, вешая трубку, и поворачивается к Игорю. – Свяжись-ка с Куйбышевым. Пусть они немедленно вышлют в Пензу фотографию Клячко. Затем позвони Рогозину. Чтобы он предъявил эту фотографию Страховичу. Опознает он человека, который провожал Зуриха, или нет?

Игорь сдержанно кивает.

– Так иди и звони. И вот еще что...

Собравшийся уже было выйти из кабинета Игорь останавливается на полпути к двери и молча оборачивается.

Кузьмич задумчиво смотрит на него и говорит:

– Завтра едешь в Пунез, как только получим данные из Пензы и от Мушанского. Поездом поедешь.

Игорь кивает и все так же молча выходит из кабинета. Кузьмич же хмурится, утюжит ладонью свою седую макушку и говорит мне сердито:

– Ну, а теперь ты докладывай.

Я подробно рассказываю о Бурлакове, о том, что сообщил мне Пирожков, о его драгоценной дочке и о последнем звонке того типа к Пирожкову.

– М-да... – задумчиво произносит Кузьмич. – «Город-мама» – это скорей всего, конечно, Одесса.

Затем я докладываю свои соображения о фабрике, где работает Варвара, о возможных связях там Зуриха и о подозрительных кофточках.

– Ладно, – соглашается Кузьмич. – Завтра с утра поезжай туда. Да поосторожнее, смотри. А потом загляни в ОБХСС.

Когда мы уже собираемся уходить, Кузьмич нерешительно говорит мне, словно в чем-то сомневаясь:

– Вот еще что... Все-таки проводи Откаленко, – и ворчливо добавляет: – Не нравится он мне что-то.

На фабрику я приезжаю, когда дневная смена уже приступила к работе. В проходной пусто. Я предъявляю женщине-вахтеру свое удостоверение и, провожаемый ее любопытным взглядом, иду через весь двор, мимо длинейшего здания одного из цехов, откуда несется неумолчный грохот и визг машин, к небольшому двухэтажному дому, где размещается управление фабрики.

На первом этаже я довольно быстро нахожу отдел кадров. Не успеваю я протянуть руку к обитой дерматином двери, как она с шумом распаивается, и в коридор вываливается старый мой знакомый – бывший Варварин дружок здоровяк Толик, с которым у нас так неудачно сложились отношения при первом знакомстве. Вот так встреча!

Круглое лицо Толика пылает от гнева. Он, видимо, чем-то сильно взволнован и меня в первый момент не узнает. Я сам окликаю его:

– Здорово, Толик.

Я вовсе не хочу сохранять с ним враждебные отношения, и не потому, что мне в свое время здорово попало от Кузьмича за ту нелепую драку, и даже не потому, что Кузьмич мне тогда сказал: «Аукнется тебе еще этот случай». И, уж конечно, не потому, что Толик стал вдруг мне чем-то симпатичен. Но я тогда повел себя с ним неверно, я бы даже сказал, профессионально неграмотно, что ли. Следовало все-таки установить с ним в тот раз хоть мало-мальски доброжелательные отношения и, так сказать, с миром выпроводить из дома Варвары. Поэтому сейчас стоит исправить, что можно, в наших отношениях.

Толик в первый момент оторопело смотрит на меня и наконец узнает. Маленькие глазки его зло щурятся, и он глухо, с угрозой говорит:

– Ну, здорово...

– Что это ты такой взбеленный? – как ни в чем не бывало спрашиваю я. – Неприятности? – и киваю на дверь, откуда он вышел.

– А тебе чего? – по-прежнему враждебно отвечает он.

– Да так. Может, помочь чем могу?

– Вы поможете...

Толик неприступен и на мировую идти не собирается.

– Ну, ну. Зачем же так, – добродушно говорю я. – Нам с тобой вроде делить нечего.

– Знаем, зачем...

Он явно стремится избавиться от меня, но я делаю еще одну попытку примирения и спрашиваю его:

– Так ты, выходит, здесь работаешь?

– Был, да сплыл, – насмешливо отвечает Толик, словно его сообщение должно меня чрезвычайно огорчить.

– Уволился, значит?

– А хоть бы и так. Тебе-то что?

Я решаю его слегка поддеть:

– Да вот, вижу, не очень-то хотят с тобой расстаться. Ценный работник ты, наверное.

Но до Толика моя ирония не доходит. В нем вновь вспыхивает злость, лицо его багровеет.

– Нет такого закона, чтоб насильно держать, – рычит он. – Мало чего они хотят! Плевал, мать их...

Он смачно ругается и уже решительно поворачивается ко мне спиной. Я провожаю взглядом его удаляющуюся вразвалку фигуру.

– Ишь, законник, – раздаётся за моим плечом чей-то голос.

Я оглядываюсь. В дверях стоит худенькая женщина в застиранном синем халате и белой косынке.

– Чего это он так расшумелся? – спрашиваю я.

– Увольняться надумал, – объясняет женщина. – А ему, значит, говорят: «Отработай две недели». А он в крик. С сегодняшнего дня ему, видишь, надо. И все тут. Ждут его где-то, не дождутся, сокровища такого.

– А может, и правда ждут?

– Ага. Дружки за воротами – выпить. Это верно, ждут. Да он уже с утра где-то хлебнул. Здесь он всегда первый, Толик наш, – она насмешливо усмехается и тут же непроизвольно вздыхает: – Господи, матери-то его каково? Ведь он еще хуже стал, ей-богу.

– Что же случилось?

– Кто его знает. Вот, к примеру, раньше его угощали, а теперь, кажись, сам стал угощать. И откуда у таких деньги? А ведь его, Толика, ниже столкнуть ничего не стоит.

Она машет рукой и уходит.

Да, что-то я с Толиком недодумал, что-то недоделал и, конечно, многое испортил. Будь она неладна, эта драка.

Я толкаю дверь отдела кадров. В кабинете начальника меня встречает довольно молодая, улыбчивая и весьма приветливая женщина, одетая красиво и даже несколько кокетливо. От всего этого я в первый момент чуть-чуть теряюсь.

Но женщина оказывается не только милой и приветливой, но и деловой. Она быстро соображает, что мне нужно, и дает весьма разумный совет. После этого она сама связывается по телефону с нужным мне человеком. И я направляюсь в обратный путь, через двор, к проходной.

В маленькой комнате вахтера меня уже ждет начальник охраны, длинный усатый дядя в старой, армейского образца шинели. Дядя этот, несмотря на свой суровый и внушительный вид, оказывается весьма любопытным, так что я решаю не только не посвящать его хотя бы частично в свои дела, но даже несколько сбить с толку и тут же придумываю совсем иной повод для своего визита. Дядя с ходу «заглатывает» его и необыкновенно рьяно начинает мне помогать. Он вытаскивает из стола корешки пропусков и регистрационную книгу, и по ним мы начинаем проверять, кто в середине прошлого месяца посетил фабрику по разовому пропуску, а также к кому эти люди направлялись.

И, представьте себе, довольно быстро обнаруживаем, что некий гражданин Зурих М. А. был на фабрике седьмого октября. Причем пропуск ему был заказан не более и не менее как самим директором.

– Может так быть, – спрашиваю я начальника охраны, – что пропуск заказывает один человек, а посетитель идет к другому?

Тот мрачнеет, заскорузлой рукой подергивает усы и минуту что-то усиленно соображает, наконец, выдавливая из себя:

– Не положено.

– Я понимаю, что не положено, но бывает так или нет? – допытываюсь я.

– Вы мне... того... конкретно укажите.

- Что указать?
- Ну что интересует-то? Человека укажите. Конкретно.
- Это вы мне укажите, если такие случаи были.
- Не могу знать.
- А кто может знать?
- Ну... словом... кто заказывает. Конкретно.
- А вам такие случаи неизвестны?
- Мне-то?..

Начальник охраны проявляет все большее беспокойство. Очевидно, он боится, как бы самому не попасть впросак или не подвести кого-нибудь из начальства.

- Да. Вам лично, – говорю я, ощущая всю безнадежность своих попыток.
- Откуда же... Не могу знать... Вот ежели конкретно...
- Это, кажется, самое умное слово, какое он знает.

– Ну хорошо, – со вздохом соглашаюсь я. – К примеру, тут вот нескольким гражданам выписаны пропуска по указанию директора. Вот этому... этому... этому... – я указываю на записи в книге и среди прочих включаю Зуриха. – Они все шли именно к директору?

Дядя в шинели тербит усы и тупо следит за моим пальцем, потом хмуро изрекает:

- Не могу знать.

К нашему разговору с любопытством прислушивается полненькая краснощекая девушка-вахтер в серой, кокетливо сдвинутой набок солдатской ушанке и в черной шинели с зелеными уголками на воротнике, туго перепоясанной широким ремнем.

– А чего тут знать-то, – беспечно говорит она, озорно блестя глазами. – Ему небось как Зоя Федоровна утречком списочек даст, он и подмахнет. Дело какое.

- А ты молчи, Сазонова, – сердито обрывает ее начальник охраны. – Тебя не спрашивают.
- Как же молчать-то, если вы человеку ответить сами не можете, – обижается девушка.

Надув пухлые губки, она с независимым видом отворачивается к столику возле окошечка, где выписывают разовые пропуска. За окошечком видна проходная и второй вахтер, тоже женщина.

- А вот на сегодня у вас такой списочек есть? – спрашиваю я девушку.
- Ясное дело, есть, – отвечает она, не поворачиваясь.
- Покажите, – прошу я.

И переписываю девять фамилий к себе в блокнот.

Сделав еще несколько выписок из книги регистрации, я прощаюсь и снова иду через двор, вдоль длинного фабричного корпуса. За широкими окнами мне видны сейчас тянущиеся под потолком яркие голубые трубки ламп дневного света. Дальше, за зданием цеха, расположились низкие складские помещения, возле них стоят грузовые машины, некоторые с прицепами.

Я поднимаюсь на второй этаж знакомого мне уже административного корпуса и через минуту здороваюсь с невысокой черноволосой женщиной в строгом костюме – секретарем директора Зоей Федоровной. Это весьма деятельная и энергичная особа. Ее со всех сторон осаждают вопросами и просьбами, подсовывают различные бумаги, тут же непрерывно звонит то один, то другой из телефонов на тумбочке возле ее стола. Тем не менее, Зоя Федоровна выбирает время и для меня. Быстро просмотрев список, который я ей показываю, она говорит:

– Вот этот товарищ идет в фабком, этот к главному механику, эти двое в бухгалтерию. Остальные к нам.

Но самое замечательное в Зое Федоровне, оказывается, ее память. Она помнит буквально всех посетителей, которые побывали у директора фабрики за последний месяц. Я называю самые разные выписанные мною фамилии, в том числе и Зуриха.

– А этот товарищ, – говорит о нем Зоя Федоровна, – приехал из Ленинграда. Их промторг хотел заключить договор с нами.

– И заключил? – удивленно спрашиваю я.

Мне, пожалуй, не следовало бы задавать этого вопроса, ни о ком другом я дополнительных вопросов не задавал, но уж очень поразило меня неожиданное амплуа Зуриха.

– Это можно выяснить в плановом отделе или в отделе сбыта, – деловито отвечает Зоя Федоровна и тут же звонит по одному из телефонов. Через минуту оказывается, что договора с ленинградским промторгом нет.

– А кто этим вопросом интересуется? – любопытствует чей-то мужской голос в трубке.

– Звонили из управления, – даже не улыбнувшись, спокойно отвечает Зоя Федоровна, видимо, не собираясь зря волновать своих сослуживцев.

– В связи с приездом товарища из Ленинграда? – не унимается ее собеседник.

– Наверное.

– Я могу дать пояснения!

– Никаких ваших пояснений не требуется, – строго говорит Зоя Федоровна.

Мне хорошо слышен этот разговор, и я легко улавливаю то напряжение, с которым он ведется, во всяком случае, на том конце провода. Поэтому я, исправляя свой промах, задаю дополнительные вопросы и о других посетителях, а ей снова приходится звонить в отдел сбыта.

– С кем вы там говорили? – спрашиваю я под конец.

– С начальником отдела, товарищем Сивоконем.

Эту фамилию я запоминаю.

Что ж, для начала я, кажется, узнал немало. Дальше предпринимать какие-либо шаги опасно, пока я не проконсультировался с моими коллегами из ОБХСС.

Я прощаюсь с Зоей Федоровной, которую вновь уже осаждают со всех сторон сотрудники. Но она все же находит момент, чтобы улыбнуться мне в ответ.

И вот опять я бреду по огромному фабричному двору и неожиданно вижу Варвару. Накинув на плечи пальто, под которым виден синий халат, она выбегает из фабричного корпуса. Ветер срывает с ее головы белую косынку, и Варвара еле успевает подхватить ее.

– Варя! – окликаю я ее. – Здравствуйте!

Варвара оглядывается, узнает меня и, улыбаясь, кричит:

– Здравствуйте! Здравствуйте! Ну и ветер!..

Я подхожу, и мы укрываемся от ветра в просторном тамбуре. Варвара поправляет волосы и спрашивает:

– Чего это вы у нас делаете?

– Интересуюсь одним гражданином, – загадочно говорю я. – Вам, кстати, знакомым.

– Толиком небось, зазнойбой моей разнесчастной?

– Да нет. Интересует меня совсем другой гражданин. Иван Харитонович. Помните такого?

– Как не помнить? Такие предложения делал, – она лукаво смотрит на меня и добавляет: – Ему, между прочим, тоже Толик помешал было. Но он его спровадил повежливей, чем вы. Это тут, во дворе, случилось. Отвел его в сторонку. Пошептались. И Толик его, по-моему, даже благодарить стал. Вот как надо.

Варвара смеется. А я смотрю на часы. Ого! Надо спешить на вокзал, провожать Игоря. Да и вспоминать лишний раз о Толике мне неприятно. Поэтому я торопливо прощаюсь.

На вокзал я приезжаю вовремя. Поезд только что подали к перрону, пассажиров возле вагонов немного, и я довольно быстро обнаруживаю Игоря. Он в темном пальто и светлой пушистой кепке, с портфелем в руке одиноко стоит возле вагона и курит. Лицо его хмуро и озабочено. Много бы я дал, чтобы знать, о чем он сейчас думает. У него сложнейшая задача: вместе с местными товарищами предстоит раскрыть убийство Клячко, с учетом многих, весьма усложняющих дело обстоятельств, о которых мы пока только догадываемся. Но думает ли Игорь о том, что его ждет, или о том, что оставляет, это еще вопрос.

Заметив меня, он неторопливо идет навстречу. Мы здороваемся. Игорь отрывисто сообщает:

– Звонил Rogozin. Страхович опознал в человеке, который провожал Зуриха второго октября на вокзале в Куйбышеве, Клячко. Это раз. Второе. Rogozin установил, что до второго октября Клячко все дни был на работе. А вот третьего взял за свой счет четыре дня. И куда-то уехал. Вернулся седьмого.

– И седьмого вечером, – добавляю я, – ему звонил из Москвы Зурих.

– Именно. Теперь дальше. Самое интересное. – Игорь немного оживает.

– Мушанский признался еще в одной краже.

– Паспорт Клячко? – быстро спрашиваю я.

– Да. Но знаешь, где он эту кражу совершил?

– Откуда же мне знать?

– В Одессе.

– В Одессе? – с удивлением переспрашиваю я.

– Представь себе.

– Вот это да. Значит, Клячко махнул зачем-то в Одессу? Интересно...

– Да уж куда интереснее, – хмуро подтверждает Игорь и смотрит куда-то в сторону.

Он опять погрузился в свои невеселые мысли. Некоторое время мы молчим. Что касается меня, то я невольно обдумываю новость, которую мне сообщил Игорь. Итак, опять Одесса. Какой-то тугой узел завязывается и там. Москва, Пунев, Одесса... В Пунев едет сейчас Игорь. Что его там ждет?

Игорь продолжает угрюмо смотреть куда-то мимо меня, в пространство. Дальше разговор у нас явно не клеится. Тут я вдруг замечаю, что в руке у Игоря незнакомый мне портфель.

– Чей это ты портфель прихватил? – спрашиваю я.

– Отцовский, – неохотно отвечает Игорь.

И я начинаю кое о чем догадываться.

– Разве ты не из дома едешь?

– Я сейчас у стариков живу.

Черт возьми, еще одна новость. Значит, так далеко все у них зашло с Аллой. И Игорь, очевидно, ушел из дома. Но что-то мешает мне спросить у него обо всем напрямик. Да и чего уж тут спрашивать...

Мы опять умолкаем. Ох, как мне трудно стало с моим другом! Никогда так не было. Разве раньше я думал, что ему сказать и чего не говорить? И как сказать? Да никогда. А вот теперь я каждый раз ловлю себя на этом.

– Ты... уже решил? – через силу все-таки спрашиваю я.

– Все решилось само собой... Давно... – цедит Игорь, внимательно разглядывая что-то у себя под ногами.

Он словно боится встретиться со мной взглядом, наверное, чтобы не дрогнуть, не изменить принятое решение. Так, во всяком случае, мне почему-то кажется.

– Но это не может решиться само собой, – возражаю я. – Нельзя, чтобы это решалось само собой.

– Эх... – Игорь со снисходительным сожалением смотрит на меня. – Много ты понимаешь...

– Надо сто раз подумать, – тихо говорю я, – чтобы не пожалеть потом.

– Я думал тысячу раз...

– Один?

– Чудак... – Игорь горько усмехается.

А я начинаю злиться и с трудом подавляю в себе это чувство. Мне так хочется сказать ему: «Об этом надо думать с другом. С другом, а не одному». Но я этого, конечно, не говорю. Я говорю совсем другое:

– Ты меня не понял. Лена... тоже так думает?

– Лена тут ни при чем. У нас с Аллой все равно этим бы кончилось. Ну, как бы тебе объяснить... Она требует от меня порабощения, понимаешь? Полного порабощения. И мечтает поработиться сама. Я так не могу... И она ничего не желает понять... Нет, это невозможно объяснить...

– А я думаю...

– Ты ничего не можешь думать, – резко обрывает меня Игорь. – Никто не может. Только я. Ну и Алла. Это всегда касается только двоих. Всегда! Поймите же, наконец, черт возьми! Только двоих!..

Игорь сейчас почти кричит. Да, да, совсем тихо, чуть не шепотом, но кричит. У него уже не выдерживают нервы. Его не хватает даже на борьбу с самим собой, а тут еще... Он же кричит все это не только мне, но и еще кому-то, всем, кто лезет к нему со всякими дурацкими мнениями и советами.

Я ловлю на себе его злой, отчаянный, какой-то раненый взгляд и понимаю, как ему сейчас тяжело. И мне вдруг становится ясно, что Игоря нельзя отпускать в таком состоянии, вообще никуда нельзя отпускать, тем более в Пунез, с таким заданием... Но тут же мне в голову приходит совершенно противоположная мысль, что ему непременно надо уехать, надо на что-то переключиться, и чем это «что-то» будет труднее и опаснее, тем лучше, потому что ничего хуже и опаснее, чем то, что есть сейчас, Игоря уже ждать не может. Вот если бы только я мог поехать с ним! Если бы мог. Надо попробовать поговорить с Кузьмичом, объяснить ему. И тогда я прилечу.

В этот момент по перрону разносится скрежещущий, резкий голос из репродуктора:

– До отхода поезда... пассажиров просим...

– Ну, бывай, – говорит Игорь и протягивает мне руку. – Только не сердись на меня.

Мне так хочется Игоря обнять. Но я только крепко жму ему руку. Наверное, я все-таки чересчур сентиментален.

После обеда я отправляюсь к ребятам в ОБХСС. Мне надо о многом с ними посоветоваться. Там есть классные специалисты. Например, мой приятель Эдик Албанян.

По специальности Эдик экономист и, как ни странно, кончил экономический факультет во ВГИКе. Мечтал о кино. Года два работал на «Мосфильме» помощником директора картины. Последнего своего директора он поймал на липовых нарядах. До суда, однако, дело не дошло. Жулик тот удивительно ловко выкрутился. На Эдика это произвело сильнейшее впечатление. Он вообще человек впечатлительный, темпераментный и энергичный. И еще самолюбивый. Он уволился со студии и по совету одного друга пошел в ОБХСС. Мне кажется, уязвленное чувство справедливости привело его туда. Он стал крупным специалистом. И не таких жуликов, как его бывший директор, отправлял он на скамью подсудимых.

В последние годы Эдик работает как раз по тем «линиям», которые сейчас меня интересуют. И тут он может оказаться незаменимым консультантом.

Эдик не сразу настраивается на мои дела и заботы. Но вот я замечаю, как в его больших агатовых глазах возникает, наконец, живой интерес, узкое, до синевы выбритое лицо становится сосредоточенным, худенькая фигурка подается вперед. Вот теперь он готов качать деловой разговор со мной и «толкать идеи».

– погоди, дорогой, погоди, – торопливо говорит Эдик. – Давай разделим все на два вопроса. Строительные дела – это сейчас моя линия. Фабрика – не моя. Один момент!

Он срывает трубку телефона, набирает какой-то номер и кричит:

– Володя?.. Привет! Срочно зайди в сто седьмую. Есть кое-что для тебя. Ну давай, давай, одна нога там, другая здесь. Пока человек не ушел.

Когда он вешает трубку, я с удивлением спрашиваю:

– С чего ты взял, что я собираюсь уйти?

– Э! – машет рукой Эдик. – Его заспешить надо. Хороший парень, понимаешь, но немножко спит. Ну так вот. Теперь с твоим «удельным князем». Кое-что я тебе дам. Авось пригодится. По этому тресту мы, понимаешь, работали. Сейчас увидишь. Момент!

Он снова хватается за телефон.

– Ниночка? Знаешь, как я тебя люблю?.. А то, что другу моему надо срочно помочь. Помнишь дело по семнадцатому тресту?.. Умница! Приготовь, будь ласкова. Я сейчас забегу.

В это время в комнату неторопливо входит высокий полный человек в очках, светлые волосы гладко зачесаны назад, мясистое лицо его невозмутимо, даже немного сонно.

– Вот он! – вскакивает Эдик и обращается к вошедшему. – Знакомься, Володя. Это мой друг Лосев, из уголовного розыска. Он тебе все расскажет. А я сейчас...

И он стремительно выскакивает из комнаты.

– Старший инспектор Сурков, – представляется Володя и протягивает большую пухлую руку.

Рука оказывается неожиданно сильной.

Я снова рассказываю о фабрике, о Зурixe и о кофточках.

– Из Ленинграда, говорите, приехал... – задумчиво повторяет Сурков. – Хм, хм... Скорей всего, пожалуй, Сокольский ему там наворожил.

– Точно, – подтверждаю я. – Зурix именно с ним и говорил из Москвы по телефону.

– Так, так. Ну, этого прохвоста Сокольского мы знаем. И с товарищами из Ленинграда контактируем. Они вокруг него уже работают. А вот... Зурix, вы говорите?

– Да, Зурix.

– Это новая фигура. Какие же его связи выявлены по нашей линии? Ну, Сокольский – раз. А в Москве?

– Фабрика. И там, видимо, начальник отдела сбыта. Сивоконь.

– И этот нам знаком. Но каждый в отдельности. А тут, оказывается, цепочка...

Сурков на минуту задумывается, потом снова обращается ко мне:

– Повторите, у кого в Москве вы обнаружили эти кофточки. Васильковые, а не голубые. Артикул семьдесят два семьдесят. Цена двадцать шесть шестьдесят. Товар знакомый.

Я повторяю. Сурков записывает. Потом молча и не спеша проглядывает список.

– Ну, Зурix – это ясно, – говорит он. – Работница фабрики Варвара Глотова... Скорей всего для себя купила. А вот Инночка... Какая она собой, можете описать?

Я припоминаю внешность дочери Веры Михайловны. У меня было время ее рассмотреть, пока она вела тот странный разговор с матерью в гостинице. Заодно я описываю и пакет, который она передала Вере Михайловне. Сурков меня не прерывает. Когда я дохожу до пакета, Сурков спрашивает:

– Не помните день и час, хотя бы приблизительно, когда она его принесла?

Конечно, все это я помню.

Сурков записывает, потом говорит:

– Мы эту спекулянтскую цепочку ухватили с другого конца. Инночку засекли. Но я, честно говоря, все сомневался. Семья, полагал, приличная. Да и сама... Эх!

Он огорченно вздыхает и качает головой. Сейчас он мне напоминает учителя, вынужденного ставить двойку хорошему ученику.

– Можно о ней упомянуть в разговоре с отцом? – спрашиваю я. – Разговор у нас предстоит серьезный.

– Нежелательно, – говорит Сурков. – Это может нам помешать.

– Тогда исключается, – соглашаюсь я и снова спрашиваю. – А какова тут может быть роль Зуриха, как полагаете?

Сурков с ответом не спешит, видимо, что-то про себя прикидывает. На мясистом, складчатом лице его ничего прочесть невозможно. Глаза прищурены, руками он упирается в толстые колени. Просто изваяние какое-то. Удивительно человек умеет отключаться.

– Фигура опасная, – наконец изрекает Сурков. – Скорей всего организатор. И с размахом. Сбыт товара в других городах.

– Неужели на этом можно так уж крупно заработать?

– А вы думали? – усмехается Сурков. – Вот смотрите. Элементарный расчет. Фабрика выпускает в течение года кофточки этого артикула партией, допустим, в триста тысяч штук. Из них только около пятидесяти тысяч имеют дефицитный и, надо сказать, действительно превосходный васильковый цвет. На большее количество у фабрики пока не хватает красителей. Что делает жулик, такой, как этот начальник отдела сбыта? Он передает дефицитные кофточки трем-четырем «своим» директорам магазинов, тоже, конечно, жуликам. С накидочкой, допустим, по рублю за кофточку. Это, как видите, уже пятьдесят тысяч рублей. Ну, возьмем не пятьдесят, а двадцать пять тысяч: половину кофточек он вынужден передать честным директорам. Далее. Те самые жулики директора перепродают затем эти кофточки спекулянтам, вроде той самой Инночки, тоже накинув, скажем, всего лишь по рублю. И новый куш у них в кармане, еще двадцать пять тысяч! Теперь такой «делец», как ваш Зурих, организует сбыт этих кофточек в другом городе, где их вообще не производят, и в магазинах их нет. И он уже накидывает по три, а то и по четыре рубля на штуку. Это же бешеные деньги, как видите. Тут можно окупить любые расходы по перевозке и услугам местных спекулянтов. Вот какая картина получается. Это, заметьте, не только экономическая диверсия, это политический и нравственный удар по государственной системе торговли, подрыв доверия к ней. За это надо карать беспощадно!

Володя Сурков сжимает свой огромный кулак, и впервые на его невозмутимом, чуть сонном лице отражается волнение.

– Так вот, мы установили, – продолжает Сурков, – что кофточки этого артикула идут не только в Ленинграде, но и в Одессе. Я имею в виду спекулянтов, конечно. Есть у нас такие сигналы.

– Каналы пока не установлены?

– Именно что, – с ударением произносит Сурков.

– Хотелось бы посмотреть материалы по Одессе и Ленинграду.

Сурков не спеша кивает круглой головой.

– Можно. Сейчас поднимем. Пока все? – и добавляет, подняв толстый палец. – Между прочим, такая же картина и со стройматериалами. Только там дефицита еще больше, учтите.

Он тяжело поднимается со стула. Мы прощаемся, и снова я ощущаю его сильное пожатие.

– Спасибо и вам, – говорит Сурков. – А бумаги я сейчас пришлю.

В это время в комнату врывается Эдик. Под мышкой у него три толстые папки.

– Ага, законтачили? – весело говорит он, ухватив последние слова Суркова.

– Кое-что есть, – улыбаюсь я.

Сурков невозмутимо кивает и уходит.

– Ну, у меня, наверное, побольше, – отдуваясь, говорит Эдик и складывает на стол свои папки.

Затем он разваливается в кресле, кидает себе в рот сигарету и, лихо щелкнув красивой газовой зажигалкой, говорит:

– Ну, друже, и гусь тебе попался. Первый сорт, понимаешь. Говори сразу, что тебя интересует: махинации по Москве или по другим городам?

– По другим, – отвечаю я не задумываясь.

– Так я и знал. И Ниночка догадалась, понимаешь. Мы тебе приготовили несколько документов, пальчики оближешь, – он кивает на лежащие перед ним папки, и я замечаю в них несколько закладок. – Даже, понимаешь, фамилия «Зурих» упоминается.

Я чуть не подскакиваю на стуле.

– Где упоминается?

– Тут, тут, – самодовольно улыбается Эдик. – Но... странное дело, понимаешь, – лицо его становится озабоченным, – то он называется представителем одного ОКСа из Ростова, то какого-то СУ из Одессы. Вот гляди.

Эдик вскакивает, раскрывает одну из папок, и мы углубляемся в изучение бумаг там. Да, Зурих действительно упоминается. Но только в допросах других лиц. Причем упоминается мельком, как человек малознакомый и к тому же незначительный. Он, судя по этим допросам, не был причастен к хищениям, о которых шла речь.

В качестве свидетеля допрашивался и сам Бурлаков. Но только в качестве свидетеля. В одном месте он тоже упоминает Зуриха. Вот это уже весьма ценно. Значит, они все-таки знакомы!

Я с особым вниманием читаю соответствующее место в допросе Бурлакова.

Он утверждал, что Зурих был у него в кабинете, когда зашел один из обвиняемых. Это упоминание нужно было Бурлакову, чтобы доказать, что он не мог при постороннем человеке взять взятку. Речь шла в данном случае о незаконной отправке труб в Ростов. «Кто был тот человек?» – спрашивает следователь о Зурихе. И Бурлаков небрежно отвечает: «Один коллега из Одессы». Далее следователь задает новый, весьма любопытный вопрос: «Вам знаком заместитель начальника ОКСа ростовского завода Палатов?». И Бурлаков, видимо, вынужден ответить утвердительно. Однако эпизод с трубами доказать не удалось. Палатов от всего отказался. Других улик обнаружено не было, и Бурлаков благополучно выкрутился. Как, впрочем, и из других, весьма для него щекотливых ситуаций. Кстати, одним из подсудимых упоминался и эпизод с двадцатью тоннами керамзита, незаконно отправленными в Одессу. Но и тут ничего доказать не удалось. При этом мелькнула фамилия какого-то Богдана Теляша из Одессы.

Наверное, уже часа четыре вожусь я с этими папками и делаю немало интересных выписок. Давно ушел Эдик, у него полно неотложных дел. Он лишь время от времени заглядывает в комнату, где я расположился, и, запыхавшись, спрашивает:

– Ну, как улов? – и, довольный моей запаркой и очевидным возбуждением, весело мне подмигивает. – Знай наших, понимаешь. Друга в беде никогда не оставляем, – и снова куда-то стремительно исчезает.

Приносят бумаги и от Суркова, и я их пока откладываю в сторону. Но потом просматриваю и их. Там тоже оказывается кое-что любопытное, в частности, некоторые фамилии. Среди них я неожиданно вижу весьма мне знакомую: Галина Кочерга! Через нее было реализовано немало «наших» кофточек. Одну из них купила некая Инга Сиволап, работница одного из строительных управлений в Одессе. Кажется, того самого, где трудится упомянутый выше Богдан Теляш.

Я тут же проверяю это немаловажное обстоятельство и убеждаюсь, что так оно и есть. После чего с удовольствием беру его тоже на заметку.

Все связано в этом мире, все имеет свои закономерности, свою логику. Люди сцеплены интересами и обстоятельствами. Жулики тоже. И деться тут некуда.

Я смотрю на часы.

Поздно. Пора вернуть бумаги и отправляться домой. Совсем уже поздно. В ОБХСС работают, оказывается, не меньше нашего.

Пожалуй, я все-таки могу еще позвонить Светке и хотя бы пожелать ей спокойной ночи. Утром я докладываю обо всем Кузьмичу.

Кузьмич молча поглядывает поверх очков и мнет в пальцах сигарету.

Присутствующий тут же Петя Шухмин наконец щелкает перед ним зажигалкой.

– Первая, Федор Кузьмич, – считает своим долгом отметить он.

– Сам знаю, – ворчит Кузьмич, прикуривая. – Счетовод на мою голову нашелся.

Когда я кончаю, Кузьмич некоторое время молчит. Ждет, как всегда, чтобы высказались другие. Но Петя и Валя Денисов тоже молчат. Тогда Кузьмич затягивается, разгоняет рукой дым и задумчиво произносит:

– М-да... Еще один узелочек, слава богу, завязывается, – и поворачивается к Вале. – Какие у тебя данные об... этой самой, как ее?... Галине Кочерге из Одессы?

Валя не торопясь открывает свою папку, без которой он уже к Кузьмичу в кабинет не является, и достает оттуда какие-то записи.

– Данные такие, – говорит он. – Двадцать пять лет. Отец механик на «Славе». Мать портниха. Обширные и весьма подозрительные связи. Много поклонников. Из-за нее бывают драки. Замечена в спекуляции, в том числе и контрабандой. Часто бывает в интерклубе. Путается со многими. Была замужем. Развелась. Муж играет в ресторане при гостинице. Не судима. Клички: «Мадемуазель Галя», «Королева Галя», «Галя – соль с перцем», «Галя – два поцелуя...». Ну и так далее. Вот, пожалуй, и все.

– Сильна девка, – удовлетворенно констатирует Петя Шухмин. – С такой намучаешься.

– Объект трудный, – соглашается Валя и аккуратно вкладывает бумаги в папку.

– Уж не к ней ли летал этот бедняга из Куйбышева? – продолжает вслух рассуждать Петя. – Тогда скорее всего у них роман был. С такой без романа не обойдешься.

– Вопросов по Одессе у нас много, – раздраженно говорю я. – Зурих, имейте в виду, там тоже пасется.

– Значит, так, – кладет конец нашим разговорам Кузьмич и многозначительно предупреждает. – Вечером кое-что решим. А пока, – он поворачивается ко мне, – поезжай к... этому самому... Бурлакову. Что он даст о Зурихе, интересно. И по Одессе. Вот два главных пункта. Понял?

Он испытующе смотрит на меня поверх очков.

– Понял, – бурчу я в ответ. – Чего же тут не понять?

– Ну и ладно, – удовлетворенно констатирует Кузьмич и прихлопывает ладонями по столу. – Вы свободны, милые мои. А ты, – обращается он ко мне, – удержишься.

Когда остальные выходят, он спрашивает:

– Проводил Откаленко?

– Проводил, – недовольно говорю я и с неожиданной горячностью добавляю:

– Нельзя его было в таком состоянии посылать, вот что я вам скажу, Федор Кузьмич.

– Это в каком же таком состоянии?

– Ну, в общем, нервы у него не в порядке.

Кузьмич усмехается.

– У тебя, я смотрю, нервы тоже не в порядке.

– Нам надо было ехать вдвоем, – упрямо говорю я.

– Так всюду и вдвоем? – хмурится Кузьмич. – Не надоело за чужой спиной работать?

– Дело не в этом.

– В этом, в этом. Ну, мы еще вечером поговорим. А сейчас давай к этому... Бурлакову.

И нервы свои спрячь, понял? Пока они тебя не подвели.

Я подчеркнуто официально отвечаю:

– Слушаюсь.

И выхожу из кабинета. Во мне все кипит. Кузьмич иногда бывает туп и бесчувствен как доска!

Тем не менее, придя к себе, я усаживаюсь за телефон и звоню Бурлакову, пока этот пенсионер не отправился куда-нибудь на прогулочку. Отвечает мне густой, уверенный бас.

– Светозар Еремеевич?

– Он самый. С кем имею честь?

Я вежливо представляюсь и объясняю:

– Хотелось бы с вами повидаться и кое о чем посоветоваться. У вас найдется время?

– Что ж. К вашим услугам.

– Скажем, через часок?

– Милости прошу. Самому-то уже трудновато.

– Понимаю, понимаю. Я заеду. Адрес ваш какой?

Делаю вид, что записываю адрес, и кладу трубку. Затем еще раз просматриваю всякие свои записи и кое-что обдумываю. К такой беседе все-таки следует подготовиться.

Пустой стол Игоря напротив все время отвлекает меня, все время чем-то тревожит.

Ровно через час я подъезжаю к знакомому дому.

Бурлаков сам открывает мне дверь. Действительно, громадный, неохватной толщины дядя занимает чуть не весь дверной проем. Розовое, в глубоких складках широкое лицо, ежик седых волос стоит над головой как серебряный нимб. На Бурлакове мятые пижамные штаны, застиранные до белесости, и роскошная домашняя куртка из темно-красного бархата с золотыми жгутами на животе.

– Прошу, прошу – гудит Бурлаков и при этом улыбается так радостно, словно долгожданному гостю.

Улыбка у него ослепительная, ровные белоснежные зубы слишком уж назойливо напоминают о дантисте. Я снимаю пальто и прохожу вслед за хозяином в столовую. Еще в коридоре обращаю внимание на деревянную винтовую лестницу, ведущую на второй этаж, и на красиво застекленные двери в другие комнаты.

Столовая заставлена мебелью. Какие-то старинные, затейливые стулья с высокими спинками, громадный, в полстены, буфет, тугие, обтянутые шелком пуфики, два мощных «вольтеровских» кресла в углу, обитые зеленым сукном, с красивыми резными подлокотниками, круглый стол на искусно выполненных львиных лапах, хрустальная люстра над ним, как юбилейный сахарный пирог с воткнутыми в него белыми свечами. По стенам густо развешаны сомнительных достоинств картины в золотых багетах, громадные и совсем маленькие. Под французов и итальянцев, если не ошибаюсь.

Впрочем, рассмотреть картины я не успеваю. Бурлаков усаживает меня в одно из кресел, сам опускается в другое. Рядом оказывается полированный, вполне современный журнальный столик на тоненьких дрожащих ножках. На столике лежат большие шахматы, две пестрые коробки сигарет, одна из них «Кент», красивая газовая зажигалка и громадная пепельница из цветного чешского стекла.

Мы закуриваем.

– Слушаю вас, молодой человек, – добродушно рокошет Бурлаков, откидываясь на спинку кресла.

Но маленькие светлые глазки его под набрякшими веками изучают меня довольно откровенно. Во взгляде его чуть заметна ирония. Меня он, кажется, всерьез не воспринимает. Мальчишка, вот и все. «Тем лучше», – сказал бы Кузьмич. Но меня это задевает.

– Видите ли, Светозар Еремеевич, – осторожно говорю я, – нас интересует один человек, который когда-то попадался вам на пути. Может быть, вы его вспомните, – и, как бы между прочим, добавляю. – Вас-то он, конечно, помнит.

– Кто же это такой? – спокойно интересуется Бурлаков.

– Некий Зурих Михаил Александрович.

– Зурих... Зурих... – бормочет Бурлаков, затягиваясь сигаретой и задумчиво глядя куда-то в пространство.

Ответить сразу ему мешает мой неприятный, хотя и не совсем ясный намек на то, что Зурих его помнит. Бурлаков, наверное, пытается его сейчас оценить.

Наконец он выдавливая:

– Что-то, признаться, не помню такого.

– Недавно снова приезжал в Москву, – подсказываю я. – Правда, фамилия у него на этот раз была Николов.

– Гляди, – усмехается Бурлаков. – Ну, артист...

– Тоже не припоминаете?

– Николова? Откуда же?

– Тогда сначала напомним вам фамилию Зурих, – говорю я. – И, пожалуй, не теми фактами, которые он может сообщить, а теми, что вы сами сообщили. Так вам, пожалуй, будет легче вспомнить.

Я улавливаю настороженность в глазах Бурлакова, даже некоторую опаску. И относится это, конечно, к моему намеку на факты, которые может сообщить Зурих. Из чего следует, видимо, сделать вывод, что Бурлаков скорее всего не знает, где сейчас находится Зурих, возможно, он и у нас уже. И во-вторых, Бурлаков, очевидно, не уверен, что Зурих будет молчать, попав к нам.

То, что Бурлакова одолевают все эти сомнения, и хорошо, и плохо. Все зависит от того, решит ли он, что Зурих у нас, или нет. Если решит, то будет, конечно, защищаться и что-то о Зурихе скажет. Если же нет, то побоится помочь нам напасть на его след и ничего не скажет.

Как мне хочется в этот момент взять его «на пушку» и сообщить, что Зурих у нас. Но делать это ни в коем случае нельзя. И не только потому, что если я ошибаюсь, и Бурлаков знает, где на самом деле сейчас Зурих, то разговор будет безнадежно сорван, и я вообще ничего не узнаю. Главное в другом, в том, что обманывать Бурлакова я не имею права, это бесчестный прием, и он до добра не доводит. Но вот посеять в душе Бурлакова неуверенность и тревогу, вызвать всяческие опасения и тем толкнуть на какой-то необдуманный, неосторожный шаг, заставить проговориться, на это я имею право, и это надо постараться сделать. Словом, обхитрить я его могу, но обмануть нет.

– Ну, ну, интересно даже, – говорит Бурлаков. – Чего такое я сообщил об этом Зурихе. Может, я его и вспомню. Народу-то тьму-тьмущую на своем веку встречал. Интересно даже...

Но я чувствую, что ему совсем не интересно, ему все это в высшей степени неприятно и боязно тоже!

– Для этого придется напомнить вам, Светозар Еремеевич, одно дело.

И я пересказываю ему то самое судебное дело. При этом даю понять, что верю и в полную непричастность к нему самого Бурлакова, и в абсолютную правдивость его показаний как свидетеля. Особо останавливаюсь я на эпизоде, где Бурлаков упомянул Зуриха.

Все это его, естественно, вполне устраивает и даже вызывает симпатию ко мне. Но, с другой стороны, это как бы обязывает его пойти мне навстречу, не разрушить мое впечатление о его роли в том деле, и ему волей-неволей приходится вспомнить упомянутый мною эпизод.

– Зурих, Зурих... Да, да... был такой, – с видимым, даже подчеркнутым усилием вспоминает Бурлаков.

– Что он собой представляет? – спрашиваю я. – Поделитесь впечатлением, Светозар Еремеевич, – и со значением добавляю. – Очень мы на вас рассчитываем.

– Ну, особо-то не рассчитывайте, – размягченно гудит Бурлаков. – Память-то, знаете, стала того...

– Ничего. Я вам помогу.

И тут же замечаю, что Бурлакову не очень нравятся мои последние слова. Что ж, не все же его гладить по шерстке. Пусть не думает, что я каждое его слово на веру приму.

– Ну, что я о нем помню... – собирается с мыслями Бурлаков и, видимо, лихорадочно соображает, что же такое сообщить о Зурихе, чтобы и впросак не попасть, и лишнего чего-нибудь не брякнуть.

Я его не тороплю, пусть подумает.

– Значит, приехал он вроде бы из Одессы... – начинает Бурлаков. – Да, да, из Одессы. Командировка у него еще была, помню. Что-то там по обмену опытом, если не ошибаюсь. А у нас в это время голова о другом болела. Махинации всякие обнаружились, дефицитный материал на сторону плыл. Вот и те тридцать тонн керамзита, – в голосе Бурлакова слышится металл благородного негодования, он входит в обличительный раж и даже, как видите, кое-что преувеличивает. – Ну, жуликов-то мы, конечно, за шиворот. И под суд, чтобы неповадно было. А этот самый Зурих... Думается мне теперь, и он к этим делам руку приложил. Но тогда впечатление производил самое благоприятное. Беседы такие умные вел, что ой-ой-ой.

– И дома у вас бывал, – не то спрашиваю, не то подсказываю я.

– Разве гниль-то сразу увидишь? – продолжает с негодованием Бурлаков. – Пуд соли с таким подлецом сперва съесть надо. Тем более... – но тут он спохватывается и поспешно добавляет. – По чести говоря, помнится, однажды был он у меня дома, напросился.

– А в Одессе у него семья? – спрашиваю я, делая вид, что не замечаю его оговорок.

– Какая там семья, – расплывается в улыбке Бурлаков. – Так, знаете... одна любовь. С ней и в Москву прикатил. Ох и девка... Для супруги, я скажу, слишком хороша.

Толстая физиономия его приобретает мечтательное выражение, и он сладко чмокает губами.

– Звали-то ее как? – с не служебной, а чисто мужской заинтересованностью спрашиваю я, подыгрывая Бурлакову.

– Галина Остаповна... – все так же мечтательно отвечает он.

Вот это открытие! Ради одного его стоило навестить Бурлакова.

– Ну а может быть, и жена? Красота, это, знаете, еще ничего не означает, – все тем же тоном продолжаю я обсуждать эту животрепещущую тему.

– Что вы! Какая там жена... – отмахивался Бурлаков, весь еще во власти приятных воспоминаний. – Жене разве такие подарки делают, какие он делал?

– Какие же? – с любопытством спрашиваю я.

– Ну, к примеру, золотое кольцо с камнями, каждое по два карата, не меньше. Старинной работы. Камушки, как ягодки, на стебельке висят. Неслыханной красоты кольцо, уверяю вас.

– Ух ты... – восхищенно вздыхаю я.

– А внутри, значит, надпись изобразил, – увлеченно продолжает Бурлаков.

– Как сейчас помню: «Галочке от М.З. на всю жизнь».

Второй факт, который стоит не меньше первого!

– Ну вот видите? – говорю я. – «...на всю жизнь». Выходит, все-таки жена она ему.

Бурлаков с откровенной иронией смотрит на меня.

– Эх, молодой человек, что вы понимаете? – вздыхает он. – Да если хотите знать, он эту Галочку уже бросил, говорят. Вот вам и «на всю жизнь».

Но я чувствую, что он доволен, и не только сладкими воспоминаниями о красивой Галине Остаповне, но и тем, что так ловко увел разговор в сторону от опасной темы всяких там злоупотреблений и махинаций в тихую заводь любовных утех. И я пока его иллюзии не разрушаю. Кстати, факт его собственного знакомства с Галиной Кочергой нам тоже может пригодиться. Об этом он, конечно, не догадывается.

– А вы-то память о себе ей тоже, небось, оставили? – лукаво спрашиваю я. – Не утерпели? Тем более, если не жена.

– Куда мне, старику!... – машет рукой Бурлаков.

Он закуривает новую сигарету и блаженно откидывается на спинку кресла.

Но тут вдруг до него, видимо, доходит, что он, пожалуй, уж слишком расписал свои связи с Зурихом, и неожиданно резко заявляет:

– Да и с какой, собственно, стати мне ей чего-то дарить? Люди, в общем-то, посторонние, незнакомые даже.

Глазки его наливаются холодом и теперь смотрят на меня отчужденно и даже подозрительно. Я понимаю, что лирическая часть разговора окончена, и пожимаю плечами.

– Вообще-то верно, – соглашаюсь я и уже деловым тоном спрашиваю. – Не помните, где Зурих тогда работал?

– А черт его знает, где этот прохвост работал. Разве все упомнишь?

– Недавно с ним в Москве большая неприятность случилась, – говорю я.

– Это какая же? – настороженно интересуется Бурлаков.

– В гостинице его обокрали.

– Вот те раз! – не очень искусно демонстрирует удивление Бурлаков. – Скажи на милость.

Ему, конечно, все это давно известно, возможно, даже не только от Веры Михайловны.

Я чувствую, что больше ничего от Бурлакова не узнаю. Он уже отгородился от меня и, возможно, даже казнит себя сейчас за болтливость.

Глава 7

Сестренки не выбирают

Поздний вечер. Я все еще сижу у Кузьмича. Он по привычке утюжит ладонью свою седую макушку и, хмурясь, говорит:

– Что значит «исчез»? Что это еще за чепуха такая?

Он сердит и встревожен. Я это прекрасно вижу. И я встревожен не меньше его, даже больше. И сердит тоже.

– Все-таки что-то случилось, – говорю я.

– Панику порют. Ну, не ночевал в гостинице, не дал о себе знать. Что из того? В нашей работе всякое может быть.

– Вот именно, – многозначительно подтверждаю я.

– А, брось, – машет рукой Кузьмич. – Что это за настроение у тебя, скажи на милость?

– Я вам говорил, Федор Кузьмич, не надо было посылать его одного. Не у меня настроение, а у него.

– Да что за черт! – взрывается Кузьмич. – С барышнями какими-то кисейными работаю! Настроение, видите ли, у них! Нервные стали, – он берет себя в руки и сухо говорит. – Ладно, хватит. Чтоб я больше об этом не слышал.

– Разрешите мне поехать в Пунев, Федор Кузьмич, – как можно спокойнее говорю я.

– Не разрешаю. Ты поедешь в Одессу. Найдется Откаленко, не бойся. А если он глупости наделал... Да нет! Что мы его, первый день знаем?

Кузьмич вытаскивает из ящика стола сигарету, закуривает и машет рукой, разгоняя дым.

Я вижу, с каким трудом он успокаивается. У него тоже шалют нервы. Но и я взвинчен. Я целый день почему-то в таком состоянии, словно предчувствовал, что что-то случится.

– Давай займемся делом, – говорит Кузьмич. – Значит, Одесса. Какие факты привели нас к ней?

– Пожалуйста, – нехотя отвечаю я. – Значит, так. Если начать в хронологическом порядке. Зурих звонил туда Галине Кочерге и говорил с ней дольше, чем с другими. Потом она уехала якобы к больной матери. Денисов установил: мать больна не была, просто жила месяц у старшей дочери и сейчас вместе с Галиной вернулась в Одессу, – незаметно для самого себя я увлекаюсь и говорю уже с некоторой даже горячностью. – Дальше. Зурих пытался подарить Варе Готовой браслет, купленный в комиссионном магазине в Одессе, возможно, в том самом, где

работает Галина Кочерга. Он же дал Николову для связи ее адрес, а не чей-нибудь другой. Отсюда можно сделать вывод, что во всяком случае деловые отношения у них сохраняются.

– Так, так... – одобрительно кивает Кузьмич.

– Потом. В Одессу срочно летал Клячко. Цель пока неясна. Там же, в Одессе, вероятно, жил и работал Зурих. По крайней мере, там он получил командировку в Москву и, конечно же, туда угнал вагон дефицитного керамзита. Ну что еще? Кочерга замечена в спекуляции кофточками, которые обнаружены у Зуриха. Наконец, Зурих был в близких отношениях с этой девицей и в Москве подарил ей дорогое кольцо с надписью. Вот, пожалуй, и все... Да! Возможно, что в Одессу Зурих направил какого-то головореза, который звонил Пирожкову. Вот и все факты по Одессе.

– Немало... немало... – задумчиво произносит Кузьмич и мнет в пепельнице недокуренную сигарету. – Очень даже немало... Сам, надеюсь, видишь. Итак, надо ехать, – он решительно прихлопывает ладонями по столу. – Непременно надо ехать. Очень все там серьезно.

– Конечно, Федор Кузьмич.

– Вот и поедешь. С Денисовым.

– Нет, Федор Кузьмич, – твердо говорю я. – С Денисовым я бы не хотел ехать.

– Это еще почему?

Кузьмич сердито и удивленно смотрит на меня.

– Именно потому, что там все очень серьезно.

– Что-то я тебя не понимаю, милый мой. Что ж, по-твоему, Денисов плохой работник?

– Не в этом дело. Просто психологическая несовместимость. И потом... я не люблю равнодушных.

С Кузьмичом я привык быть всегда откровенен. Я ему очень верю, нашему Кузьмичу. И он это знает.

– Та-ак... – задумчиво произносит Кузьмич. – Интересно. Однако и одному тебе будет трудно.

– Там есть отличные ребята.

– Это конечно. И все же требуется рядом человек... Узел-то запутанный. Эта самая Галина и ее окружение... Гм... И человек должен быть умный, опытный и... какой-то другой, чтобы посмотреть на все по-другому, заметить, чего ты можешь не заметить...

Кузьмич размышляет вслух, навалившись грудью на стол, и, прищурившись, смотрит куда-то в пространство:

– А что, если... гм... если послать с тобой женщину?..

– Женщину?! – изумленно переспрашиваю я. – Это еще зачем?

Кузьмич усмехается.

– Красивую молодую женщину. Нашего работника, конечно.

– Мужчина надежней!

– Гм... видно, что ты с женщинами не работал, – очень серьезно говорит Кузьмич. – А они, милый мой, могут быть неоценимыми работниками. У них свои качества, которых у нас нет. Не замечал? Например, особая интуиция и особая наблюдательность. С ними иной раз скорее будут откровенны и легче вступят в контакт.

Я невольно улыбаюсь.

– Уговорили, Федор Кузьмич. Надо только найти стоящего человека, – замечаю я.

– Конечно, – соглашается Кузьмич. – Найдем. Есть у нас такой человек.

– Кто же это?

– Да вот хотя бы Златова Лена. Очень хороший работник.

– Лена?!

У меня, очевидно, в этот момент очень глупый вид. И Кузьмич еле заметно усмехается.

Я решаю ничего не объяснять. Кузьмич опять скажет, что все это мои причуды и нервы.

– Вставай, пошли, – говорит Кузьмич, потягиваясь. – Поздно уже. Завтра утром все обговорим окончательно.

Я машинально поднимаюсь и устало тру лоб. Черт возьми, слишком уж много впечатлений для одного дня.

Утром в кабинете Кузьмича я застаю высокую молодую женщину, светлые, с рыжеватым отливом волосы аккуратно собраны в тугий пучок на затылке, на впалых щеках чуть заметный румянец, строгая вертикальная складка залегла между тонкими бровями, серые глаза смотрят сухо и внимательно. Ей бы еще очки в роговой оправе. Типичная «училка», да и только.

Впервые я вижу Лену так близко. Тогда, в троллейбусе, она показалась мне куда симпатичнее.

Кузьмич нас друг другу представляет, деловито и вполне официально.

– Старший лейтенант Лосев Виталий Павлович. Лейтенант Златова Елена Павловна...

Тут он на секунду останавливается, удивленный неожиданным совпадением, оглядывает нас и усмехается.

Мы тоже невольно, хотя и весьма сдержанно, улыбаемся.

– И в самом деле похожи, – говорит Кузьмич. – Оба длинные, худые, светловолосые. И даже лицом, пожалуй, похожи.

– Обрел себе сестрицу на старости лет, – шучу я без особого, впрочем, энтузиазма.

Лену эта мысль тоже, кажется, в восторг не приводит.

– А что? Такая легенда тоже может пригодиться, – серьезно подтверждает Кузьмич. – Пока что извольте друг друга по имени величать. С первого раза привыкайте.

– Доброе утро, Леночка, – говорю я чуть насмешливо.

– Доброе утро, Виталий, – сдержанно отвечает она мне.

Нет, я решительно недоволен такой сестрицей. «Синий чулок» какой-то. Что только нашел в ней Игорь? Впрочем, я ей, кажется, тоже не слишком пришелся по душе. Такие ощущения почти всегда взаимны, кстати.

Кузьмич, по-моему, все замечает, но вида не подает.

– Так вот, милые мои, – говорит он. – Летите вы завтра. День даю на подготовку. Ты, Виталий, сейчас полностью введи Лену в курс дела. Все обсудите. Наметьте легенду, кто вы, откуда и так далее. Это на случай контактов. И помните, задача ваша не только обнаружить и задержать Зуриха. Его там вообще может не оказаться. Надо еще выявить все его связи, найти ниточки, ведущие к убийству, а они там есть, не зря Клячко летал в Одессу. Вечером встретимся и все окончательно уточним. Вот так. Вопросы есть?

– Есть один, – говорю я. – Вы не звонили больше в Пунез, Федор Кузьмич?

– Нет, – сдержанно отвечает Кузьмич. – Ну, ступайте.

Мы выходим из кабинета. Я галантно пропускаю Лену вперед.

По дороге я заглядываю в комнату, где сидит Валя Денисов. Он, к счастью, на месте.

– Пойдем, – говорю я ему. – И захвати свою папку. Надо ввести товарища в курс дела.

Мы уже троим идем по коридору и заходим в мою комнату.

Пустой стол Игоря вызывает у меня какое-то сосущее, тоскливое чувство. Я бросаю быстрый взгляд на Лену. Серые глаза ее смотрят по-прежнему отчужденно и сосредоточенно. Она вся ушла в себя и не делает никаких попыток наладить хоть какой-то контакт со мной. Ну и особа.

Мы усаживаемся возле моего стола, и Валя раскрывает папку.

– Давай, – говорю я. – Мне тоже не грех вспомнить все детали.

Валя, кстати говоря, идеальный накопитель всяких сведений. У него не только феноменальная память, он еще умеет сгруппировать, сцепить факты и педантичным образом разложить их по нужным полочкам. В этом смысле одна его таблица чего стоит.

Ровным голосом Валя начинает докладывать все дело с самого начала, от последней кражи в гостинице и исчезновения Зуриха.

Некоторое время мы втроем обсуждаем всякие подробности, и, судя по коротким репликам Лены и ее вопросам, я убеждаюсь, что она прекрасно во всем разобралась и вообще не новичок в нашей работе. Это меня несколько примиряет с ней. Потом Валя выходит, и мы остаемся вдвоем.

– Ну так как, – говорю я, – вариант «брат – сестра» для внешних контактов принимается? Все другое, я думаю, будет сложнее.

– Пожалуй, – соглашается Лена.

– Тогда сразу переходим на «ты», – бодро говорю я и, не удержавшись, прибавляю. – На будущее тоже может пригодиться.

Лена бросает на меня внимательный взгляд и неожиданно спрашивает:

– Откаленко в Пунеже?

– Да.

– Есть что-нибудь от него?

– Пока ничего.

Она смотрит на меня все так же внимательно.

– Почему вас...

– Тебя, – поправляю я.

– Да. Почему тебя это беспокоит?

– Что именно?

– Что он молчит.

– С чего ты взяла, что это меня беспокоит?

– Так мне показалось. Это правда?

– Не совсем.

Лена пристально смотрит мне в глаза и сухо произносит:

– Если не хочешь говорить, не говори. Только обманывать меня не надо. На будущее это тоже имей в виду... Виталий.

Мне становится неловко, и в то же время возникает глухое раздражение. Что это, в самом деле, за менторский тон. Учить меня будет эта «училка», как вести себя.

– Хорошо, – сдержанно отвечаю я. – Буду иметь в виду, – и добавляю. – Давай закончим легенду. Кто наши родители? Твои, например, кто?

– У меня нет родителей, – тихо говорит Лена. – И я их не знаю. Можем оставить твоих.

– Как так не знаешь? – вырывается у меня.

Лена отводит глаза и отрывисто говорит:

– Они погибли. Оба. Мама была радисткой. А папа... он был разведчик. Они погибли вместе. Уже после окончания войны. Я не знаю как. Мне было два года...

Она умолкает. Мне вдруг становится неловко. Сам не знаю почему. За свою неприязнь к ней, что ли? Или за то, что у меня есть родители, есть Светка, и вообще я какой-то уж очень благополучный, и все у меня хорошо. А у нее...

– Кто твои родители, я знаю, – говорит Лена. – И как их зовут, тоже. Пусть будут они. Так легче. Давай дальше.

Я собираюсь с мыслями и предлагаю:

– Мы приехали в Одессу на праздники посмотреть город и остановились в гостинице.

– Да. Так лучше.

Словом, мы составляем неплохую легенду. Вечером еще уточним ее с Кузьмичом.

Лена смотрит на часы и прощается. Я провожаю ее и напоследок говорю:

– Знаешь, когда поедем, оденься как-нибудь... полегкомысленней.

Она впервые улыбается. Улыбка у нее хорошая.

– Обязательно...

Не успеваю я вернуться к себе в комнату, как звонит телефон. Взволнованный и какой-то очень знакомый девичий голос просит:

– Товарища Лосева можно?

– Слушаю вас.

– Ой, здравствуйте! Это Надя Пирожкова. Вы знаете, я его сейчас встретила, этого парня.

– Какого парня?

– Ну, который звонил нам.

– И говорили с ним?

– Да, да! Просто кошмар какой-то!

– Можете заехать ко мне?

– А я... Вы знаете, я напротив стою, в будке...

– Так что же вы? Идите сейчас же!

– Иду...

В трубке слышатся короткие гудки.

Через две минуты Надя появляется у меня в комнате. Короткое кожаное пальто расстегнуто, глаза возбужденно блестят, волосы спутаны, в руках у нее красивая сумка с длинным ремешком, чтобы носить на плече. Надя тяжело дышит. Видно, бежала. Усевшись к столу, Надя немного успокаивается и начинает торопливо рассказывать:

– Представляете? Я к вам прямо с вокзала. Подругу провожала. Она в Киев уехала, к родным, на праздники. Так вот, стоим мы около вагона. Кругом люди. И вдруг подходит парень. В дугу пьяный. И говорит: «Вот ты где, сучка. Давай, давай, гуляй пока». Я говорю: «Что вам надо?». А у самой руки-ноги трясутся. А он смеется: «Скажи, – говорит, – спасибо, что не завалил. Папаше своему скажи». – «Отстаньте, – говорю. – Я вас не знаю». А он говорит: «Зато я тебя знаю. Вот вернусь, тогда со мной погуляешь». И еще что-то в таком роде. Ну надо же? Я чуть не умерла со страху.

– Какой он из себя, этот парень? Одет как?

– Какой? Громадный, вот какой. Бык просто. И глаза красные. А одет... Ну я не помню, как одет. Как все.

Больше мне ничего у нее не удастся узнать. На глазах у Нади слезы, губы трясутся, и она никак не может открыть сумку, чтобы достать платок. Я помогаю ей. Потом даю стакан с водой. И наконец мы оба закуриваем.

– Ну а теперь, – говорю я, когда вижу, что она немного успокоилась, – скажите, зачем вы приходили в гостиницу к тому человеку?

– Какое это...

– Прямое, – перебиваю я ее. – Прямое отношение имеет к тому, что случилось. Ну, говорите...

– Я... сама не знаю... – мнется Надя. – Он пришел к нам домой... Папы еще не было... Мы разговорились... Потом он сказал, что у него есть одна вещь... и... и он мне ее подарит...

– Какая же вы, извините, дура! – в сердцах говорю я.

– Конечно, дура, – покорно соглашается Надя.

А я невольно вспоминаю Варвару, ее гневный взгляд, презрение, какое было в ее голосе, когда она говорила о Зурихе.

– Уж не браслет ли он вам обещал подарить? – с усмешкой спрашиваю я.

– Да. Откуда вы знаете?

Надя сидит пунцовая и не поднимает на меня глаз.

– Он... он и не думал ко мне приставать, честное слово... Просто хотел, чтобы я повлияла на папу...

– Ну и вы повлияли?

Я не могу скрыть злости и презрения. Надя еще ниже опускает голову.

– Я пробовала... – еле слышно шепчет она. – Папа на меня страшно накричал... и тоже сказал... что я... дура...

– Идите и немедленно привезите этот браслет, – говорю я. – Немедленно. Мы оформим это как положено.

Надя поднимается и выходит. Вид у нее побитой собачонки, мерзкой собачонки причем.

Часа через два она возвращается. Я веду ее к Кузьмичу. Там она и передает нам браслет. Конечно же, в присутствии понятых и ювелира, который его осматривает и оценивает. Потом я еду за Варварой. И она опознает браслет. Это мы тоже тщательно документируем.

В конце дня приезжает Лена.

Мы долго сидим у Кузьмича. Испытываем «на прочность» нашу «легенду». Ведь нам наверняка придется контактировать с весьма подозрительным окружением Галины Кочерги, а может быть, и самого Зуриха. И тут надо не ошибиться, надо точно сыграть свою роль. Мы имеем дело с умным и опасным врагом.

Потом Кузьмич звонит в Одессу.

Когда разговор кончается, я осторожно спрашиваю:

– Больше никуда не позвоните, Федор Кузьмич? В Пунеж, например?

– Звонил, – хмурясь, говорит Кузьмич. – Ничего там нового нет.

Я чуть скашиваю глаза.

Лена внешне сейчас абсолютно спокойна и невозмутимо курит. Но я замечаю, как при последних словах Кузьмича тонкие ноздри ее вздрагивают, Лена на миг прикусывает нижнюю губу. Кажется, она о чем-то все-таки догадывается. Но выдержке ее можно позавидовать.

Поздно вечером я приезжаю к Светке.

– Опять надо лететь, – виновато говорю я, снимая пальто в передней. – Опять, Светка.

– Ой, какая у тебя работа, – досадует она. – Бедная твоя жена.

– Нет, моя жена очень счастливая, – горячо возражаю я и крепко прижимаю Светку к себе.

Светка вырывается.

– У тебя пока еще нет жены, – смеется она. – И кажется, ей надо еще очень подумать.

Мы проходим в комнату.

Я ловлю себя на том, что люблю Светку. И она это чувствует и от этого, по-моему, становится еще красивее. Я убежден: женщину украшает только ответная любовь, от безответной она дурнеет. Ведь как, например, подурнела Алла, когда я ее видел последний раз.

Светка, как обычно, забирается с ногами на тахту, уютно устраивается там среди подушек и, кутаясь в свой голубой шарф, спрашивает:

– Куда ты летишь, Витик?

Я улыбаюсь и неторопливо закуриваю, устроившись на краешке тахты.

– А! – Светка досадливо машет рукой. – Ну конечно, в один большой город Эн. Пустяковая прогулка, да? Я все никак не могу привыкнуть. А с кем ты летишь?

– С той самой Леной, – отвечаю я.

– С какой Леной?.. Ах, с той...

Светка долго смотрит на меня и неожиданно говорит:

– Как тебе трудно будет, Витик...

Рано утром за мной приезжает Володя. На улице еще совсем темно. Я наскоро проглатываю завтрак.

Целую маму. Она еще в халате и совсем сонная. Но все же успевает дать целый ряд указаний, как беречь себя в поездке. Отца я будить не решаюсь. В институте у них какой-то междunarодный colloquium, и отец эти дни страшно устает. В передней я хватаю большой чемодан, который сложил еще вчера и отнюдь не за пять минут, как обычно свой неизменный портфель.

На этот раз мой «джентльменский набор» претерпел существенные изменения и сильно разросся.

Поверх свитера я надеваю легкую и теплую поролоновую куртку на «молнии», на голову светлую пушистую кепку, обвязываю шею весьма красивым и броским шелковым платком, который вчера дала мне Светка. Мельком смотрю на себя в зеркало и остаюсь доволен своим пижонским видом.

Когда я выхожу, Володя встречает меня вполне спокойно. Он привык и не к таким перевоплощениям. Еще из дому я успел позвонить Лене, и теперь мы едем за ней.

На Песчаной мы сбавляем скорость, чтобы не проскочить нужный дом. Затем, рассмотрев номер, и вовсе останавливаемся.

И тут же из подъезда выскакивает высокая гибкая фигура и бежит к нам. Это Лена. Нет, это она и в то же время не она. Я не могу скрыть своего удивления, и улыбка у меня, наверное, довольно глупая. Потому что Лена весело смеется, пока я открываю ей заднюю дверцу машины. А может быть, ее развеселил мой собственный вид?

На Лене блестящие расклешенные брюки, по-моему, чуть ли не кожаные, яркая красная куртка с откинутым назад капюшоном расстегнута, под ней виден красивый узорчатый свитер, рыжеватые волосы рассыпаны по плечам, на шее повязан легкий нейлоновый шарфик, а в руке у Лены большая красивая, в каких-то пестрых наклейках кожаная сумка на «молнии». И главное, все это ей необычайно идет. Вид у Лены лихой, кокетливый и совершенно юный.

– Эй, мальчики, подкиньте быстрее в аэропорт! – задорно кричит Лена, пока я вожусь с дверцей.

– Вот какие у нас офицеры, – бормочу я, все еще не в силах прийти в себя от удивления.

Лена проворно опускается на сиденье позади нас и хлопает дверцей. Володя рвет с места как бешеный и развивает сумасшедшую скорость.

Лена звонко хохочет.

Нет, я ее решительно не узнаю и, кажется, начинаю понимать Игоря. Между прочим, сестренка сестренкой, но такой помощник мне, пожалуй, может здорово пригодиться.

Во Внуково мы прибываем в рекордно короткий срок. Тут мы прощаемся с Володей, и он, окинув нас оценивающим взглядом, изрекает:

– А вы, между прочим, здорово смотрите, – и, подмигнув мне, добавляет. – Учти, все Светлане скажу, если что.

И вот снова знакомая суeta аэропорта. Посадка. Взлет. Полет начался.

– А кто это Светлана? – спрашивает Лена. – Твоя жена?

– Будущая.

– А фотографии ее у тебя нет?

– Как так нет!

Я достаю из бумажника фотографию Светки.

Светка улыбается, и Лена невольно улыбается тоже.

– Очень милая, – говорит Лена.

– Не то слово, – убежденно возражаю я и отбираю фотографию.

Некоторое время мы молчим. Потом Лена спокойно, почти безразлично спрашивает:

– Ты перед отъездом с дежурным не говорил?

– Говорил.

– Что Пунез?

Я чувствую, как она напрягается, чтобы скрыть волнение. И мне становится не по себе.

– Молчит... – хрипло отвечаю я и откашливаюсь.

Мы закуриваем.

– Лен, – спрашиваю я, – а как ты пришла к нам, в розыск?

– Как все, – она пожимает плечами. – Кончила юрфак. И тебя, кстати, помню. Такая великолепная каланча. Да еще секретарь курсового бюро. Между прочим, здорово ты тогда в баскет стучал. Мы ходили смотреть.

– Скажешь... – я усмехаюсь. – А вот чего тебя к нам потянуло? Не женское это дело, вообще-то говоря.

– Вообще может быть. Но не в частности...

Лена хмурится.

– А что в частности?

– Ну, был такой случай. Шли мы из кино. Три девчонки. Пристали какие-то хулиганы. Пытались затащить во двор. А когда не удалось, один вытащил нож и ударил Веру... Я, не помня, что делаю, кинулась на него. От неожиданности он нож выронил. И я подхватила... В этот момент я почему-то подумала о папе, которого не знала... И тоже ударила... Ножом, представляешь? Он закричал. От страха. Нож его еле поцарапал... А Вера умерла...

Лена умолкает и низко склоняется к иллюминатору. Я молчу и курю. Я не знаю, что сказать. Я только думаю о мере ненависти и мере добра в душе этой девушки, в душе каждого из нас.

Стюардессы разносят завтрак. Лена почти не притрагивается к нему, но я уничтожаю все, даже хлеб. Потом разворачиваю газеты. Этого занятия мне хватает ровно до того момента, когда из динамика раздается голос одной из стюардесс:

– Внимание! Наш самолет идет на посадку. Просим...

Мы не успеваем сойти по трапу, как прямо на летное поле выскакивает новенькая черная «Волга», из нее появляются два парня в легких плащах и без колебаний направляются к нам.

– Привет братику и сестричке, – весело говорит один из них. – Или вы думаете, мы вас не узнаем в этих шмутках?

Они крепко жмут нам руки. Я замечаю, как их взгляды останавливаются на Лене.

Сначала мы едем в гостиницу.

– Согласно указанию, – оживленно говорит Стась, – вам достанется «прима-люкс».

Стась невысокий, плотный, с хитрыми глазками на круглом улыбчивом лице, светлые волосы расчесаны на аккуратный пробор, на затылке они уже заметно редеют. Стась сидит впереди, рядом с водителем.

А с нами, по другую сторону от Лены, сидит Лева. Он худощавый и жилистый, лицо резкое, угловатое, острые скулы, тонкий с горбинкой нос, сросшиеся на переносице густые черные брови и синие от бритья щеки. Лева молчалив и застенчив.

– У нас роскошная погода, – продолжает трепаться Стась. – Одесса решила нас побаловать. Девушки цветут как магнолии. Просто невозможно заниматься. На Дерибасовской сплошной стон. А в Аркадии можно подойти к морю только по телам очень толстых одесских дам. Юные плещутся в воде. Представляете такую жизнь? Просто плакать и смеяться.

Действительно, в Одессе очень тепло. На улицах женщины в пестрых открытых платьях, у многих в руке зонты от солнца, мужчины в легких светлых костюмах. Придется и нам расстаться со своими теплыми свитерами.

Вот и гостиница.

Все три комнаты «люкса» потрясают нас своей роскошью. Никакого модерна, все старинно и солидно, включая рояль и громадную лепную вазу на мраморной тумбе в гостиной, а в кабинете диван красного дерева на высоких гнутых ножках и необъятный письменный стол с квадратом зеленого сукна и здоровенной бронзовой чернильницей. На высоченных окнах красивый прозрачный тюль и тяжелые набивные шторы по сторонам. Мне даже становится как-то не по себе от такой умопомрачительной роскоши.

Ребята прощаются. Условливаемся встретиться через час в управлении. От машины мы отказываемся.

Затем мы не спеша идем по залитым солнцем шумным улицам. Глазеим по сторонам, задерживаемся у витрин магазинов, у концертных афиш и киосков. Я даже угощаю Лену мороженым.

Наконец подходим к небольшому комиссионному магазину и принимаемся вместе с толпой зевак разглядывать выставленные в витрине вещи, при этом довольно оживленно обмениваемся впечатлениями, даже спорим. Получается у нас совсем неплохо. Заодно мне видно и всех, кто находится в магазине, и я пытаюсь узнать среди продавщиц Галину Кочергу. Однако ни одна из девушек не подходит под известные мне приметы.

Мы идем дальше.

– На тебя довольно выразительно поглядывал один тип возле того магазина, – говорю я. – Ты заметила?

– Еще бы, – кивает Лена и спокойно сообщает: – Он назначил мне свидание. В семь, на Приморском, возле Ришелье.

– Когда он успел? – удивляюсь я.

Лена смеется.

– Когда ты уткнулся в витрину.

– Такой интересный парень...

– Да? – оживляется Лена. – Представляешь, этот парень мне шепнул: «Оставьте братца и вечер при мне. Будет интер». Что такое «интер»?

– Интернациональный клуб моряков. У Гали, между прочим, там много знакомых.

Мы переглядываемся. У нас мелькает одна и та же мысль.

Но вот и управление. Входим туда с самым беззаботным видом, словно никакого отношения к этому учреждению мы не имеем. В вестибюле постовой недоверчиво разглядывает наши удостоверения.

В кабинете у Стася начинается совещание.

Стась, кстати, оказывается майором и замначем уголовного розыска города. Как обманчива бывает внешность! И ведь, хитрец, сразу не назвался. Я подробно докладываю все обстоятельства, которые привели нас в Одессу. И кстати, первые наши впечатления здесь.

– Мы, между прочим, проверили, – говорит Стась. – Галина сегодня на работе. Так что не теряйся. Знакомься сегодня же.

– Интер тоже пойдет, – замечает Лева. – Как говорят киношники, эту площадку необходимо освоить. А вот насчет командированного к нам бандита кое-что прикинем. У нас есть одно место, куда таких тянет как магнитом со всего города. Мы там понаблюдаем эти дни.

– Точно, – кивает Стась. – Левушка все правильно ухватил.

– Что за место? – спрашиваю я.

– Сам увидишь, – загадочно отвечает Стась. – На сегодня пусть будет интер. Для вас обоих, если удастся, – и обращается к Лене: – Ты, сестричка, не тревожься. Мы приглядим. Между прочим, этот мальчик, что с тобой познакомился, пижон и мелочь. Мы его знаем. Но связи кое-какие есть.

– Я и не тревожусь, – улыбается Лена и, как бы между прочим, спрашивает. – Как у вас связь с Москвой?

– Нормально, – удивляется Стась. – А что?

– Так... На всякий случай.

Но я-то понимаю, почему она об этом спрашивает, и говорю:

– Попозже надо будет позвонить. Возможно, получим кое-какие новые данные.

Лена бросает на меня благодарный взгляд. Нет, она мне положительно начинает нравиться.

Когда совещание заканчивается, мы с Леной расстаемся. Она отправляется бродить по городу, а я иду в комиссионный магазин.

Галина Кочерга пока что единственная ниточка у нас здесь, ведущая к Зуриху. И надо быть очень осторожным, чтобы эту ниточку не оборвать или, что еще хуже, не передать по ней ненароком сигнала тревоги всей этой шайке. Кстати, самого Зуриха, по-видимому, пока здесь нет. Иначе Галина встретила бы с ним хоть раз за эти дни. Последнее время ребята Стася внимательно приглядывают за ней. Вообще Галина, вернувшись в Одессу, ведет себя странно. Она никуда почти не ходит, ни с кем не встречается, просто избегает встреч и вечерами сидит дома, с матерью. Правда, по словам Левы, который ее неплохо, оказывается, знает, Галина – человек настроений, может удариться в загул, и тогда ей «море по колено», а может и захандрить, и тогда никого к себе не подпускает. Видимо, сейчас у нее именно такое настроение. И это, конечно, осложняет мою задачу.

Размышляя, я не спеша бреду по улицам и вскоре оказываюсь возле комиссионного магазина.

Около него по-прежнему топчутся зеваки, разглядывая выставленные в витрине вещи.

Неожиданно около меня оказывается какой-то юркий паренек в берете и немыслимо пестрой рубашке, под которой видна полосатая тельняшка. На треугольном личике – круглые темные очки и узенькая ниточка усов, щеки заросли могучими бакенбардами.

– Желаете резинку? – негромко спрашивает он, глядя в сторону. – Парагвай. Могу толкнуть.

– Чего? – переспрашиваю я.

– Ха! Салага. Ты хочешь жевать или нет? – усмехается он. – Имею заграничный товар «люкс».

– А-а, жевательная резинка? – догадываюсь я.

– До кенгуру доходит быстрее. Так да или нет? А то я...

Он не успевает кончить. Возле него вырастают два паренька с красными повязками на рукавах.

– Интересуемся заграничным товаром, – насмешливо говорит один из них. – Пойдем поторгнемся. Ну, топай, топай ножками, тюлька сухопутная.

– Дружина... – цедит сквозь зубы тот. – Кошмар, а не жизнь.

И покорно следует за ребятами. Эта жанровая сценка наводит меня на интересную мысль.

Я захожу в магазин. После залитой солнцем улицы здесь кажется темно. Однако постепенно глаза привыкают, и я начинаю ориентироваться в окружающей обстановке. Народу много. Слева тянется прилавок, где торгуют посудой и всякими антикварными безделушками, дальше, кажется, ювелирный отдел и часы. Справа вдоль стен развешаны костюмы, платья, пальто.

Я разглядываю продавщиц. Нет, ни одна не похожа на Галину. Спрашивать о ней я не решаюсь. Откуда я могу ее знать? Наше знакомство должно произойти только сейчас.

Некоторое время я топчусь возле прилавка среди покупателей, даже прицениваюсь к чему-то. Я чуть не на голову выше всех тут, и мне все отлично видно вокруг. Но вот появляется и Галя. Она выходит из подсобного помещения. Я сразу ее узнаю.

Да, вот это бабочка! Секс прямо-таки прет из нее. Вызывающе дерзкие черные глаза, яркие пухлые губы, под облегающим шелковым халатиком высокая, пышная грудь и стройные, совершенно пленительные бедра, а походка такая, словно она несет себя вам. Я вспоминаю старика Бурлакова и сладостное восхищение, с которым он описывал Галину.

Что же, тем лучше. Попытка познакомиться с такой девицей не вызовет ни у кого подозрений, в том числе и у самой Галины. Хотя задача моя, конечно, не из легких. Я себе представляю, сколько таких попыток делается каждый день. Тут действительно нужен какой-то неожиданный ход. И то, что мне пришло в голову еще на улице, будет, кажется, самым подходящим.

Я незаметно приближаюсь к прилавку, где стоит Галя. Впрочем, незаметно, это не то слово. Меня, конечно, замечают. Такую каланчу как я, да еще столь небрежно и «загранично» одетую, нельзя не заметить. А глаз у Гали наметанный.

Когда я оказываюсь возле нее, и нас разделяет лишь прилавок, я наклоняюсь и негромко говорю, безбожно коверкая русскую речь:

– Мадемуазель показывайт мне кой-что интересно и абсолютно азиатско?

– Что же вам показать? – обольстительно улыбается она.

– О-о! Где угодно, мадемуазель.

Галя прыскает от смеха.

– Где или что? – спрашивает она.

– Я не совсем понимают вопроса. Вы восхитительна, мадемуазель. Такая девушка... я забываю слов. Можно я сделаю подарок лично вы? Или это... как сказать?.. вас мог обидеть?

– Нельзя, – строго говорит Галя, но глаза ее продолжают смеяться.

– Закон такой, да?

– Да, да, – не выдержав, улыбается она.

– Какая жаль. Я бы так хотел. Я привез одна прелесть...

– А что взамен? – игриво спрашивает Галя.

– О-о! Одна прогулка по красавице Одесса. И один обед. Все!

– Ой ли?..

Галя смотрит на меня так лукаво, что я на секунду ощущаю неподдельное волнение. Просто черт, а не девка!

– Слово! – говорю я и приподымаю руку, как будто клянусь.

– Я подумаю.

– И долго? Вечность?

– Но я же на работе.

– О-ля- ля! Понимаю. Вечность, значит, до вечера, да?

Галя на миг с улыбкой замуривается, давая понять, что я угадал.

– В который час?

Я вижу, что она колеблется. И еще я вижу, что сумел ее заинтересовать. Но колебания, видимо, серьезные. Глаза ее становятся неожиданно задумчивыми, между красивыми бровями возникает строгая складочка. Она даже прикусывает нижнюю губку. Какая-то борьба явно происходит в ней. Наконец Галя вздыхает, улыбается, бросает на меня лучезарный взгляд и говорит:

– Ладно. Была не была, – она понижает голос и быстро оглядывается. – Приходите в семь к оперному. Знаете?

– О да. Знаю, знаю. Гран мерси, мадемуазель.

Она с улыбкой кивает мне.

Лавируя среди покупателей, я направляюсь к выходу. Краем глаза замечаю, что Галя следит за мной, и движения мои невольно становятся ловкими и гибкими. Мне тоже хочется произвести впечатление.

Я возвращаюсь в гостиницу.

Лены еще нет. Я не спеша прогуливаюсь по огромным комнатам нашего «люкса» и курю одну сигарету за другой. Есть о чем подумать, как вы понимаете.

Наконец появляется Лена, раскрасневшаяся и возбужденная. Стягивает с себя куртку и жалуется:

– Невозможная жара в этой Одессе. Говорят, просто небывалая в такое время.

– Погоди, – многозначительно предупреждаю я. – Скоро будет еще жарче. Увидишь.

Лена настораживается:

– Да? Что же ты узнал?

Я рассказываю о своем знакомстве с Галей. И даже произношу несколько фраз на изобретенном мной языке.

– Ой! – хохочет Лена. – Какой же ты, оказывается, артист! И она поверила?

– А ты бы не поверила?

– Ну нет, – Лена трясет головой. – А впрочем, когда все это говорит такой красивый и громадный парень...

Я галантно раскланиваюсь и спрашиваю:

– Не согласен ли мадемуазель последовать обед в ресторан? Завтракать мы еще самолет. Лена хлопает в ладоши.

– Bravo! Только учти, что я очень голодная. И еще учти, что меня уже приглашали, но я отказалась.

– Тебя нельзя выпускать одну на улицу, – ворчу я. – Особенно в таких потрясных брюках.

– А что? – Лена откидывается назад и упирается руками в бока.

Вечером мы оба отправляемся на свидания.

У Лены все предельно ясно: парень ее мелочь, но есть интересные связи. Он часто бывает в интерклубе и всех там знает. Возможно, знает и Галя, и ее окружение.

Передо мной куда более сложная задача. Как вести себя с Галей, до конца не ясно, и как завоевать ее доверие – тоже. И никто тут посоветовать ничего не может. Придется ориентироваться на месте, исходя из обстановки. Все тут тревожно и даже загадочно.

Уславливаемся только об одном: Лена никуда из интерклуба не уходит, как бы этот парень ее ни тянул. А я, если удастся, приду туда же с Галей. И тогда знакомлю ее с Леной. Я помню слова Кузьмича. То, что могу не понять или не сумею узнать я, может, удастся Лене.

Я прихожу к театру минут за десять до условленного срока. Надо успеть сориентироваться.

На небольшой уютной площади перед театром, окруженной платанами, толпятся нарядно одетые люди. Все оживленно и громко переговариваются, смеются, окликают друг друга.

Я оглядываю все вокруг очень внимательно, но ничего подозрительного не замечаю. Правда, в толпе шныряют компании каких-то чересчур развязных парней, у некоторых за спиной гитары, другие, кажется, по-мелкому спекулируют. Но все это особого внимания не заслуживает.

Вот только те двое. Они неподвижно стоят в тени деревьев. Внешне ничем не отличаются от парней, шныряющих в толпе. Одеты тоже весьма пестро. Узкие, в обтяжку брюки с широкими инкрустированными ремнями и необъятным клешем, расстегнутые рубахи, пестрые платки вокруг шеи, на голове маленькие кепочки с обрезанными козырьками. Курят, изредка тихо переговариваются между собой. И кажется, поглядывают в мою сторону. Почему они тоже не снуют в толпе, не кричат, не задираются, не хохочут вместе с другими? И почему к ним никто не подходит? Впрочем, мало ли почему. Может быть, они ждут своих девушек?

Но вот и Галя. Она появляется возле меня как-то неожиданно. На ней легкая накидка, красивое темное платье с блестками, нитка гранатов вокруг шеи, в ушах крупные, тоже гранатовые серьги. Глаза подведены и загадочно блестят. Галя очень красива, но как-то слишком уж броско, вызывающе, для всех.

– Здравствуйте, дорогой гость Одессы, – чуть насмешливо говорит она и протягивает мне руку.

На ее пальце сверкает кольцо. Три бриллиантика, как три ягодки, висят на золотом стебельке. То самое кольцо!

– О мадемуазель! Вы восхитительны, – говорю я и вполне искренне люблюсь ею. – Можно выйти на эту площадь? Я стану на колени и буду просить у вас прощение.

– Вот как? Вы, значит, провинились? – она улыбается так лукаво, что мне на секунду становится не по себе.

– О да. Провинился. Перед вами.

– Ну, говорите уж, – машет рукой Галя и окидывает меня каким-то странным, оценивающим взглядом.

– А вы меня после этого не прогоните? – спрашиваю я уже без всякого акцента, так сказать, на чистейшем русском языке.

Галя так звонко хохочет, что на нас оглядываются.

– А я все ждала... когда вам... надоест... – захлебываясь от смеха, говорит она. – Нашли где притворяться... в Одессе...

Я доволен. Галя не думает сердиться и, кажется, тоже довольна.

– Пойдемте отсюда, – говорит она и берет меня под руку.

Мы выходим на Дерибасовскую. По широким тротуарам льется поток гуляющих. Шум, возгласы, смех. Кажется, вся Одесса пришла сюда отдохнуть и повеселиться.

Галя увлекает меня в какую-то боковую улицу. Вокруг уже тихо, пусто и темно. Гулко звучат наши шаги по каменным плитам.

– Вы долго здесь пробудете, у нас? – спрашивает Галя.

– Мне вообще не хочется отсюда уезжать, – отвечаю я.

– Неужели влюбились?

В голосе Гали слышится усмешка.

– А вы к этому не привыкли?

– Даже надоело, – притворно вздыхает Галя.

В это время я слышу позади нас чьи-то быстрые шаги. Идут несколько человек. Торопятся.

Раздается свист.

– Эй, мальчик! – кричит кто-то.

Я оглядываюсь. Нас догоняет компания парней, человек пять. Ко мне подходит высокий кряжистый парень, поверх пестрой рубашки на плечи накинут пиджак. Да ведь это он стоял около театра, под деревом, только без пиджака почему-то.

– Куда хилеешь с нашей Халей? – развязно спрашивает он. – Ты, шлендра... Или я что-то не понимаю?

Остальные пытаются меня окружить. Я отступаю к стене дома.

– Ребята, не надо, – как-то неуверенно говорит Галя.

– Исчезни, – приказывает ей высокий парень. – Тут мужской разговор.

– Кое-что ты не понимаешь, – говорю я ему как можно спокойнее, – придется объяснить.

– Он еще твякает, – говорит кто-то.

– Будем драться? – спрашиваю я.

– Ха! Он будет драться! – издевательски произносит высокий. – Вы слышали? Жаба, – обращается он ко мне. – Мы тебя будем сейчас делать, понятно?

И тут я вдруг улавливаю чей-то взмах руки. В ней зажат нож. Ого! Я перехватываю руку, заученно выворачиваю ее и сильно бью ребром ладони. Парень с воплем катится на мостовую. Удар гарантирует его невмешательство в дальнейший ход событий. Остальные кидаются на меня.

Я падаю и тут же сдвоенным ударом ног бью высокого парня в живот. Это страшный удар. Тот складывается пополам и медленно оседает на землю, хватая ртом воздух. И сразу же я получаю в скулу резкий, но не очень умелый удар слева.

Я вскакиваю. Теперь передо мной трое. Длинный катается по земле, изрыгая проклятия. Встать он не может. Второй парень лежит около стены и тихо стонет.

А я бросаюсь вперед. Ярость захлестывает меня. Двое отскакивают. Но третий попадает в мертвый клинч. Сзади кто-то бьет меня в спину. Я разворачиваюсь, и второй удар приходится по зажатому мною парню. Тело его обвисает. Глубокий обморок. Я отпускаю руку. И тут же

парирую новый удар. В этот момент в конце улицы появляется машина. Ослепительный свет фар, рев мотора и резкий, пугающий перезвон сирены...

Я оглядываюсь. Галя в испуге прижалась к стене. Я хватаю ее за руку и увлекаю в темную подворотню дома. Недостает только нам с ней попасть в милицию. Мы оказываемся в каком-то дворе, перебегаем его, и я с треском распахиваю дверь, над которой укреплен тусклый фонарь. Сзади, на улице, слышны свистки. Ну конечно, это патрульная милицейская машина. Мы с Галей осматриваемся. Высоко под потолком горит лампочка. Это подъезд дома. Напротив выход на улицу.

– Ну вы мужчина, – одобрительно говорит Галя. – С вами не страшно.

Голос у нее спокойный и даже чуть веселый. Кажется, я преувеличил ее испуг там, на улице.

– А с вами не страшно? – спрашиваю я.

Галя усмехается.

– Вам нет. И три бюллетеня вы сегодня обеспечили, это уж точно.

– А еще что-нибудь я обеспечил?

– Или я не женщина? – улыбается Галя. – Или я могу остаться равнодушной, по-вашему?

Она привстает на цыпочки и нежно обнимает меня за шею.

И тут я вспоминаю странный ее взгляд при встрече, две молчаливые фигуры в тени, возле театра. Да, тут есть о чем поразмыслить.

Я молча отряхиваю брюки, поправляю куртку, волосы и поворачиваюсь к Гале.

– Вид у меня как? Вам не стыдно со мной идти?

– С вами мне теперь никуда не стыдно идти.

Она достает из сумочки платок и, снова встав на цыпочки, осторожно вытирает мне щеку. Скула болезненно ноет.

– Знаете, мне хочется пойти в одно место, – говорю я. – Но не знаю, как туда попасть. Интерклуб моряков. Знаете?

– Или! – откликается Галя. – Пойдемте. Все будет сделано.

Мы выходим на улицу. У меня побаливает спина, но я не подаю вида.

Вот и набережная. В обе стороны тянется Приморский бульвар. А прямо перед нами, на площади, одинокий памятник Ришелье, основателю Одессы. Он угрюмо смотрит на море и на знаменитую лестницу, волнами спускающуюся к порту, широченную красавицу лестницу в сто девяносто две ступени, которую знает, по-моему, весь мир.

Справа от нас светятся огни интерклуба, окна его выходят на Приморский бульвар. Из окон интерклуба доносится музыка.

– Сейчас тебе все будет, – говорит Галя, прижимаясь ко мне. – Или я не «мадемуазель Галя».

Мы подходим. Галя шепчет что-то людям у входа, и нас мгновенно пропускают.

Красиво в клубе, весело, шумно. В зале гремит оркестр. У стойки бара и в буфете толпятся моряки, с ними нарядные раскрасневшиеся девушки, тут же какие-то парни с длинными по моде волосами, в пестрых рубашках и умопомрачительных брюках клеш. Среди моряков много иностранцев, их можно узнать по лицам, по фасонам курточек, по замысловатым нашивкам на рукавах.

Мы проходим в зал. По пути я оглядываю себя в зеркало. Вид, прямо скажем, неважный. На скуле растекся рыже-фиолетовый синяк, перечеркнутый запекшейся царапиной, куртка испачкана и помята, брюки тоже. Ну да ладно.

– Потопчемся? – предлагает Галя. – Или что?

– Обязательно потопчемся, – весело отвечаю я. Она вскидывает мне руку на плечо.

Оркестр прямо-таки надывается, словно в экстазе. По маленькой эстраде мечется с микрофоном в руке потный парень в черном приталенном фраке, оглушительные вопли его понять

невозможно, да и не обязательно. Зал веселится и хохочет. Боже мой, чего тут только не пляшут под эту бешеную музыку! Я ищу глазами Лену.

Вон она! Танцует с каким-то иностранным моряком. Где же ее кавалер? Ага, вот подходит и он, отрывает от моряка и угощает мороженым. С высоты моего роста мне все отлично видно. Ну, теперь, кажется, самое время.

– Ого! Кого я вижу! – говорю я. – Моя сестренка!

– Ты здесь с сестрой? – удивляется Галя.

Она как-то очень легко и естественно перешла со мной на «ты». Все-таки столько вместе пережили.

– Ну да, – отвечаю я. – Отличная сестренка. Сейчас я тебя с ней познакомлю.

Но это, оказывается, не так-то просто. Когда мы, танцуя, пробираемся наконец к Лене и ее кавалеру, они уже покончили с мороженым и сейчас с упоением что-то отплясывают. Парень не сводит с Лены восхищенных глаз. Она разругалась, рыжие волосы рассыпались по плечам, а гибкая ее фигурка в узких кожаных брюках выделяет немыслимые телодвижения, что-то уж сверхсовременное. Откуда только она всему этому научилась, интересно знать? Мне становится смешно.

– Алло! Ленка! – кричу я.

Лена замечает меня, прекращает танцевать и тащит своего кавалера к нам. Мы знакомимся.

– Гога, – представляется парень.

С Галей он, оказывается, знаком.

– Чао, Гога, – улыбается она, но я замечаю, что ее не очень радует эта встреча.

Гога отвечает ей тоже довольно сдержанно.

– Виталий, что с тобой? – всплескивает руками Лена, разглядывая мой великолепный синяк.

Я безмятежно машу рукой.

– Упал, – говорю я. – Поскользнулся на ровном месте. Со мной это бывает, как ты знаешь.

– Влез в какую-нибудь драку? – не унимается Лена. – Ведь так? – обращается она к Гале.

– Я страшно спешил на свидание, – быстро говорю я. – Галя меня таким уже получила.

– Именно, – весело соглашается Галя. – И такой он мне очень понравился. Или я ничего не понимаю в мужчинах.

Некоторое время мы еще танцуем. С Галей то и дело кто-то здоровается, порой довольно развязно. Какой-то парень пытается даже ее увести от меня, но Галя неуверенно отказывается. Парень бросает на меня недобрый взгляд.хлопотнее же быть кавалером у этой «мадемуазель Гали». Не хватает только еще одной драки из-за нее. Впрочем, та, первая, произошла, мне кажется, совсем не стихийно. «Халочка», наверное, решила проверить меня на свой манер. Зачем только ей это потребовалось, интересно знать?

Через некоторое время мы все идем в буфет.

Мы пьем вино, заедаем яблоками и конфетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.